

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОЛЯКОВ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ в XIX – начале XXI вв¹.

А. В. Черных
Пермь

Пермское Прикамье – один из полиэтничных регионов Урала, Поволжья и России. На протяжении многих веков разные народы связывали судьбы с Пермским Прикамьем. Одним из народов многонационального сообщества Пермского края являются поляки. Польская история Пермского Прикамья начинается в первой половине XIX в., именно к этому времени относятся первые документальные свидетельства о постоянном пребывании поляков в Пермском Прикамье. После вхождения части польского государства в состав Российской империи польские общины стали активно формироваться во многих регионах России.

Польское население Пермской губернии и города Перми в первой половине XIX в. не было многочисленным. Появление поляков в Прикамье в этот период было связано с политической ссылкой и добровольной миграцией. Сведения о поляках этого периода в Пермской губернии весьма отрывочны. Немногочисленные документальные и мемуарные источники свидетельствуют о пребывании в Пермской губернии и, в частности, в губернском городе польских ссыльных – участников восстания 1830–1831 гг.² Нет точных списков, состава и количества поляков, участников восстания 1830–1831 гг., посланных в Пермскую губернию. Исследователи лишь отмечают, что в Перми в этот период находилось около 40 ссыльных поляков³.

В документах того времени имеется немало свидетельств о присутствии поляков в городе Перми и губернии, тех, кто добровольно приехал в Пермский край. Так, в списках родившихся и крещенных капелланом при Пермском гарнизонном батальоне за 11 сентября 1841 г. сообщается о рождении в семье Идалии и Казимира Рудзеевских (дворян из Минской губернии) сына Ивана⁴. В записи за 5 июля 1841 г. сообщается о скоропостижно скончавшейся на 43-м году жизни жене батальонного аудитора Е. А. Бердяковской, уроженке Могилева, а за 19 августа и 16 сентября в метрической книге сделаны записи о смерти рядовых Пермского гарнизонного батальона Яна Ковенского (28 лет) и Лукаша Газара (23 года)⁵. К середине XIX в. общая численность поляков в городе Перми составляла уже более 100 человек⁶.

Во второй половине XIX в. численность польского населения в городе Перми и Пермской губернии увеличивается, в первую очередь, за счет миграционного притока. Как и в предыдущий период, в Пермское Прикамье поляки попадали двумя путями: добровольно в поисках работы и служебной карьеры и в качестве ссыльных. Добровольная миграция в этот период значительно превышала число отправленных в Пермскую губернию в ссылку.

Значительный приток в Пермскую губернию польских ссыльных связан с событиями 1850–1860-х гг. После нарастания революционных выступлений 1859–1860 гг., особенно после восстания 1863 г., поток ссыльных в отдаленные территории России возобновился⁷. На основании циркуляра департамента полиции от 28 мая 1863 г. Пермская губерния стала одной из 14 административных территорий, предназначенных для ссылки поляков, «обнаруживших противоправительственные стремления»⁸. Местами ссылки стали шесть уездов губернии. Кроме того, Пермская губерния относилась к числу так называемых «внутренних губерний» России, где было разрешено селиться отбывшим срок каторги и ссылки. После восстания 1863 г. ссыльные прибывали в течение всего года, и селили их по Пермской губернии в отведенные циркулярами уезды. В пермскую ссылку поляки попадали еще по нескольким причинам: перевод из сибирской ссылки; ссылка за нарушения в крестьянском вопросе; ссылка арестованных в период национального подъема 1861–1862 гг. Всего ссыльных различных категорий в Пермской губернии в тот период насчитывалось около 760 человек⁹. Большая часть сосланных в Прикамье поляков были рядовыми участниками восстания. Среди них были представители разных слоев польского общества: дворяне, мещане, чиновники, военные, врачи, священники.

После 1870 г. массовый приток ссыльных поляков на восток, в том числе и в Пермскую губернию, прекратился. С конца 1860-х гг. начинается и завершение для отдельных поляков их ссылки в Пермской губернии¹⁰. Польская ссылка в Пермской губернии участников восстания 1863–1864 гг. заканчивается в начале 1890-х гг. В циркулярах департамента полиции и пермского губернатора и рапортах уездных исправников 1894–1895 гг. отмечается, что в 12 уездах Пермской губернии нет лиц, «отбывающих наказание за участие в польских восстаниях 1863 г.»¹¹.

Однако и в последующие периоды в Пермской губернии находились сосланные поляки. В пермских архивах, в частности, сохранились документы о высланных в Пермь участниках политических демонстраций 1894 г. в Варшаве¹².

Значительно увеличивается во второй половине XIX в. и число тех, кто добровольно приезжает в Пермскую губернию по службе, для работы. Польское сообщество города Перми за вторую половину XIX в. увеличивается более чем в семь раз. В этот период Царство Польское уже плотно интегри-

ровалось в российскую экономику; многие поляки, имея хорошее образование и желание трудиться, делали карьеру в отдаленных от центра губерниях России, где всегда был высокий спрос на квалифицированных специалистов. Вклад поляков в развитие российской государственности, в военное дело, образование и просвещение, в культуру, в том числе и на примерах Пермского Прикамья, невозможно не оценить.

Анализируя личные дела поляков, работавших в Пермской казенной палате во второй половине XIX – начале XX вв., можно сделать некоторые выводы о социокультурном облике чиновников польского происхождения города Перми. Большинство из поляков, работников казенной палаты, приехали в Пермскую губернию из западных губерний Российской империи: Гродненской, Могилевской, Минской, Волынской, Ковенской¹³. У некоторых поляков родители к тому времени проживали и работали на территории губерний Центральной России. Так, среди места жительства в делах упоминаются Вятская, Смоленская губернии, города Санкт-Петербург, Екатеринбург¹⁴. Причем многие из тех, кто родился в западных губерниях, обучение проходили уже в Центральной России и даже в Пермской губернии (указаны города Казань, Рыбинск, Соликамск¹⁵). Социальный состав работающих в государственных органах и учреждениях поляков достаточно пестрый. Среди чиновников Пермской казенной палаты встречаются представители военных, мещан, священников, дворян и других сословий¹⁶. Документы показывают и высокую мобильность российского чиновничества: в формулярных списках мест службы, как правило, определены несколько губерний и городов России.

Важным для консолидации польского сообщества города Перми явилось становление католической общины. В начале 1860-х гг. в город прибыл постоянный католический священник¹⁷. В 1875 г. в Перми был построен католический храм. К моменту открытия при храме числилось уже 1035 прихожан¹⁸. Храм стал центром католической общины не только Перми, но и всей Пермской губернии. Сохранившиеся метрические книги 1870-х гг. показывают, что священник для совершения треб бывал почти во всех уездных городах Пермской губернии, в том числе и Пермского Прикамья – Кунгуре, Соликамске, Осе, Оханске¹⁹.

Храм стал не только религиозным центром для католиков, он заложил и принцип расселения поляков в Перми. Как уже отмечалось, много польских домов «кучно» располагалось в окрестностях улицы Большой Ямской, поближе к храму²⁰.

Материалы Всероссийской переписи 1897 г.²¹ дают наиболее полные сведения о расселении, численности, социальном составе, основных сферах деятельности народов Пермского Прикамья, в том числе и польского населения Пермской губернии. По данным Всероссийской переписи 1897 г., всего в Пермской губернии проживало 1980 поляков, что составляло менее 1% от

всего числа жителей. Большинство поляков губернии проживало в губернском городе Перми и уездных городах. Доля городского польского населения составила 66,5% против 33,5% сельского. Среди западных уездов губернии основным сосредоточением городской жизни поляков стал губернский город Пермь и купеческий город Кунгур. Только в Перми проживали 739 поляков (37,3% от всего польского населения губернии, 1,5% – в составе всего населения города), в Кунгуре – 40 человек, далее по численности поляков находились Чердынь (19 поляков) и Соликамск (19), Оса (11) и Оханск (1). Всего в Пермском Прикамье, в западных уездах Пермской губернии – Пермском, Кунгурском, Осинском, Оханском, Соликамском и Чердынском – перепись отметила 1091 поляка, составивших 55,1% от всех поляков региона.

В структуре народов Пермского Прикамья поляки не занимали лидирующие позиции, уступая по численности русским, татарам, башкирам, евреям, марийцам и другим народам. В то же время в национальной структуре губернского города Перми поляки были заметным этническим сообществом. По своей численности они находились на четвертом месте после русских и татар, незначительно уступая по численности евреям.

Данные переписи 1897 г. о занятиях поляков показывают, что в основном они были задействованы в сферах управления, службы, железных дорог. Значительная часть занималась мелкой торговлей. Наиболее многочисленными сферами, где трудились поляки, были «вооруженные силы»: 28,8% от общей численности поляков (315 человек). Далее следовали сферы «администрация, суд и полиция» – 11,1% (121 человек), «производство экипажей и постройка деревянных судов» – 9,4% (103 человека), «частная прислуга и поденщики» – 6,2% (68 человек), «доход с капитала и недвижимого имущества, средства родителей» – 5,8% (64 человека), «врачебная и санитарная деятельность» – 3,6% (40 человек), «железная дорога» – 6% (66 человек), «наука, литература и искусство» – 2,8% (31 человек), «винокурение, пиво и медоварение» – 1,8% (20 человек)²².

По данным 1897 г., среди польского населения можно отчетливо увидеть неравномерное соотношение в половом и возрастном распределении из общего числа. Большую часть польского населения (62,8%) составляли мужчины. Их было 1244 человека, женщин – 736 (37,2%). Подобная диспропорция была характерна больше для городского населения, нежели сельского, например, в городе Перми на 555 поляков приходилось 184 польки. Из всего числа поляков 1427 человек (72%) находились в возрасте до 40 лет. В соответствии со статистическими данными можно говорить, что поляки Прикамья конца XIX в. были преимущественно мужчинами трудоспособного возраста.

Материалы переписи показывают и этноконфессиональную ситуацию у поляков Пермской губернии. В религиозном отношении поляки в конце XIX в. выглядят достаточно однородно. Подавляющее большинство, то есть

1915 человек (96,8%), по вероисповеданию являлись католиками, и лишь незначительная часть – 2,3% (44 человека) были православными, а протестантами разных направлений – 0,9% (18 человек). Центром католической жизни поляков был город Пермь, в нем проживал 731 человек, или 38,2% от общего числа польского населения Пермской губернии, исповедующего католицизм.

В конце XIX в. значительная часть польского населения занимала достаточно высокое социальное положение. По социальному происхождению поляки Прикамья были разделены на восемь групп: потомственные дворяне, личные дворяне и чиновники, духовенство, почетные граждане, купцы, мещане и крестьяне. Наиболее высоким у поляков был процент дворян. Среди всех дворян Пермской губернии, а их проживало здесь 4814 человек, 820 человек (17%) было польского происхождения. В основном поляки дворянского сословия проживали в Перми. Из всех дворян, проживающих в губернском городе, а их было 1278 человек, 243 человека, или 19%, были поляками. В структуре собственно польского населения доля потомственных дворян была также высока. Среди поляков, живущих в городе Перми, 243 человека (33%) являлись потомственными дворянами. Личные дворяне и чиновники составляли 9%, или 66 человек. Потомственных дворян польского происхождения было 29,6% от общего числа дворян в Перми (822 человека). Таким образом, анализ происхождения поляков показывает, что почти 50% польского населения в Прикамье носили титул потомственных или личных дворян и чиновников, около 30% составляли крестьяне, остальные принадлежали к мещанскому или прочим сословиям.

Итак, по материалам переписи 1897 г. поляки являлись преимущественно городским населением, большая их часть была сосредоточена в губернском городе Перми. Более половины польского населения были потомственными или личными дворянами. Польское население отличала высокая доля грамотных. В основном поляки были задействованы в сферах управления, службы, железных дорог, значительная часть занималась мелкой торговлей. Среднестатистический поляк был молодым человеком, католиком, с высшим образованием, без семьи, выходцем из западных губерний России с социальным статусом потомственного дворянина, жившим в губернском городе.

Таким образом, XIX – начало XX вв. характеризовались динамичными процессами формирования польского населения Пермского Прикамья, процессами его адаптации в пермское сообщество. Во второй половине XIX в. поляки были одним из значительных этнических меньшинств, сформировавшихся за счет добровольных и принудительных миграций в Пермском Прикамье.

В начале XX в. к уже известным факторам миграции поляков в Пермскую губернию добавилось переселение польских крестьян на земли западных уездов Пермской губернии. Правда, как и в других территориях Урала, оно

не было массовым и значительным. Поляки основали лишь несколько поселений на Урале²³. В Пермском Прикамье польские крестьяне принимали участие в освоении земель Сивинского имения Крестьянского поземельного банка в Оханском уезде Пермской губернии²⁴. Земли Сивинского имения осваивались с 1901 г. преимущественно выходцами из западных губерний России, в том числе русскими, украинцами, белорусами, латышами, эстонцами, поляками. Выходцы из западных губерний (Могилевской, Минской, Виленской, Витебской и Гродненской) составили значительное число переселенцев. Среди выходцев из этих губерний были и поляки. Среди хуторов Сивинского имения можно назвать польские хутора – Радур, Корсака Бронислава, Корсака Виктора, Мицкевича Фомы, Спиридоновский. Поляки отмечены также в русско-польском хуторе Ромашевых, русской деревне Каменец-Подольский и белорусской деревне Мошково. В 1926 г. в этих населенных пунктах отмечено 43 поляка²⁵. Хуторские хозяйства в этом районе были ликвидированы к 1939–1940 гг., в более поздний период не встречено сведений о поляках в этом районе. Скорее всего, они влились в состав родственных им русских и белорусов этих территорий. В семейных преданиях современных жителей Сивинского района еще можно услышать об их польских корнях и предках.

Начало Первой мировой войны с 1914 г. обусловило массовый приток беженцев во внутренние губернии России из западных прифронтовых губерний. Массовая эвакуация поляков началась в 1915 г., когда российские войска отступали из польских губерний. Общая численность поляков вне пределов Польши на 1 января 1917 г. составила 3 112 180 человек, которые были разбросаны по 69 губерниям России²⁶. Среди внутренних губерний, где были размещены поляки-беженцы, была и Пермская губерния. Так, согласно документам Пермского губернского управления по делам пленных и беженцев²⁷, отдельные польские семьи беженцев проживали в уездных городах губернии, в том числе в Чердыни и Кунгуре. В городе Кунгуре, например, отмечено 26 семей поляков-беженцев²⁸.

В этот период для помощи беженцам в стране создавались общественные организации, в том числе Петроградское общество помощи полякам – жертвам войны (ПОПЖВ), к концу 1916 г. в России насчитывалось 247 отделений ПОПЖВ²⁹. В Перми местное отделение ПОПЖВ проводило вечера, лекции для поляков, оказывало нуждающимся материальную поддержку. О нуждах ПОПЖВ, собраниях и прочих мероприятиях регулярно сообщала газета «Пермские губернские ведомости». В течение 1916 г. в Перми у настоятеля римско-католического храма периодически проводились собрания членов местного отделения Петроградского общества помощи полякам – жертвам войны³⁰.

Таким образом, в начале XX в. польское сообщество региона усложнилось, появились сельские поселения с крестьянским населением, к числу

постоянно проживающих и работающих в Прикамье поляков прибавились в годы войны беженцы. Мы не располагаем точными данными о количестве поляков Прикамья к 1917 г., однако, скорее всего, их численность за период с переписи 1897 г. увеличилась.

Период 1917–1939 гг. можно назвать следующим этапом в жизни поляков Пермского Прикамья. События русской революции 1917 г., Гражданская война обусловили значительные изменения в пермском сообществе, в том числе вызвали миграции населения. Данные о численности поляков в Пермском Прикамье в этот период имеются в материалах переписи 1920 г. Согласно этим данным, в Чердынском уезде проживали 7 поляков, в Усольском – 68, Оханском – 91, Кунгурском – 175, Осинском – 122, Пермском – 1096 поляков³¹. Всего в шести уездах проживало 1559 человек, что, несмотря на миграционный отток, почти на треть больше, нежели в 1897 г. Большинство поляков Пермской губернии, 936 человек, по-прежнему было жителями города Перми, что с точки зрения статистики было увеличением численности (с 1897 г.).

Впервые в этот период истории в Прикамье отмечены национальные общественные организации, в том числе и польские. При Совете народных комиссаров был создан Польский комиссариат и Союз беженцев, который вел свою работу по всей стране³². Польский комитет действовал и в Прикамье. Главными задачами комитета в этот период была консолидация польского сообщества региона и организация возвращения беженцев на родину. Активная деятельность комитета была приостановлена в годы Гражданской войны. Уже в 1920-е гг. при агитпропе Пермского губкома функционировало Польское бюро (Польбюро). Наиболее активный период его деятельности приходится на 1920–1921 гг., когда в Прикамье еще находилось значительное число поляков-беженцев. По данным центрального Польского бюро, в этот период существовали две польские секции в Перми и Кунгуре. Согласно отчетам, функционировали польский клуб, библиотека, две школы и детский сад с общим количеством обучающихся 70 человек³³. После возвращения поляков-беженцев на родину деятельность Польбюро сворачивается, с 1923 г. работа национальных бюро была прекращена почти по всей стране, а с 1924 г. они ликвидированы³⁴.

В начале 1920-х гг. происходит отток польского населения из региона, что связано с организованным возвращением беженцев Первой мировой войны на родину, оптацией польского гражданства частью пермских поляков. Уже перепись 1926 г. отметила сокращение на треть численности польского населения в Прикамье, которая составила в Сарапульском, Кунгурском, Пермском, Верхнекамском, Коми-Пермяцком округах Уральской области 955 человек. Для анализа этнокультурного развития польского сообщества важны данные о владении родным языком. В 1926 г. 596 человек, или 63% из числа

всех поляков Прикамья, назвали польский язык в качестве родного, 346 человек (36%) в качестве такового назвали русский³⁵.

Однако уже следующая перепись населения в 1939 г. показала значительное, почти двойное увеличение поляков в районах Пермской области, которое составило 1796 человек, из них 421 с родным польским языком³⁶. Что явилось причиной увеличения численности поляков в регионе за 13 лет, прошедших с переписи 1926 г.? Это, в первую очередь, раскулаченные и сосланные в Прикамье крестьяне из Белоруссии и Украины, в том числе и поляки. Точных данных об этническом составе высланных в Прикамье спецпереселенцев, к сожалению, нет. Можно только по косвенным данным делать те или иные заключения. Так, анализ дел всех 1323 поляков, репрессированных в Пермской области, показал, что из них 739 человек были раскулачены и высланы в Пермское Прикамье³⁷. Поэтому можно утверждать, что значительный прирост польского населения этого периода был обусловлен принудительным переселением «раскулаченных» поляков в Прикамье.

Годы Второй мировой войны явились временем наиболее массового принудительного переселения поляков в Пермское Прикамье. После присоединения в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР бывшие военные, большая часть которых была участниками советско-польской войны 1920 г., получившие землю – «осаду» – на этих территориях, расценивались как потенциальные враги. Согласно положению от 29 декабря 1939 г. СНК СССР, все они подлежали выселению из западных областей³⁸. Молотовская область была одной из территорий, на которой обосновывались спецпереселенцы. На 1 марта 1941 г. в спецпоселках Молотовской области числилось 1903 семьи, или 9160 человек польских осадников. Несмотря на указ об амнистии польских граждан от 12 августа 1941 г., многие из бывших спецпереселенцев продолжали оставаться на территории Молотовской области³⁹.

Вторая категория поляков, оказавшихся в годы войны в Прикамье, – мобилизованные в Красную армию и переведенные из боевых частей в рабочие батальоны⁴⁰. Многие поляки из Молотовской области в годы войны стали солдатами армии Андерса, а позднее – дивизии имени Т. Костюшко, других дивизий. В 1946 г. большинство поляков, оказавшихся в Прикамье в годы Второй мировой войны, покинули Молотовскую область⁴¹.

Послевоенный период в истории польского сообщества Пермского Прикамья по-прежнему остается слабо изученным как по причине отсутствия значительного числа источников, так и того, что в этот период «национальный вопрос» не стоял так остро и жизнь многих национальных сообществ этого времени почти неизвестна. Только материалы переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. показывают динамику численности и некоторые этнокультурные особенности польского сообщества региона в этот период.

В 1959 г. численность поляков в Пермской области достигла 2464 человек, что составляло 0,08% от числа всего населения области в тот период. Перепись 1959 г. показала наибольшую численность поляков в Прикамье за весь период их 200-летнего пребывания в Пермском Прикамье. Увеличение численности поляков в Прикамье в этот период, даже по сравнению с переписью 1939 г., объясняется несколькими факторами. С одной стороны, в Пермском Прикамье, видимо, осталась часть спецпереселенцев, высланных с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. С другой стороны, в этот же период конца 1940–1950-х гг. в Пермском Прикамье проводилась целенаправленная политика привлечения трудовых ресурсов из других регионов России и СССР. Молотовская область как территория со значительным числом промышленных предприятий была одним из регионов России, остро нуждающихся в трудовых ресурсах. Белорусская ССР была одним из регионов, закрепленных за Молотовской областью для осуществления переселенческой политики. Так, только в 1951 г. в Пермское Прикамье прибыла 1001 семья из Белоруссии, или 3927 человек. Они были представлены выходцами из Брестской области (464 семьи, 1833 человека), Пинской области (442 семьи, 1690 человек), Молодеченской области (95 семей, 404 человека)⁴². Среди переселенцев из Белоруссии были не только белорусы, но и поляки. Послевоенный период был первым периодом, когда в регионе не было массовых принудительных переселений поляков, характерных как для XIX в., так и для первой половины XX в.

В дальнейшем численность поляков в регионе снижалась, так как миграции 1960–1980-х гг. не были существенными. Лишь незначительное число поляков в этот период приезжало в Пермскую область для обучения в вузах, попадало в Прикамье по распределению, по другим личным или семейным обстоятельствам.

В 1970 г. численность поляков в Пермской области составила 1607 человек, снизившись на 857 человек (или на 34,8%). Материалы переписи показали и слабое владение поляками родным польским языком. Только четверть поляков, 411 человек, или 25%, назвали польский язык в качестве родного. Дальнейшее снижение численности поляков в Пермской области отметила и перепись 1979 г., согласно которой в Прикамье проживали 1378 человек, указавших польскую этническую принадлежность, что составило 0,05% от числа всего населения области (3 008 211 человек). Перепись 1989 г. показала прежнюю тенденцию к сокращению численности польского сообщества, отметив в крае 1183 поляка.

Новый этап в этнокультурной истории поляков в Пермском крае начинается в 1990-е гг. Распад Советского Союза, изменение идеологических установок и активизация общественной жизни национальных сообществ существенным образом сказались на этнических и этнокультурных процес-

сах. С 1990-х гг. произошло резкое изменение векторов миграции в Пермское Прикамье. Если до этого периода миграции из западных регионов были постоянными, то в последние десятилетия таких миграций не наблюдается. Это прежде всего сказалось на численности пермских поляков, на составе польского сообщества региона, так как на протяжении всей предыдущей истории происходил постоянный миграционный приток польского населения в Пермское Прикамье.

Всероссийская перепись 2002 г. отметила сокращение почти на треть численности поляков в Пермской области по сравнению с 1989 г. В 2002 г. в регионе проживало 742 поляка (в сравнении с 1183 поляками в 1989 г.)⁴³. Родным языком называли польский язык 62 человека (8,36%). Последующая перепись 2010 г. также отметила снижение численности поляков в Пермском крае. Согласно материалам переписи, численность поляков в крае составила 510 человек (0,69% от уровня 2002 г.). Материалы переписи позволяют проследить особенности расселения поляков в регионе. Большая часть поляков Прикамья – 82,7%, как и прежде, представлена городским населением. Наиболее значительная их численность отмечена в городах Пермь (193 человека), Березники (35), Соликамск (25 человек)⁴⁴. Анализ численности поляков в территориях края показывает дисперсный характер их расселения. Они представлены в большинстве административных территорий Пермского края.

Новым явлением 1990-х гг. стала активизация общественного движения, создание национальных общественных организаций. Пермский центр польской культуры действует в Прикамье с 1994 г.⁴⁵. Среди многочисленных задач центра – организационное объединение пермских поляков, изучение польского языка и сохранение польской культуры в диаспоре, а также презентация исторического и культурного наследия поляков в Пермском крае.

Для современного этнокультурного развития поляков Пермского края одной из актуальных представляется проблема сохранения этнической культуры и этнической идентичности. Дисперсное расселение в окружении значительно доминирующего, но родственного русского народа приводит поляков к высокой степени адаптивности и интегрированности в местное сообщество и, как следствие, интенсивным аккультурационным и ассимиляционным процессам. Наглядно результаты этих процессов показывают данные о владении родным языком, показанные поляками при проведении Всероссийской переписи населения 2010 г. На владение русским языком указали 100% поляков Прикамья, при этом для абсолютного большинства, для 460 человек (90,2%), родным языком является русский. Только 36 поляков Пермского края (7,6%) отметили владение польским языком. Скорее всего, в дальнейшем в Пермском крае будет отмечаться сокращение численности поляков.

В этих условиях важная задача польского сообщества региона – сохранить и актуализировать польскую идентичность у молодого поколения, в том числе двойственную и полиэтническую. Другой не менее важной задачей представляется сохранение и представление польского исторического и культурного наследия в регионе, которое глубоко и прочно связывает поляков как с пермским сообществом, так и с Польшей.

История поляков в Пермском Прикамье насчитывает уже два столетия. За этот период наблюдаются динамичные миграционные процессы, которые явились отражением общественно-политических и социально-экономических событий в России. Постоянный приток поляков в Пермское Прикамье, миграционные польские волны обеспечивали сохранение стабильной численности представителей этого народа на протяжении длительного периода. Наиболее активным и значимым периодом в жизни польского сообщества края следует считать вторую половину XIX – начало XX вв., период, когда поляки, несмотря на свою малочисленность, играли заметную роль в социально-экономическом и социокультурном развитии губернского города Перми и уездов Пермской губернии.

Поляки – один из немногих народов, который, хотя и активно осваивал регион в XIX–XX вв., не создал компактные этноареальные группы и в большей степени был представлен городским населением, расселенным дисперсно, что не могло не сказаться на специфике этнокультурных процессов. Как и другие славянские группы Пермского Прикамья, поляки достаточно быстро адаптировались и интегрировались в местное сообщество, высока была интенсивность ассимиляционных процессов. Лишь первое поколение мигрантов владело родным языком и сохраняло комплексы этнической культуры. Второе и третье поколения поляков показывали уже слабое владение польским языком, основными комплексами этнической культуры.

В настоящее время поляки по-прежнему остаются одним из этнических сообществ многонационального Прикамья, а их история и вклад в развитие региона сегодня являются достоянием и наследием Пермского края.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX – начале XXI вв.».

² Терехин А. А. Ссылка в Пермской губернии в XIX в. Диссертация на соискание ученой степени канд. историч. наук. Пермь, 2003. С. 125–127; Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2009. С. 27–30.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). Ф. 504. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ ГАПК. Ф. 504. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

- ⁶ Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С. 102.
- ⁷ Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 17.
- ⁸ Орлова-Стшижевская С. А. Участники восстания 1863 г. в пермской ссылке // Путь в историю, пути в истории...: Сб. статей и воспоминаний. Пермь, 2002. С. 130–131.
- ⁹ Там же. С. 126.
- ¹⁰ Терехин А. А. Указ. соч. С. 174.
- ¹¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1160.
- ¹² ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1159.
- ¹³ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 508, 917, 994, 995; Ф. 338. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁴ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 192, 578; Ф. 338. Оп. 1. Д. 14.
- ¹⁵ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 185, 891.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 111 Оп. 1. Д. 185, 192, 193, 506, 508, 544, 578, 743, 807, 891, 917, 997, 1001; Ф. 338. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁷ Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. Пермь, 2009. С. 65.
- ¹⁸ Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 110.
- ¹⁹ ГАПК. Ф. 688. Оп. 1. Д. 1–7.
- ²⁰ Сборовский В. Польское присутствие // Вечерняя Пермь. 2001. 3 мая.
- ²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.
- ²² Там же.
- ²³ Леончик С. В. Польские крестьяне на территории Поволжья и Урала во второй половине XIX – начале XX в. // POLONIA в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв.: Сб. научных статей и сообщений. Казань, 2011. С. 253–259.
- ²⁴ Подробнее об истории имения и его заселении см. в книге: Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2010; а также: Черных А. В., Голева Т. Г., Каменских М. С., Шевырин С. А. Белорусы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2013.
- ²⁵ Список населенных пунктов Уральской области. Т. VIII. Пермский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, 1928. С. 310, 362, 364, 372, 390, 402, 400.
- ²⁶ Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. М., 1974. С. 20–24.
- ²⁷ ГАПК. Ф. 25р. Оп. 2. Д. 8.
- ²⁸ ГАПК. Ф. 25р. Оп. 2. Д. 8. Л. 50–85.
- ²⁹ Селицкий А. И. Поляки на Кубани: Исторические очерки. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 107.
- ³⁰ См. напр.: Помощь воинам полякам // Пермские губернские ведомости. 1916. 3 янв. № 2. С. 3; Помощь полякам – жертвам войны // То же. 1916. 10 янв. № 7. С. 3.
- ³¹ Распределение населения (обоого пола) в Пермской губернии по национальности, по данным разработки материалов переписи 1920 г. // Статистический сб. на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39.

³² Поляки в Пермском крае... С. 133–135; Митинг польских беженцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. 1918 г. 17 февраля. С. 3–4.

³³ Поляки в Пермском крае... С. 134.

³⁴ Там же. С. 135.

³⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

³⁶ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 132–133.

³⁷ Поляки в Пермском крае... С. 142–143.

³⁸ Там же. С. 163.

³⁹ Там же. С. 172.

⁴⁰ Там же. С. 173–174.

⁴¹ Там же. С. 178.

⁴² ГАПК. Ф. р. 476. Оп. 2. Д. 4349. Л. 27.

⁴³ Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.

⁴⁴ Всероссийская перепись населения 2010 г. Итоги // [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Режим доступа: URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default. Дата обращения: 15.12.2013.

⁴⁵ Поляки в Пермском крае... С. 213–219.

**ДЕПУТАТ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ОТ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ АЛЕКСАНДР БАБЯНСКИЙ:
генерал, адвокат и общественный деятель**

Р. А. Циунчук
Казань

Александр Фомич Бабянский (Бабяньский, Бобянский / Babiański) является одной из ярких фигур российской Полонии конца XIX – начала XX вв. Он авторитетный военный юрист, генерал-лейтенант военно-юридической службы российской армии, а после выхода в отставку – успешный столичный адвокат, крупный предприниматель и промышленник на Урале, депутат III Государственной думы Российской империи, видный деятель польского сообщества в России.

После 1918 г. в независимой Польше Александр Бабянский был известным адвокатом и общественным деятелем, защитником национальных меньшинств и сторонником польско-литовского диалога. Ему посвящены лишь три краткие справочно-биографические статьи (две – на польском¹ и одна – на русском², основанная на материале польских публикаций) и справки в Википедии. В публикациях присутствуют противоречия и неточности. Нужно признать, что пока все еще остаются неизвестными исследователям и общественности в России и Польше многие обстоятельства богатой на события жизни, повороты судьбы и подробности военной службы, адвокатской практики, активной политической и общественной деятельности этого незаурядного человека.

Александр Лаврентий Бабянский (Aleksander Wawrzynec Babiański) родился 16 июня (по другим сведениям, 4 июня) 1853 г.³ в польской шляхетской семье, владевшей небольшим имением около деревни Войгово Россиенского уезда Ковенской губернии (ныне Вайгува в Кельмском районе Шауляйского уезда Литовской Республики). Его родителями были Томаш Юлиан Бабянский (Tomasz Julian Babianski) и Юлия, урожденная Пиесляк (Julia Piesliak). Род Бабянских, принадлежащий к гербу Дембно (Dembno), был включен в VI часть Родословной книги Дворянского депутатского собрания Ковенской губернии («древние благородные дворянские роды, доказательства дворянского достоинства которых восходят за 100 лет, то есть до времени правления императора Петра I»).

Александр был четвертым из шестерых детей в семье. Родители старались дать детям хорошее образование. Александр Бабянский выбрал военную карьеру, окончил Полоцкую военную гимназию и Второе Константиновское военное училище. Добровольцем он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁴, где был ранен и получил свои первые награды – орден святой Анны 4-й степени и орден святого Станислава 3-й степени с мечами, а так-

же сербский орден Таковского креста. Решив получить высшее образование, А. Бабянский поступил в Александровскую военно-юридическую академию и окончил ее по 1-му разряду.

Довольно быстро и успешно складывалась его карьера по военно-судебному ведомству: в 1881 г. в 30 лет в звании штабс-капитана он назначается помощником военного прокурора Санкт-Петербургского военного округа. Со службой в столичном военном округе оказались связаны свыше 20 лет его жизни и карьеры. Вскоре он уже капитан⁵, в 1884 г. – подполковник, а в 35 лет в 1888 г. он получает звание полковника. Свыше десяти лет, с 1892 г. по 1905 г., он являлся членом военного суда Санкт-Петербургского военного округа⁶. В 1898 г. он получает чин генерал-майора⁷. В 1905 г. Бабянский вышел в отставку, получив очередное звание генерал-лейтенанта, пенсию «с правом ношения мундира». К этому времени к его наградам прибавились еще пять орденов: святой Анны 3-й и 2-й степени, святого Станислава 2-й степени, святого Владимира 4-й и 3-й степени.

Еще во время службы Бабянского произошел эпизод, свидетельствовавший о его политических взглядах и нравственных убеждениях. Во время службы в Петербурге А. Бабянский, не прерывая связи с родными местами, нередко приезжал в Ковенскую губернию, где принимал участие в местных общественных мероприятиях. Как известно, одними из немногих официально разрешаемых властями в Западном крае общественными объединениями были сельскохозяйственные общества. Такое общество действовало и в Россиенах и было единственным на всю Ковенскую губернию. В 1899 г. это общество с успехом провело сельскохозяйственную выставку.

По воспоминаниям видного деятеля российского и польского либерального движения, известного адвоката и депутата I Государственной думы от Минской губернии Александра Ледницкого, во время банкета поочередно на русском языке провозглашались тосты за монарха, губернатора, предводителя дворянства, наконец, за председателя выставки – поляка. После принятия верноподданических телеграмм встал А. Бабянский и «к ужасу поляков и к возмущению русских бюрократов заговорил по-польски. Он поднял бокал за здоровье литовского крестьянина – хозяина этой земли, который живет на ней на протяжении веков и никогда ее не покинет»⁸. Жандармы и губернатор донесли в Петербург о публичном использовании военным судьей Бабянским польского языка и о содержании выступления и настаивали на принятии мер. Однако военно-судебное ведомство было независимым и дисциплинарных мер не приняло, было внесено предложение о переводе из столицы, хотя Бабянский и попросил об отставке⁹. В итоге Бабянскому все же дали дослужить до 25-летней выслуги на том же месте.

Имея широкие теоретические и практические познания, высокую эрудицию, будучи приверженным идее верховенства права и закона, А. Бабян-

ский пользовался авторитетом в кругах самых известных правоведов обеих столиц. Он был членом Юридического общества при Санкт-Петербургском университете¹⁰. Там он регулярно встречался с будущими лидерами либерального освободительного движения, организаторами конституционно-демократической партии, такими как А. С. Муромцев, В. Д. Набоков, В. М. Гессен, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. М. Винавер. Здесь же он постоянно общался с юристами, деятелями польского движения в России Л. И. Петражицким, Л. К. Дымшей. Со многими из них А. Бабянский будет встречаться как с политиками, депутатами Государственной думы и надолго сохранит товарищеские отношения.

Александр Бабянский принимал активное участие в жизни польской общины Петербурга, которая концентрировалась вокруг старейшего в тогдашней столице России римско-католического костела святой Екатерины, с начала 1900-х годов он был синдиком костела¹¹. Многие годы Бабянский участвовал в деятельности благотворительного общества при костеле святой Екатерины, был членом ревизионной комиссии этого общества¹².

Александр Бабянский приветствовал объявленные Манифестом 17 октября 1905 г. государственные преобразования. Он был одним из организаторов собрания 17 декабря 1905 г. активистов польской диаспоры столицы России. Собрание было проведено с целью консолидации петербургской Полонии накануне первых думских выборов и учреждения Союза поляков в Петербурге¹³. Весной 1906 г. А. Ф. Бабянский вел переговоры о возможных польских кандидатах в депутаты I Государственной думы от курии мелких землевладельцев Шавельского уезда Ковенской губернии¹⁴. Там располагалось его имение. Но выборы оказались более благоприятными для литовских (крестьянских) кандидатов¹⁵. В 1905 г. он вошел в руководящую группу Союза автономистов-федералистов, созданного по инициативе знаменитого лингвиста, профессора Яна Бодуэна де Куртене, известных адвокатов Александра Ледницкого, Ильи Шрага и других.

С выходом в отставку начался новый этап жизни А. Бабянского. Он становится адвокатом – присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты. Как опытный практик, отличный знаток права и блестящий оратор он быстро завоевал авторитет, выступая по различным делам, имевшим широкий резонанс в обществе. Например, в конце 1906 г. он выступал в суде по делу контр-адмирала Н. И. Небогатова и других командиров кораблей, сдавшихся в плен в мае 1905 г. В конце речи адвокат А. Бабянский заявил: «Офицеры, сидящие здесь на скамье подсудимых, как и многие тысячи других, явились лишь невольными жертвами великой исторической драмы, которая знаменует крушение старого порядка, основанного на произволе и безответственности. Цусима – это... последняя ставка русской бюрократии... Лишь после Цусимы впервые на Руси раздался голос свободного граждани-

на»¹⁶. Как адвокат он также принимал участие в политических процессах, защищая деятелей Польской социалистической партии (ППС), Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), партии социалистов-революционеров¹⁷.

Отставной генерал и известный адвокат А. Ф. Бабянский проявил себя и как успешный предприниматель. Деловые интересы связали его с Уралом, где он «благоприобрел» крупную, даже по уральским меркам, лесную дачу в 75 тысяч десятин в Саранинской волости Красноуфимского уезда¹⁸ (ныне поселок Сарана Красноуфимского района Свердловской области) и еще несколько земельных участков.

В 1907 г. начался новый этап в судьбе А. Ф. Бабянского, связанный с активной политической деятельностью в качестве депутата первого российского парламента. Как землевладелец он смог воспользоваться своим избирательным цензом в Пермской губернии и 14 октября 1907 г. был избран в III Государственную думу от общего собрания выборщиков Пермского губернского избирательного собрания¹⁹. Его кандидатуру выдвинули местные кадеты, он прошел сначала в выборщики, получив на завершающем этапе также поддержку выборщиков-крестьян. Это один из редких случаев, когда поляк был избран в депутаты от губерний, не имеющих заметного компактно проживающего польского населения (в 1906 г. в I Государственную думу были избраны от города Казани профессор Габриэль Шершеневич и от Санкт-Петербурга – профессор Леон Петражицкий).

В Думе III созыва (1907–1912 гг.) Александр Фомич Бабянский вошел в конституционно-демократическую фракцию. Он состоял в двух думских постоянных комиссиях: бюджетной (росписи доходов и расходов) и о неприкосновенности личности. Он состоял также в согласительной комиссии для рассмотрения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общероссийского значения²⁰. Он был председателем отдела Думы по проверке полномочий членов Государственной думы и докладывал от комиссии на общем собрании. Весьма активен он был в течение всех ее пяти сессий как в общих собраниях, так и в комиссиях. Особенно интенсивно он работал в одной из самых важных и требовавших квалификации комиссий – бюджетной, где обыкновенно выступал экспертом по расходам на военное, военно-морское, военно-судебное министерства и ведомства, бюджету министерства внутренних дел, управления пограничной стражи и интендантского управления и других государственных структур.

Бюджетная комиссия свыше десяти раз назначала А. Ф. Бабянского в качестве докладчика по вопросам росписи доходов и расходов и ее исполнения. Александр Бабянский был одним из самых активных депутатов Государственной думы от уральских губерний. Он сделал на сессиях Думы III созыва около 100 выступлений по различным вопросам²¹. Значительный резонанс

имели критические выступления А. Бабянского по вопросам внутренней политики, особенно о военно-полевой юстиции и о смертных казнях²². Находясь в Петербурге, А. Ф. Бабянский сохранял связи со своими избирателями из Пермской губернии, способствовал решению важных для развития края вопросов. С этой целью в 1910 г. он организовал в столице «Общество пермяков», куда привлёк многих уроженцев губернии²³.

А. Ф. Бабянский поддерживал систематические контакты с деятелями польского движения в России, а также в Австро-Венгрии. В предвоенные годы А. Бабянский разделял идеи неославизма. Известно, что в 1910 г. он принял участие в праздновании 500-летия Грюнвальдской битвы и открытии посвященного битве памятника в Кракове.

Как сторонник национального и религиозного равноправия А. Бабянский принципиально выступал при обсуждении законопроектов, направленных на ограничение прав Финляндии, при обсуждении ограничительных мер против поляков в законопроекте о введении земств в шести губерниях Западного края и о проекте по выделению из числа губерний Царства Польского Холмской губернии. Кадетская фракция, к которой принадлежал Бабянский, солидаризировалась с борьбой членов Польского коло и Группы западных окраин против правительственных антипольских и антифинляндских законопроектов. При обсуждении финляндского вопроса правовед А. Бабянский подчеркивал противозаконность этих мер: «Можем ли мы, уничтожая конституцию хотя и маленького народа, но конституцию, обеспеченную монархом и целым веком исторических преданий, можем ли мы на этом строить свои конституционные начала?» – и, как бы обращаясь с трибуны Государственной думы к финляндскому народу, заявлял, что в России «есть слои общества, которые не желают бесправия и попрания прав хотя и маленького, но с нами исторически связанного культурного народа»²⁴.

Как поляк, выходец из Западного края А. Бабянский с юных лет был знаком с установленной там системой национально-религиозных ограничений для поляков, католиков и римско-католической церкви. При обсуждении вопроса о введении земств в Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях, предполагавшего разделение избирателей по русской и польской куриям и введение ограничений для нерусских на занятие ими руководящих земских должностей, он дал политико-правовую оценку положения в западных губерниях: «Западный край, о котором мы говорим, лишен самых примитивных начал гражданственности... это единственный пример в Европе, чтобы огромный край с 200 000 населения был лишен всякого права и управлялся только на основании административного произвола»²⁵. Анализируя ситуацию в многонациональных губерниях западной окраины, А. Бабянский сделал образный вывод, что «Западный край представляет из себя темницу на границе Европы; там люди расставле-

ны по клеткам и ненавидят друг друга, как арестанты своих невольных спутников», и предлагал «раскрыть темницу и создать атмосферу законности, гласности и общественного труда»²⁶. Он поддерживал предложения снять с польского населения имеющиеся и вводимые проектом ограничения, установить пропорциональную систему представительства в земствах и снизить избирательный ценз.

Известно, что главным антипольским проектом начала XX в. был Холмский проект, согласно которому из двух губерний Царства Польского – Люблинской и Седлецкой, заметную часть населения которых составляли малороссы (бывшие греко-католики), – образовывалась Холмская губерния, которая становилась внутренней губернией Российской империи, подчиненной киевскому генерал-губернатору, а Седлецкая губерния ликвидировалась. Соответственно, на поляков и католиков в Холмской губернии должны были распространиться все ограничения, применяемые к ним в Западном крае после восстания 1863 г. Выступая с трибуны Думы, А. Бабянский разоблачал планы правительства и правого крыла депутатов: «Смысл законопроекта в том, чтобы для части населения – польской – создать целый ряд ограничений и признать ее не национальностью польской, а национальностью русской... Мы стоим на точке равноправия: создайте одинаковые права для одной части населения, как и для другой». Он призывал: «Не надо, чтобы кто-нибудь ополчался, но и не надо, опять-таки, стремиться насильственным путем обеличить и денационализировать то население, которое имеет совершенно определенные национальные и религиозные идеалы»²⁷.

В ходе думской дискуссии по внесенному правительством проекту реформы городского самоуправления в Царстве Польском А. Бабянский, осуждая существующую систему управления в Польше, основанную на бюрократическом подавлении всякой общественной самостоятельности местного населения, обратил внимание как на внутренние последствия этой ситуации, так и на внешнеполитический контекст проблемы, подчеркнув, что «эта система управления, с одной стороны, радует врагов России, с другой стороны, ослабляет надежды наших друзей, ослабляет надежды всех тех славянских народов, которые обращают внимание на эту сторону»²⁸. В этом заявлении прослеживалась политическая ориентация Бабянского на идеи неославизма.

В своей речи он также выступил против антисемитизма и дискриминации женщин, предложив распространить избирательные права в городское самоуправление в польских губерниях на евреев и женщин²⁹. Он имел последовательную позицию в Думе против неравноправия женщин и дискриминации еврейского населения. Среди подписанных А. Бабянским законопроектов были такие, как о предоставлении права женщинам быть присяжными поверенными, о раздельном жительстве супругов, об отмене ограничений в местожительстве и передвижении евреев³⁰.

Значимой частью общественной жизни А. Ф. Бабянского были издательская работа и публицистика. С 1910 г. он стал издателем-редактором популярной в польских общинах газеты *Dziennik Petersburski*³¹, продолжение которой выходило под названиями *Kurier Nowy*, *Dziennik Petrogradzki*³² и *Dzeinnik Narodowy*, а также сотрудничал в русскоязычных изданиях, например, в «Биржевых ведомостях» и «Национальных вопросах». В дальнейшем А. Бабянский был одним из членов Бюро польской прессы³³.

Александр Бабянский с его опытом, связями и средствами сыграл важную роль в сложнейший для всей страны и для российских поляков период Первой мировой войны 1914–1918 гг., когда разделенная между воюющими державами Польша стала театром военных действий, польские воины сражались и гибли на фронтах, а во внутренние губернии Российской империи устремились сотни тысяч беженцев и вынужденных переселенцев из Царства Польского и западных губерний.

В это время он создал в Петрограде общество *Ognisko Polskie* и был его председателем³⁴, входил в руководство многих польских общественных и благотворительных организаций. В 1914 г. он стал также одним из основателей Польского товарищества помощи жертвам войны (*Polskie Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny*), руководителем его культурного отдела. Он также был членом Общества народного театра, Товарищества любителей истории и литературы, а также Польского товарищества юристов и экономистов. После смерти члена Группы западных окраин в Думе III–IV созыва Генрика Свенцицкого в 1916 г. А. Бабянский стал председателем Польского потребительского товарищества (*Polskie Towarzystwo Spożywcze*), игравшего особую роль в материальной поддержке петроградской Полонии. Как активный польский общественный деятель он являлся также членом Совета польских организаций в России. А. Бабянский с воодушевлением воспринял прозвучавшее обещание предоставить Польше автономии. Он, как и другие польские деятели в России, всячески стремился способствовать достижению этой цели, установив контакты с польскими патриотическими деятелями, в том числе с членами Польской войсковой организации (POW). В 1916 г. содействовал созданию Польско-российского кружка друзей независимости Польши (*Koło Przyjaciół Niepodległości Polski*), а после Февральской революции 1917 г. представлял в Петрограде Общество независимости (*Zrzeszenia Niepodległościowego*). А. Бабянский стал членом Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского (*Komisja Likwidacyjna do spraw Królestwa Polskiego*), которую возглавил его давний и близкий товарищ Александр Ледницкий.

В 1917 г. он входил в совет Демократического клуба в Петрограде. В ноябре 1917 г. А. Бабянский был выдвинут по списку Могилевской польской губернской рады в Учредительное собрание России³⁵. В 1918 г. он активно

участвовал в делах Совета по вопросам помощи беженцам, защищая интересы беженцев-поляков, планировавших возвращение на родину. В это же время он входил во Временный комитет польских объединений и групп на территории Белоруссии (Tymczasowy Komitet Stronnictw i Grup Polskich na Bialej Rusi), в Вильно³⁶.

В сентябре 1918 г. А. Бабянский вернулся в Польшу, жил в Варшаве, а также и в Литве. Польские власти признали его генеральское звание и право на пенсию. Вскоре после возвращения в Польшу многоопытный юрист А. Бабянский организовал адвокатское бюро, выступал по сложным делам, в том числе по политическим, таким как «Процесс 45-ти» (над деятелями белорусского движения) в Белостоке, «Процессе 56-ти» лидеров БСРГ (Беларуская сялянска-работніцкая грамада). На «Процессе 45-ти» Александр Бабянский заявил, обращаясь к судьям: «Если мы так ценим нашу собственную честь и Отчизну, то у них тоже есть своя честь и Отчизна... Когда-то Польша умела делать всех своих граждан польскими патриотами несмотря на их национальность, а Родину – близкой и дорогой... Но тогда Польша умела делать это только для шляхты... Теперь же Польша должна уметь делать то же самое для всего народа. И вот от того, сможет ли когда-то сделать это новая Польша, безусловно, зависит существование ее самой»³⁷. Александр Бабянский, пользуясь среди литовских деятелей и простого населения большим авторитетом, был сторонником польско-литовского диалога. В 1922 г. Бабянский выдвигался кандидатом в сейм и сенат от левого списка Польского народного союза «Возрождение» (Polski Związek Ludowy «Odrodzenie»), действовавшего в Виленском воеводстве. Выступал он в поддержку национальных меньшинств, сотрудничал с белорусскими, украинскими, литовскими организациями для нормализации польско-литовских, польско-белорусских и польско-украинских отношений³⁸.

Еще в 1910-х гг. А. Ф. Бабянский сблизился с российским масонством, был членом масонского Межпарламентского союза. С переездом в 1918 г. в Польшу Александр Бабянский стал членом польских масонских лож³⁹.

Независимая Польша высоко оценила его общественные заслуги – он был награжден Командорским крестом и звездой ордена Возрождения Польши. Александр Бабянский умер 10 декабря 1931 г. в Варшаве и был похоронен на родовом кладбище в Вайгове в Литве.

Личность Александра Бабянского представляется уникальной, это был исключительно талантливый и одаренный многими способностями, энергичный и трудолюбивый, общительный и контактный человек. Он прожил как бы несколько жизней: жизнь российского военного, генерала, жизнь судьи и адвоката, жизнь парламентария и общественного деятеля. Он был свидетелем нескольких эпох в жизни нескольких стран (России, Польши, Литвы): эпох трех монархов (Александра II, Александра III и Николая II), эпох шести

войн (русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг., Первой мировой войны, польско-советской и польско-литовской войны 1920 г.), трех революций (1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской 1917 г.). Это был единственный поляк – судья и генерал в Государственной думе Российской империи, авторитетный общественный деятель, чья жизнь занимает весьма важное место в истории российской Полонии.

¹ Polski Słownik Biograficzny. T. 1. Kraków: Polska Akademia Umiejętności – Skład Główny w Księgarniach Gebethnera i Wolffa, 1935. S. 193; Brzoza Cz., Stepan K. Posłowie polscy w parlamencie rosyjskim 1906–1917: Słownik biograficzny. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2001. S. 25–27.

² Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2006. С. 35–36.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1278 (Государственная дума). Оп. 9. Д. 37. Л. 1–3.

⁴ Brzoza Cz., Stepan K. Ibid. S. 25.

⁵ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1884 год. Ч. 1. СПб.: Сенатская типография, 1884. Стб. 172.

⁶ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1893 год. Ч. 1. СПб.: Сенатская типография, 1893. Стб. 150; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1905 год. Ч. 1. СПб.: Сенатская типография, 1905. Стб. 764.

⁷ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1898 год. Ч. 1. СПб.: Сенатская типография, 1898. Стб. 679.

⁸ Jurkowski R. Sukcesy i porażki. Ziemiństwo polskie Ziemi Zabrzanych w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa. 1906–1913. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. 2009. S. 495.

⁹ Brzoza Cz., Stepan K. Ibid. S. 25.

¹⁰ Юридическое общество при Императорском С.-Петербургском университете за двадцать пять лет: (1877–1902). СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 124.

¹¹ Весь Петербург на 1905 год. Адресная и справочная книга о г. С.-Петербурге. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1905. Ч. I. Стб. 432.

¹² Отчет Правления Римско-католического благотворительного общества при церкви святой Екатерины в С.-Петербурге. СПб., 1886–1916.

¹³ Brzoza Cz., Stepan K. Ibid. S. 25.

¹⁴ Jurkowski R. Sukcesy i porażki. Ziemiństwo polskie Ziemi Zabrzanych w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa. 1906–1913. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. 2009. S. 94.

¹⁵ Циунчук Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань: Изд-во «Фэн», 2004. С. 223.

¹⁶ Сергеев А. Подсудная капитуляция // Закон и бизнес. 2010. № 33–34.

¹⁷ См. электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.google.ru/#newwindow=1&nfrp=1&q=aleksander+babianski+wiki>. Дата доступа: 10.01.2014.

¹⁸ Бойович М. М. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. М.: Товарищество И. Д. Сытина. 1913. С. 227.

¹⁹ Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь: Пермское кн. изд-во. 2006. С. 237.

²⁰ Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия III. СПб., 1910. С. 63.

²¹ Подсчитано по указателям: Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия I. Ч. 1–3. СПб., 1908; Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия II. 1908–1909 гг. Ч. 1–4. СПб., 1909; Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия III. СПб., 1910; Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия IV. СПб., 1911; Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия V. СПб., 1912.

²² Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М.: Издат. группа «Юрист», 2005. С. 210.

²³ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1911 год. Пермь: Издание Пермского губернского статистического комитета, 1910. С. 77.

²⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 710.

²⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Ч. IV. СПб., 1910. Стб. 1187.

²⁶ Там же. Стб. 1399.

²⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 332, 2711.

²⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 2493.

²⁹ Там же. Стб. 2495–2497.

³⁰ Государственная дума. Третий созыв. Указатель к стенографическим отчетам. Сессия III. СПб. 1910. С. 63.

³¹ Весь Петербург на 1913 год. Адресная и справочная книга о г. С.-Петербурге. СПб.: Изд-во А. С. Суворина. «Новое время», 1913. Ч. I. Стб. 768.

³² Harusewicz J. Za carskich czasów i po wyzwoleniu. Wspomnienia – dokumenty. L., 1975. S. 244.

³³ Brzoza Cz., Stepan K. Ibid. S. 26.

³⁴ Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга. Петроград: Изд-во А. С. Суворина, 1916. Стб. 1062.

³⁵ Мстиславский голос. 17 окт. 1917.

³⁶ Brzoza Cz., Stepan K. Ibid. S. 26–27.

³⁷ См. электронный ресурс. Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/turonak/20/%D0%9D%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B0.htm. Дата доступа: 10.01.2014.

³⁸ Brzoza Cz., Stepan K. Ibid. S. 27.

³⁹ Бабянский Александр Фомич // Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2006. С. 36.

ПОЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА в конце XIX – начале XX вв.

С. Леончик
Седльце

После подавления Январского восстания 1863–1864 гг. российская территория бывшей Речи Посполитой была окончательно поделена на Привислинский край (данное название официально заменило название Царство Польское) и Западный край (Северо-Западный край и Юго-Западный край). На территории Привислинского края проживало в конце XIX в. 9 402 253 жителя¹, а в Западном крае – почти 1 млн поляков, не считая проживавших там украинцев, белорусов, литовцев, латышей и евреев².

Численность жителей Привислинского края увеличилась в начале XX в., по сравнению с 1816 г., на 273%, в то время как в европейской части России – на 189%. Значительная часть населения (от 73% в 1865 г. до 68,5% в 1913 г.) занималась сельским хозяйством³. Многие явления – большое количество малых разрозненных хозяйств, общеевропейский аграрный кризис в Европе и особенно тяжелые для сельского хозяйства Польши условия в 1890 г. – привели к усилению процесса эмиграции крестьян в страны Западной Европы и Америки⁴.

Российское правительство старалось переориентировать потоки мигрантов на восток, за Урал, где заселение территорий стало одной из главных целей политики царизма⁵.

Довольно тяжелым было положение польского населения тех окраин бывшей Речи Посполитой, которые вошли в состав Западного края.

Согласно закону от 10 декабря 1865 г., в западных губерниях местным уроженцам католического вероисповедания разрешалось только ограниченное приобретение земли. Закон гласил: «Чтобы общее количество земли, состоящее в собственности приобретателя земельного имущества, а также неотделенных членов его семьи, не превышало, вместе с покупаемым участком, шестидесяти десятин»⁶.

Очень интересна реакция МВД Западного края на временное отступление от этого закона в 1899 г. В рапорте генерал-адъютанта министру внутренних дел отмечается, что «данная временная мера не согласовывается с мерами по укреплению русского землевладения в Северо-Западном крае». Переселение православного элемента трактуется в документах МВД Северо-Западного края как нежелательное в противостоянии к католическому польскому населению⁷.

В отчете за 1903 г. генерал-губернатор Западного края П. Д. Святополк-Мирский предлагал разработать систему мер, которая, с одной стороны, содействовала бы удержанию белорусского крестьянства на месте, с другой – сти-

мулировала бы переселение других национальностей, особенно поляков⁸. 2 декабря 1904 г. переселенческое управление предоставило в кабинет министров специальную записку, название которой говорило само за себя: «О мерах к пресечению отлива из Северо-Западных губерний коренного русского населения». Но затем революция 1905–1907 гг. внесла свои коррективы. Гродненский губернатор считал «весьма желательным» выселение части крестьян за Урал. Эта мера, по мнению минского губернатора, «внесла бы... успокоение в среду сельского населения»⁹.

Согласно этим документам, можно утверждать, что немалую часть из 175979 крестьян, переселившихся из западных губерний за Урал в 1885–1904 гг., составляли поляки¹⁰. Примером таких поселений в Уральском регионе могут быть переселенческие поселки в Уфимской и Оренбургской губерниях.

Польские крестьяне расселялись главным образом отдельными семьями среди переселенцев, по национальности русских, украинцев, белорусов и латышей. В Уфимской губернии поляки лишь в двух случаях основали два самостоятельных поселения в Уфимском уезде – хутор Польский в Дмитриевской волости (в 1917 г. семь дворов поляков, 50 человек) и поселок Вольдиковский (деревня Вольдзики) в Караякуповской волости (девять семей, 76 человек)¹¹.

Деревню Вольдзики, или хутор Вольдиковский, основали 13 польских крестьян в 1899 г. Они купили землю в 20 верстах от деревни Караякупово у наследников отставного вахмистра Мойши Шаева, видимо, еврея по национальности. По воспоминаниям уроженцев поселка, польские переселенцы прибыли из Гродненской и Виленской губерний. Название поселку они дали по имени родного села большинства крестьян – деревни Вольдзики Ошмянского уезда Виленской губернии¹².

В. Латыпова в монографии «Поляки на Южном Урале (вторая половина XIX – XX вв.). Добровольная миграция» подробно описывает жизнь первых жителей польской деревни Вольдзики, традиционные формы их материальной и духовной культуры.

В 1902 г. в Оренбургской области возникло село Браиловка. Оно основано переселенцами из украинских губерний, а в дальнейшем и из губерний Северо-Западного края – Ковенской и Виленской¹³. Однако российские власти не допускали переселения из Царства Польского практически до начала XX в.

Российские правовые акты, принятые в июле 1889 г., не распространялись на Привислинский край, но, несмотря на это, переселение еще более усилилось в 1890-е годы, особенно из Калишской, Плоцкой и Радомской губерний, а позднее – из Люблинской и Седлецкой¹⁴.

Примечательно, что в 1889 г. варшавский журнал *Ateneum* отмечает: «Принято считать, что эмиграционный отток населения происходит исклю-

чительно на запад, а на самом деле существует также и эмиграция немцев, чехов и поляков на восток, и что на территории Российской империи появились многочисленные польские колонии, а «значительная часть колонистов немцев – это чистой воды силезцы с польским языком в качестве родного»¹⁵. Стоит также отметить, что большинство польских крестьян в этом первоначальном этапе расселения, во многом стихийного и самопроизвольного, выжили в Западной Сибири.

Министерство внутренних дел обратило внимание на проявление интереса со стороны польских крестьян к самовольному переселению в Сибирь и связанные с этим многочисленные прошения о переселении, а также на ежегодный уход части населения на сельские работы в соседние провинции Пруссии. Все это дало повод министру внутренних дел действительно тайному советнику Ивану Логиновичу Горемыкину указать в заседании комитета Сибирской железной дороги 2 апреля 1897 г. на возможность воспользоваться ситуацией и направить польских крестьян, изъявивших желание переселиться, в район Пермь-Котласской железной дороги. Варшавским генерал-губернатором князем Александром Константиновичем Имеретинским была создана комиссия, которая должна была согласовать действующий в Привислинском крае порядок переселения с порядком, установленным для внутренних губерний России. В результате работы этой комиссии 22 июня 1900 г. на свет появилось положение Комитета Сибирской железной дороги, которое одобрило предложение министра внутренних дел о направлении переселенческого движения, наблюдаемого в привислинских губерниях, на казенные земли империи¹⁶.

Министерство поставило условия, необходимые к исполнению в отношении к польским переселенцам. Во-первых, министерство отметило, что широкое переселенческое движение из губерний Царства Польского нежелательно, поэтому оно лишь допускается, но не поощряется. Во-вторых, министерство оставило за собой право разрешать или запрещать переселение конкретной семье. В-третьих, губернские присутствия по крестьянским делам обязаны были представлять в МВД прошения о переселении с подробным заключением присутствия. В-четвертых, в связи с увеличением числа переселившихся в Сибирь заселены были лучшие земли. Переселение на оставшиеся участки, в основном в лесной зоне, было довольно дорогим, и от семьи необходимо было требовать наличия 500 рублей и достаточного числа взрослых работников. В-пятых, министерство признало необходимость высылки ходоков как от семей, так и от отдаленных населенных пунктов в Польшу. Обуславливалось это тем, что польские крестьяне будут неохотно селиться совместно с русским населением ввиду различия вероисповедания, особенностей быта и порядка землепользования. Поэтому образование особых польских поселков в Сибири зависело бы также и от ходоков, представляю-

щих несколько семей. Рекомендовалось также проверять «благонадежность» кандидата в ходоки и знание им русского языка.

Все эти вопросы живо обсуждались между варшавским генерал-губернатором и губернаторами Привислинского края. В письме к седлецкому губернатору варшавский генерал-губернатор отмечал, что предлагаемые ранее участки в районе Пермь-Котласской железной дороги заняты, а в Сибири из-за истощения степных участков ходоки из Привислинского края могут найти свободные земли в таежном районе в Мариинском уезде Томской губернии, в Ачинском и Канском уездах Енисейской губернии, в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии, в притаежных местностях Туринского и Тарского уездов Тобольской губернии. Варшавский генерал-губернатор в 1901 г., в начале официального переселения из Привислинского края в Сибирь, ограничил число ходоков до 500 человек в год¹⁷.

В начале XX в. переселенческий процесс затронул главным образом Люблинскую губернию. Из этого региона в 1885–1904 гг. переселились в Сибирь 896 крестьян, и только в 1905 г. – 1796 крестьян¹⁸.

В 1904–1905 гг. большой популярностью среди переселенцев из Люблинской губернии пользовались земли Оренбургской губернии и Тургайской области. Особенно многочисленными и одновременно самовольными стали переселения в начале 1905 г.

В связи с началом войны Российской империи с Японией переселение было временно прекращено. В связи с этим люблинский губернатор издал указ-объявление, которое было разослано по всем селам. В нем указывалось, что «некоторые крестьяне Люблинской губернии выехали самовольно в город Челябинск в надежде получить даром в Сибири или в Оренбургской губернии казенные земли и на них поселиться». Губернатор указывал, что такие лица будут отправлены обратно на родину. Несмотря на этот запрет и предупреждение, 7 апреля 1905 г. в Челябинск прибыли 1200 самовольных переселенцев из Люблинской губернии. Часть была немедленно отправлена обратно, а остальные попытались закрепиться на юге Урала, часто нелегально располагаясь на свободных землях¹⁹.

Новый импульс крестьянской миграции в Сибирь придала столыпинская реформа. С 1905 по 1914 гг. из Люблинской губернии переселились 5580 крестьян, из Холмской – 480, из других губерний Привислинского края – более 3000²⁰. Начиная с 1906 г. власти систематически проводили пропагандистские акции в поддержку переселения в Сибирь. Варшавский генерал-губернатор Георгий Скалон указывал в циркуляре, адресованном люблянскому, ломжинскому, седлецкому и сувальскому губернаторам, что переселение за Урал является одним из средств для уменьшения числа безработных и малоземельных в Царстве Польском²¹.

Газета *Przegląd Katolicki* писала в 1910 г., что около Челябинска находятся польские поселения, состоящие из униатов, депортированных из Седлецкой губернии. Они хорошо сохранили польский язык и веру, занимались земледелием и зачастую приглашали свои семьи переселиться добровольно из Царства Польского к ним, на эти земли²².

Ссылка польских униатов не была связана с репрессиями после восстания 1863 г. Это был результат религиозных чисток в 1871–1875 гг. Из-за ликвидации униатского костела на территории Царства Польского непокорные священники и местные жители, прежде всего крестьяне, не согласившиеся принять православие, ссылались в Сибирь и на территорию Южного Урала²³.

До Октябрьской революции на линии железной дороги Челябинск – Екатеринбург был основан хутор польских переселенцев Польский (Польский Щегол). Назван он был по фамилии одного из основателей (Щигела). Современный поселок стал формироваться во второй половине 1930-х гг., когда сюда был перенесен аэродром и при нем организована военная авиашкола. Поселок в настоящее время граничит с коллективными садами и поселками Мичуринский и Миасский²⁴.

Начало Первой мировой войны приостановило переселенческое движение за Урал. В общем потоке переселенцев поляки из Привислинского края составляли около 1% всего переселенческого движения в Сибирь, то есть около 15–20 тысяч человек²⁵. Однако эти цифры не отражают реальных масштабов переселений этнических поляков на территорию Сибири. С уверенностью можно сказать, что значительно большее количество поляков переселились из так называемых западных губерний – Гродненской, Виленской, Ковенской, Могилевской, Витебской, Минской, а также из Волынской губернии.

Хотя переселение поляков в Сибирь и на Урал и завершилось с началом Первой мировой войны, вплоть до 1918 г. в результате военных действий несколько тысяч польских крестьян попали на территорию Сибири в качестве беженцев, больше всего поляков было из Витебской губернии²⁶. Только из Привислинского края в Сибири в 1916 г. находился 110 601 беженец²⁷. Из числа крестьян больше всего беженцев было из Холмской губернии, которые в основном разместились в селах Тобольской губернии и Акмолинской области²⁸.

После революции 1917 г. и заключения договора о репатриации между Советской Россией и Республикой Польша 21 февраля 1921 г., а также мирного договора в Риге 18 марта 1921 г., поляки воспользовались правом репатриации. Однако тех, кто остался, а это были в основном поляки, которые уже немало прожили в Сибири и на Урале и не видели необходимости покидать новую родину, – уже в тридцатых годах ожидала волна репрессий²⁹.

Вначале новая советская власть принесла в польскую деревню идеи национального возрождения, однако этот процесс был связан прежде всего с заменой костела на национальную школу и пропагандой нового строя и колхозного движения. Уже в середине 1930-х гг. польские национальные школы и колхозы были ликвидированы. Конституция СССР 1936 г. вообще не содержала упоминания о национальных меньшинствах. С этого времени они утратили всякий юридический и политический статус, оказавшись обреченными на ассимиляцию, утерю культурной самобытности и национальное бесправие. Любые попытки самоорганизации национальных меньшинств беспощадно подавлялись, так как были несовместимы с принципами тоталитарного государства³⁰.

Исчезли с карт польские села Браиловка в Оренбургской области и Вольдики в Республике Башкортостан. Благодаря усилиям культурно-просветительского общества «Червонэ Маки» из города Оренбурга на месте польского кладбища села Браиловка, жители которого пострадали во время политических репрессий 1930–1950 гг., был установлен памятник со словами на русском и польском языках: «Полякам-переселенцам, основавшим село Браиловка в начале XX века. Ваша трагическая судьба останется навсегда в нашей памяти. Соотечественники»³¹.

В память о селе Вольдики, исчезнувшем с карт в начале 1970-х гг., на территории средней школы в поселке Октябрьском Шемякского сельсовета Уфимского района Республики Башкортостан в 2011 г. был установлен памятный знак. Эту инициативу проявила польская культурно-национальная общественная организация «Возрождение» Республики Башкортостан при финансовой поддержке бургомистра города Олецко Республики Польша Вацлава Ольшевского. Второй знак был установлен на территории бывшего кладбища, где похоронены первые жители деревни Вольдики.

Еще один памятный знак установлен в деревне Ошмянке Орловского сельсовета Благовещенского района Республики Беларусь на месте бывшего польского кладбища. Отдельно польской деревни там не было. Деревня так и называлась Ошмянка, и там жили белорусы, украинцы и поляки. Украинцев и белорусов хоронили отдельно. По свидетельствам старожилов, поляки жили здесь примерно с 1890-х гг. до 1920–1930-х гг. На кладбище было около 20 польских могил³².

Подавляющее большинство поляков ассимилировалось с местным населением, внося в развитие Уральского региона свой немалый вклад.

¹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

² Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению гофмейстером двора е. и. в. сенатором Нейдгартом ревизии правительственных и об-

щих установлений Привислинского края и Варшавского военного округа. СПб., 1911. С. 112–116.

³ J. Łukasiewicz. Kryzys agrarny w Królestwie Polskim. Warszawa, 1968. S. 190.

⁴ J. Zdrada. Historia Polski 1795–1914. Warszawa, 2007. S. 714–720.

⁵ W. Masiarz. Migracja chłopów polskich na Syberię w końcu XIX i na początku XX wieku, [w:] Syberia w historii i kulturze narodu polskiego pod redakcją naukową Antoniego Kuczyńskiego. Wrocław, 1998. S. 231.

⁶ О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России. Речь, предназначавшаяся к произнесению на торжественном годовичном акте С.-Петербургской духовной академии 17 февраля 1895 г. Проф. П. Жукович. СПб., 1895.

⁷ Lietuvos Valstybes Istorijos Adchyvas (Литовский национальный исторический архив). F. 378 b/s 1900. Vol. 278. K. 1–3.

⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 136. Л. 17–22.

⁹ Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1486. Л. 3,12; Оп. 3. Д. 160. Л. 2.

¹⁰ Данные на основе вычислений Александра Кауфмана и сведений, приведенных в монографии Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы». Ленинград, 1962.

¹¹ Латыпова В. В. Поляки на Южном Урале (вторая половина XIX – XX вв). Добровольная миграция. Уфа, 2011. С. 38; См. также: Симонов В. В. Католическая церковь в Башкирии. Уфа, 2003. С. 10.

¹² Латыпова В. В. Указ. соч. С. 39–40.

¹³ Селивановская В. Мы всегда мечтали об этой минуте. Соотечественники. 2004. № 3. С. 15–16.

¹⁴ A. Pilch. Migracje w głąb Rosji [w:] Emigracja z ziem polskich czasach nowożytnych i najnowszych, red. A. Pilch. Warszawa, 1984. S. 223; L. Caro. Emigracja i polityka emigracyjna ze szczególnym uwzględnieniem stosunków polskich. Poznań, 1914. S. 255; Archiwum Państwowe w Radomiu. Kancelaria Gubernatora Radomskiego.

¹⁵ Ateneum. 1889. IV, z. 1. S. 291.

¹⁶ Archiwum Państwowe w Siedlcach (Государственный архив в г. Седльце). Komisarz do spraw włościańskich powiatu Sokołowskiego, sygn. 161:13, k. 2–3.

¹⁷ Там же, k. 5–7.

¹⁸ Данные на основе вычислений Александра Кауфмана и сведений, приведенных в монографии Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы». Ленинград, 1962.

¹⁹ Archiwum Państwowe w Lublinie (Государственный архив в г. Люблине), Komisarz do spraw włościańskich pow. Lubelskiego 95, 1897–1912. K. 99; rok 1905/324.

²⁰ Данные на основе вычислений Александра Кауфмана и сведений, приведенных в монографии Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы». Ленинград, 1962.

²¹ A. Pilch. Migracje w głąb Rosji. S. 225

²² Przegląd Katolicki. Warszawa, 1910. Nr 28 z 9 lipca.

²³ J. Zdrada. S. 532.

²⁴ Список населенных пунктов Уральской области. Т. 15. Челябинский округ. Свердловск, 1928; Поздеев В. Вехи времен и племен // Городской романс. Челябинск, 1996; Шува-лов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топоним. слов. Ч. 2. К–Я. Челябинск, 1999.

²⁵ W. Masiarz. Migracja chłopów polskich na Syberię... S. 242.

²⁶ M. Korzeniowski, M. Mądzik, D. Tarasiuk. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej. Lublin, 2007. S. 44–45.

²⁷ Там же. С. 34–35.

²⁸ Там же. С. 35.

²⁹ Репрессии против поляков и польских граждан. Москва, 1997. С. 4.; М. Iwanow, Pierwszy naród ukarany. Polacy w związku Radzieckim 1921–1939. Warszawa – Wrocław, 1991; Сибирский Белосток / Сб. документов и материалов. Томск, 1998; W. Haniewicz. Tragedia Syberyjskiego Białegostoku. Pelpin, 2008; J. Szostak, Epitafium pomordowanym przez NKWD mieszkańcom polskiej wsi Wierszyna we Wschodniej Syberii koło Irkucka w 1938 r., „Rocznik Historyczny Muzeum Polskiego Ruchu Ludowego” nr 18/2002.

³⁰ Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 435.

³¹ Селивановская В. Указ. соч. С. 16.

³² Информация Центра польской культуры и просвещения «Возрождение» Республики Башкортостан, Уфа.

В годы Гражданской войны в России находилось, по разным источникам, 3–5 млн поляков. Значительную их часть (около 1,5 млн человек) составляли эвакуированные с территории Царства Польского в 1915 г. По данным польских историков, около 800 тысяч польских солдат, 20 тысяч офицеров и 119 генералов принимали участие в Гражданской войне¹.

Польское население было неоднородным по социальному составу, что не могло не отразиться на отношении различных групп к событиям в России. Значительная часть поляков, особенно эвакуированные, стремились вернуться на родину. Часть поляков выражала желание участвовать в борьбе с центральными державами, чтобы ускорить восстановление независимости Польши. Поляки, придерживавшиеся левых взглядов, поддерживали большевиков, около 100 тысяч из них участвовали в Гражданской войне на стороне последних². Тем не менее большинство поляков заняло пассивную позицию, как и большинство русских.

Около восьми тысяч поляков, вставших на сторону большевиков, занимали руководящие должности в разного уровня государственных и партийных органах. Довольно значительной была доля поляков в руководящем составе ВЧК. На сентябрь 1918 г. они составляли 10,2%, в то время как русских было 26,1%, евреев – 9,9%, а латышей – 44,8%³.

В ноябре 1917 г. большевики создали Комиссариат по польским национальным делам как автономную секцию Народного комиссариата по национальным делам. Во многом благодаря деятельности Польского комиссариата в 1918 г. на родину вернулось более 200 тысяч поляков⁴.

В Пермской губернии, как и во многих других, также был создан Польский комитет помощи беженцам, главной задачей которого являлась помощь соотечественникам и организация возвращения беженцев на родину.

28 января 1918 г. в Перми на митинге, созванном по инициативе Польской социалистической партии (левица), на котором присутствовали 200–250 человек, был переизбран Польский комитет. К руководству пришли социалисты (С. Д. Кулешинский*, Грабовский и другие депутаты, поддерживавшие большевиков⁵).

* Станислав Доминикович Кулешинский, служащий Мотовилихинского завода, в 1917 г. возглавлял Мотовилихинский комитет РСДРП (меньшевиков и объединенцев), секретарь исполкома Мотовилихинского совета рабочих и солдатских депутатов, член исполкома служащих Мотовилихинского завода, председатель Пермской организации Польской социалистической партии (левица).

Красный террор, развязанный большевиками в Прикамье задолго до секретного приказа ВЧК о «красном терроре» от 2 сентября и аналогичного постановления Совнаркома от 5 сентября 1918 г., не миновал и поляков. Одной из жертв этих трагических событий стал Станислав Станиславович Гайль, следователь 1-го участка в Кунгуре. В 1917 г. сторонник партии кадетов, общественный деятель выступал с лекциями на юридические темы, где его оппонентами часто были большевики и левые эсеры. Как отмечалось в заметке, посвященной его гибели, Станислав Станиславович – «поляк... <который> любил Россию и знал русский народ»⁶. После прихода к власти большевиков С. С. Гайль оказался без работы, да и оставаться в Кунгуре было небезопасно.

Вместе с Г. А. Стрижевым, присяжным поверенным, бывшим юрисконсультom местного самоуправления и редактором кадетской газеты «Кунгурская жизнь», они уехали в Пермь, где поступили в коллегияу правозащитников при юридическом отделе губисполкома, получили назначение в Красноуфимский народный суд. Выехав из Перми к месту назначения, они решили сделать остановку в Кунгуре, где проживали их семьи. По пути с вокзала они были арестованы 1 июля. Юридический отдел губисполкома дал указание освободить арестованных, но кунгурские власти отказались это сделать, утверждая, что «мы Стрижева и Гайля знаем больше, чем в Перми». Более трех месяцев их держали в тюрьме. 6 октября их отвезли на расстояние примерно одной версты от станции Кунгур и убили. Причем С. Гайля, по-видимому, доби́ли ударом штыка, поскольку у него было выявлено сквозное ранение в горло и рана штыком в шею с повреждением шейных позвонков. Только 4 мая 1919 г. их тела были обнаружены в глубокой яме. Г. А. Стрижева похоронили в ограде Успенской церкви, рядом с братской могилой убитых большевиками прихожан церкви. С. С. Гайля увезли для погребения в Пермь⁷.

Это были не единственные жертвы красного террора в Прикамье. Так, 1 августа был арестован и вскоре расстрелян Збигнев Крупский, помощник управляющего Юго-Камским заводом, горный инженер. В ночь на 19 июля Пермской окружной ЧК в качестве заложников было арестовано 46 человек, затем этот список увеличился до 81 человека. Среди арестованных оказался и Иосиф Юлианович Пиотровский, бывший владелец книжного магазина. Правда, на этот раз беда миновала, через несколько дней все арестованные были освобождены под подписку о невыезде и поручительство⁸. Однако угроза вновь быть арестованным в качестве заложника и расстрелянным сохранялась вплоть до отступления большевиков из Перми в декабре 1918 г.

В начале 1918 г. большевики начали формирование интернациональных частей. Были сформированы и части, состоящие преимущественно из поляков. Однако о действиях польских интернационалистов на Урале сведений нет. Но отдельные поляки принимали самое активное участие в боевых действиях в составе Красной армии. Яркий пример тому Владислав Фло-

рианович Грушецкий (1888–1938). Он родился в семье польского рабочего (столяра) в городе Николаеве. Окончил реальное училище, а затем Одесское военное училище и Петербургскую военно-фельдшерскую школу офицерского состава. Участник Первой мировой войны, он дослужился до чина полковника и командовал батальоном, затем полком, затем стал начальником штаба дивизии. Дважды был ранен, получил отравление газами, награжден пятью боевыми орденами. В 1918 г. поступил на службу в РККА и сделал неплохую карьеру.

Начал с командования Камышловским отдельным батальоном, затем назначен военным руководителем Камышлова, а с августа 1918 г. – помощник начальника штаба Восточной дивизии 3-й армии, действовавшей на Алапаевском направлении. С октября 1918 г. В. Ф. Грушецкий – начальник особых отрядов, с 6 декабря командир Камской бригады, действовавшей в районе Осы и Елово. 19 декабря бригаду переименовали в 4-ю Уральскую дивизию нового состава и срочно перебросили на пермское направление для усиления почти полностью разбитой 29-й дивизии. Но изменить положение к лучшему и задержать наступление частей 1-го Средне-Сибирского корпуса на Пермь не удалось. 1 января 1919 г. В. Ф. Грушецкий назначен начдивом 29-й стрелковой дивизии, которая вела оборонительные бои на Верещагинском и Глазовском направлениях. При наступлении Красной армии в 1919 г. части дивизии вели успешные бои за Пермь, Шадринск, Ишим. В январе-марте 1920 г. 29-я дивизия под командованием В. Ф. Грушецкого перебросена на Западный фронт и участвовала в боях в составе Южной группы войск 15-й армии. Некоторое время он был помощником командующего 3-й Красной Польской армии. После окончания Гражданской войны занимал различные командные должности в РККА – от командира дивизии до командира корпуса. В 1928 г. вступил в ВКП(б), в 1935 г. ему присвоено звание комдива. Последняя должность – начальник Химических курсов усовершенствования командного состава. Жизнь его оборвалась трагически. В ноябре 1937 г. В. Ф. Грушецкий был арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян в августе 1938 г.⁹

Участвовали поляки в боевых действиях и на стороне антибольшевистских сил в Прикамье. Здесь их представительство было даже более многочисленным. Дореволюционный этап военной карьеры Бронислава Михайловича Зиневича (1874–?) напоминает послужной список В. Ф. Грушецкого. Происходил из мещан. Окончил Казанское пехотное училище. Принимал участие в русско-японской и Первой мировой войне. Награжден орденом святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Дослужился до чина полковника, командира пехотного полка. После захвата власти большевиками перешел на сторону антибольшевистских сил. В июне 1918 г. назначен командиром 4-го Енисейского стрелкового полка Сибирской армии. В августе становится на-

чальником 1-й Сибирской стрелковой дивизии, произведен в генерал-майоры. Дивизия Б. М. Зиневича успешно наступала на Лысьвенском, а затем на Пермском направлении. Именно ей противостояли 29-я дивизия красных и части 4-й дивизии В. Ф. Грушецкого. Дивизия Б. М. Зиневича первой ворвалась в Пермь в ночь с 23 на 24 декабря 1918 г. Неожиданные повороты военной судьбы, особенно в условиях Гражданской войны в России: поляк воевал против поляка.

С апреля 1919 г. Б. М. Зиневич – начальник штаба, а затем командир 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. Именно части этого корпуса, преодолевая упорное сопротивление 29-й дивизии В. Ф. Грушецкого и 30-й дивизии Н. Д. Каширина, добились последнего значительного успеха Сибирской армии, заняв в начале июня город Глазов.

Военное счастье переменчиво. После поражений Сибирской армии и реорганизации вооруженных сил А. В. Колчака Б. М. Зиневич переведен в тыл и назначен командующим войсками Енисейского района, в декабре 1919-го – начальником гарнизона Красноярска. В условиях поражений на фронте и развала тыла Б. М. Зиневич попытался совместно с другими генералами как-то спасти ситуацию. В декабре вместе со своим бывшим командиром А. Н. Пепеляевым и другими офицерами участвовал в попытке антиколчаковского выступления, возглавив восстание гарнизона. 23 декабря 1919 г. отправил открытое письмо Верховному правителю, в котором изложил свои взгляды: «Я шел за Вами, пока верил, что провозглашенные Вами лозунги борьбы за Учредительное собрание как единую свободную волю русского народа будут Вами действительно проведены в жизнь родной страны; теперь, после катастрофы на фронте, я вижу, что лозунги, во имя которых мы объединились вокруг Вас, были только громкими фразами, обманувшими народ и армию. Вместо того чтобы идти рука об руку с идейными борцами за свободу и счастье народа и с общественными организациями, Вы своей политикой оттолкнули от себя народ и армию...» Генерал потребовал от А. В. Колчака передать власть «Земскому Собору как выразителю воли русской демократии»¹⁰. Б. М. Зиневич сблизился с эсерами и фактически без боя, «по телеграфу» сдал Красноярск войскам Красной армии. Он поступил на службу в РККА и был назначен помощником инспектора пехоты при помощнике главкома Красной армии по Сибири. Однако это не спасло его от ареста. 15 ноября 1921 г. Б. М. Зиневич арестован и приговорен 13 февраля 1922 г. чрезвычайной тройкой представительства ВЧК по Сибири за службу в армии Колчака к заключению в концлагерь до обмена с Польшей. Дальнейшая судьба Б. М. Зиневича неизвестна¹¹.

Другой «герой взятия Перми» – поляк Евгений Иосифович Урбанковский (1896–1919). Капитан, командир штурмового батальона, он одним из первых ворвался в Пермь, стремительным маневром захватил мост через Каму, не

позволив отступавшим частям красных его взорвать. За успешные действия был награжден орденом святого Георгия 4-й степени и произведен в полковники¹². Юноше, которому только в марте должно было исполниться 23 года, предстояла блестящая военная карьера. В его поведении нередкими были проявления озорства, мальчишества, что по-разному воспринималось жителями Перми. Е. Урбанковский пользовался необычайной популярностью среди молодежи. В январе 1919 г. он командовал группой войск, которая заняла Нытву, Верещагино, и тоже действовал в основном против частей 29-й дивизии В. Ф. Грушецкого. В начале февраля 1919 г. Е. Урбанковский приступил к формированию 1-й Сибирской штурмовой бригады. Именно благодаря ему немало студентов Пермского университета записалось в штурмовую бригаду.

Погиб молодой офицер под селом Дворецким Оханского уезда 11 марта 1919 г., лично поднимая бойцов в атаку. Отпевали Е. Урбанковского в польском костеле. Проститься с ним пришло огромное количество людей. Как писала газета «Свободная Пермь», «отдать последний долг храбрейшему из храбрых собралась почти вся Пермь, улицы были запружены народом, и на протяжении пяти кварталов едва смогли вместиться пришедшие»¹³. В церемонии прощания принимали участие управляющий Пермской губернией Н. П. Чистосердов, начальник гарнизона полковник Г. С. Николаев, контр-адмирал М. И. Федорович, занимавшийся формированием Камской военной флотилии, генерал Н. А. Эскин, начальник Пермской стрелковой дивизии, городской голова А. Е. Ширяев и другие. С речью выступили городской голова Ширяев и представитель губернской земской управы И. В. Воробьев. Из Томска повидаться с сыном приехала мать полковника, но не застала его в живых и, выступая на церемонии прощания, сказала: «Он поляк, но погиб за общее дело... Не бросайте то дело, которое начал мой сын»¹⁴. Гроб с телом Е. И. Урбанковского был отправлен на его родину в город Томск, где состоялись торжественные похороны.

Среди поляков-военных были и довольно странные фигуры, если не сказать авантюристы. Именно такое впечатление оставляет сотник Кубанского казачьего войска Рымашевский. 9 января 1919 г. Рымашевский назначен комендантом города Перми. 13 мая уволен как «не соответствующий занимаемому служебному положению», а в июне 1919 г. арестован «за злоупотребление по службе»¹⁵.

Организованная деятельность поляков, оказавшихся на территории, контролируемой различными антибольшевистскими правительствами, началась во второй половине июля 1918 г., когда на съезде в Челябинске был учрежден Польский военный комитет (ПВК), который приступил к «формированию польских военных сил для борьбы с немцами и их союзниками, за независимость и объединение Польши». ПВК в России являлся «организатором

сформированной и формируемой в Восточной России польской армии, союзной Всероссийскому правительству и ее полномочным представителям по вопросам ее организации, как то: военным, политическим, финансовым и пр.»¹⁶. Территория, на которой действовал ПВК, была разделена на округа, во главе которых назначались уполномоченные делегаты. Параллельно был создан Польский национальный комитет (ПНК), подчинявшийся Польскому национальному комитету в Париже. ПНК взял на себя задачу опеки над гражданским населением. ПВК высказывался за сохранение нейтралитета по отношению к внутрироссийским событиям и вывод польских формирований из Сибири, руководство ПНК придерживалось мнения о необходимости участия поляков в борьбе с большевиками¹⁷.

Временное Сибирское правительство разрешило формирование польских воинских частей. Было принято решение разделить военнотружущих поляков на две группы: российских граждан и «свободных от таковых обязательств» военнопленных¹⁸. С августа 1918 г. польские воинские подразделения на востоке страны перешли под командование майора В. Чумы. Им было создано командование Войска Польского в Восточной России и Сибири, которое дислоцировалось сначала в Уфе, затем в Бугуруслане, а осенью 1918 г. переместилось в Новониколаевск.

Независимость Польши признали и установили с ней дипломатические отношения США (30 января 1919 г.), Франция (24 февраля 1919 г.), Англия (25 февраля 1919 г.) и другие государства. 18 января 1919 г. Польша была приглашена участвовать в Парижской мирной конференции. Эти шаги западных держав поляки в России встретили с воодушевлением. Резко активизируется деятельность ПВК, особенно по отправке беженцев и этнических поляков на родину.

Пермский окружной делегат ПВК А. Гуральский прибыл в Пермь в конце февраля 1919 г. Он сразу же развил бурную деятельность. На 26 февраля было намечено проведение Польского бала, в числе распорядителей которого, наряду с представителями польской общественности (М. И. Арнольд, Е. Каль-Лашинская, С. В. Гедговд, Н. П. Шанявская, полковник Урбанковский, комендант Рымашевский, подпоручик Залого и другие), значился и А. Гуральский. Входной билет на бал стоил 20 рублей, собранные средства предполагалось направить в пользу инвалидов польских войск и местных польских благотворительных и просветительских учреждений¹⁹. 19 марта состоялся вечер при участии местной польской колонии, посвященный чествованию дня имени главы польского государства Иосифа Пилсудского и главнокомандующего всеми польскими силами в эмиграции генерала Иосифа Галлера. Собравшиеся приняли резолюцию, адресованную председателю ПВК в России генералу Жуковскому и командующему польскими войсками

в Восточной России полковнику Чуме, в которой заверяли их в своей поддержке усилий по организации польской армии – «верной гарантии в защите самых жизненных интересов Польши и видимой силы нашей возлюбленной и воскресшей Родины»²⁰.

Поляки принимали активное участие в благотворительных акциях не только местного, но и всероссийского масштаба. Так, Сибирское правительство 18 марта объявило о реквизиции белья для нужд Русской армии. По инициативе польской Омской рады, утвержденной ПВК в России, было предложено всем польским гражданам пожертвовать белье для нужд польских войск в Сибири. Были установлены следующие нормы: лица, зарабатывающие в месяц от 500 до 1 тыс. рублей, – 1 комплект белья, от 1 тыс. до 1,5 тыс. – 2 комплекта, от 1,5 до 2 тыс. – 3 комплекта, свыше 2 тыс. – 4 комплекта. В комплект входили: рубашка, кальсоны, пара носков или портянок размера, пригодного для взрослого мужчины. В случае невозможности доставки белья разрешалось жертвовать деньгами – по 75 руб. за комплект²¹.

20 марта 1919 г. Верховный правитель утвердил решение об освобождении всех поляков от службы в Русской армии, если они пожелают сражаться в рядах польских войск, организуемых в Сибири и Восточной России. Однако для этого они должны были подать заявление в МВД о выходе из русского подданства. Все поляки, которые откажутся принять польское гражданство, оставались русскими подданными и обязаны были нести все обязательства наравне с русскими, теряя право на покровительство и защиту польских государственных учреждений²².

Помимо окружного делегата ПВК – официального представителя польского государства в Перми – был еще ряд общественных организаций, таких как римско-католическое благотворительное общество и Польская рада. Они устраивали общие собрания. Самым болезненным вопросом, безусловно, было возвращение поляков на родину. Так, 25 мая 1919 г. состоялось очередное общее собрание поляков, на котором обсуждались следующие вопросы: 1) выезд на родину; 2) организация отдела попечения и помощи беженцам; 3) организация польской школы; 4) организация апровизационного отдела; 5) текущие дела²³. Вопрос о возвращении на родину для многих беженцев-поляков был настолько острым, что некоторые из них пытались самостоятельно пробраться на родину через фронт, не считаясь с предупреждением о невозможности выехать в Польшу в сложившейся ситуации.

Возрождавшемуся польскому государству требовались специалисты, в частности железнодорожники. Польское правительство потребовало от правительства А. В. Колчака выслать из Сибири 800 железнодорожников для польских железных дорог, испытывавших острую нужду в квалифицированном персонале. В связи с этим требованием Министерство путей сообщения Сибирского правительства направило по линиям телеграмму всем начальни-

кам служб, предписывая срочно известить о следующем: 1) числе на участке служащих и рабочих поляков по категориям их должностей; 2) числе железнодорожников-поляков, подавших прошение об увольнении для поездки в Польшу; 3) сколько человек, по категориям из числа поляков, можно отпустить в Польшу без ущерба для русских железных дорог. Пермский окружной делегат ПВК обратился с призывом к железнодорожникам-полякам, желающим выехать в Польшу на службу, немедленно подавать об этом соответствующее заявление начальникам служб, в котором должно быть подчеркнуто, что они желают выехать на родину при первой возможности²⁴.

Последнее собрание поляков, проживавших в Перми и окрестностях, было намечено на 15 июня 1919 г., за две недели до прихода большевиков. Предлагалось рассмотреть следующие вопросы: организация польской гмины, принятие устава, выборы правления²⁵.

С восстановлением власти большевиков польские благотворительные и просветительские организации прекратили свою деятельность, многие поляки, особенно представители интеллигенции, эвакуировались с колчаковцами.

Большинство поляков, не только беженцы, но и этнические поляки, многие поколения которых входили в состав разных территорий Российской империи, не приняли большевистский режим и в условиях возрождения польского государства стремились любой ценой вернуться на историческую родину. В результате к исходу Гражданской войны значительно уменьшилась численность населения польского происхождения в России, сократившись до 900 тысяч человек. А это были значительные потери, как правило, квалифицированных специалистов, которые не могли не сказаться на восстановлении и развитии Советской России.

¹ См.: Слива М. Поляки в России и их отношение к Гражданской войне и иностранной интервенции // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Сборник материалов научной конференции. Архангельск, 2008. С. 143.

² См.: Там же.

³ Санковская О. М. Особенности этнического состава центрального аппарата Всероссийской чрезвычайной комиссии в годы революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) // 1918 год в судьбах России и мира. С. 137.

⁴ См.: Слива М. Указ. соч. С. 146.

⁵ См.: Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2009. С. 129–130.

⁶ Свободная Пермь. 31 мая. 1919.

⁷ См.: Там же.

⁸ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. С.115; ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 69, 71.

⁹ См.: Царт М. Н. Грушецкий Владислав Флорианович // Вся жизнь народу: Сборник. Пермь, 1981. С. 76–78; Устюгов В. Н. Гражданская война на Урале и разгром Колчака. Пермь, 1989. С. 13–16, 21–23; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 169; Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 167.

¹⁰ Цит. по: Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 118–119.

¹¹ См.: Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 118–119, 294–295; Филимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 50–51, 96.

¹² См. подробнее: Ситников М. Г. Полковник Е. И. Урбанковский и его штурмовики // Белая армия. Белое дело. 2003. № 12. С. 28–39; Краснощеков А. А., Ситников М. Г. Еще раз о сибирских штурмовиках и их командире. Там же. № 13. С. 74–79; Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы 2-й науч.-практ. конф. Пермь, 2009. С. 161.

¹³ Свободная Пермь. 18 марта. 1919.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Отечество. 21 июня. 1919.

¹⁶ Нам И. В. Временное Сибирское правительство и национальные организации // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона. Томск, 2006. С. 19; Освобождение России. 12 марта. 1919.

¹⁷ Там же. С. 200.

¹⁸ Там же. С. 210.

¹⁹ Освобождение России. 23 февраля. 1919.

²⁰ Свободная Пермь. 28 марта. 1919.

²¹ Современная Пермь. 25 мая. 1919.

²² Там же. 4, 6, 10 апреля.

²³ Там же. 25 мая.

²⁴ Там же. 29, 31 мая.

²⁵ Там же. 15 июня.

ПЕРМСКИЙ ЦЕНТР ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО РЕГИОНА

М. В. Старцева
Пермь

Польскому общественному движению в России более 100 лет. В Российской империи уже в начале XX в. существовало свыше 20 общественных организаций. Наиболее популярной формой объединения были дома польские, открывавшиеся повсюду: от Одессы и Харькова на западе до Хабаровска и Харбина (китайского города, основанного выходцами различных национальностей из России в 1898 году как железнодорожная станция Трансманьчжурской магистрали) на Дальнем Востоке. Новый этап в общественном движении поляков в России начался в 1990-е гг. В настоящее время в стране действует около 70 польских общественных организаций.

История Пермского центра польской культуры ведет свое начало с июня 1994 г.¹. В уставе центра прописаны цели и задачи созданной организации: «Пермский центр польской культуры является добровольным общественным объединением, созданным для обеспечения необходимых условий сохранения польского этноса, исторически сложившегося на Пермской земле, где с XIX в. до начала XX в. находилась колония ссыльных поляков.

Центр призван способствовать возрождению, сохранению и укреплению польских национальных, культурных традиций и обычаев, а также распространению информации об истории поляков в Пермской области (ныне в Пермском крае. – М. С.)².

Основными целями и задачами центра являются:

- содействие возрождению польской диаспоры;
- удовлетворение гражданских, политических, социальных, экономических, культурных и духовных прав и свобод лиц польской национальности, а также их потомков, проживающих на территории Пермского края;
- содействие в научной и поисковой работе по изучению истории польской диаспоры в Пермском крае и вклада польских ссыльных в экономическое и культурное развитие края;
- пропаганда лучших культурных и научных достижений польского народа с целью укрепления дружественных связей между братскими славянскими народами, а также другими национальностями на территории Пермского края».

Работа центра строится в нескольких направлениях, соотносимых с потребностями как непосредственно пермской Полонии, так и в целом полонийного движения в Российской Федерации. Важнейшим направлением деятельности польских общественных организаций является просветительская

работа. Еще в 1993 г. совместными усилиями Министерства по делам национальностей РФ и министерств образования России и Республики Польша совместно с Конгрессом поляков в России была проведена I Международная научно-практическая конференция на тему «Удовлетворение образовательных потребностей поляков в России».

К 2001 г. в Москве были организованы курсы повышения квалификации для учителей польских школ. С 1993 г. при Пермском центре польской культуры действует воскресная школа по изучению польского языка «Школа польской культуры». О необходимости воскресной школы для изучения родного языка неоднократно говорили лидеры пермской Полонии: «...Естественное явление, когда родной язык изучают потомки его носителей, по воле судьбы оказавшиеся вне пределов своей исторической родины»³. Именно поэтому члены центра делают многое, чтобы у поляков, живущих в Прикамье, не пропал интерес к собственным корням и национальной культуре.

Пермский центр польской культуры поддерживает деятельность школы, где дети с польскими корнями изучают родной язык, традиции, культуру и историю Польши. Кроме того, центр организует профильные лингвистические лагеря в Пермском крае. После обучения в польской школе выпускники успешно сдают экзамены в высшие учебные заведения Республики Польша.

Благодаря стараниям членов организации создана библиотека и медиатека, содержащая литературу на польском языке, а при поддержке польского правительства и ассоциации «Вспульнота Польска» ежегодно организуются поездки пермских поляков в летние лагеря, на языковые и иные специализированные курсы в Польшу. Для участия в различных образовательных проектах пермяки выезжают в Республику Польша практически ежегодно начиная с 1995 г. Работа центра по пропаганде и изучению польского языка отмечена Министерством образования Республики Польша; Школа польской культуры награждена почетной грамотой Министерства образования Пермского края и почетной грамотой Министерства образования РФ.

Наряду с просветительской деятельностью пермская Полония совместно с научным и краеведческим сообществом города ведет большую исследовательскую работу по изучению и изданию материалов о судьбах поляков в России. Пермская Полония включает в свой состав огромный творческий потенциал – это ученые, учителя, врачи, музыканты, представители всех слоев творческой интеллигенции. Польская диаспора в Перми дала немало ярких личностей. О судьбах поляков рассказали книги «Пермские поляки» (2001), «Поляки Прикамья» (2004), «Поляки Пермского края: очерки истории и этнографии» (2009), основой которых послужил многолетний архивный поиск.

В 2008 г., к 120-летию А. Б. Турчевича, издан комплект открыток, посвященный архитектору: за время существования бюро Турчевича по его проектам в Перми и на Урале было построено значительное количество культовых

и общественных зданий, оригинальных жилых особняков. (Около 150, 50 из них православные храмы.) Фотоизображения помогли по-новому увидеть сохранившиеся здания и узнать, как выглядели те, которые к настоящему времени исчезли с лица земли.

Второй комплект открыток решено посвятить архитектору Р. И. Карвовскому, по проектам которого построены в Перми, например, католический храм, дом Дягилева на улице Сибирской, Пермский театр оперы и балета. При поддержке Министерства образования Пермского края выпущен комплект открыток «Польский народный костюм» (2007). Были обработаны и изданы дневники ветерана Войска Польского «Дневник Николая Бунды» (2010). Все эти издания, подготовленные на основе научных и краеведческих исследований, не только раскрывают новые страницы истории народов Прикамья, но и служат созданию положительного образа пермских поляков, раскрывают их вклад в историю и культуру региона.

Презентация культуры Польши и пермских поляков в Перми в рамках культурных акций и фестивалей сегодня проходит не только на уровне Пермского центра польской культуры, но и на уровне краевого министерства культуры и массовых коммуникаций. Одним из знаковых событий стали фестивали польского фильма, проводимые совместно с министерством культуры. Первые фестивали были организованы в 1990-х гг. и собирали зрителей в кинотеатрах «Молот» и «Россия».

Пермская интеллигенция любит польский кинематограф. Желаящие имели возможность посмотреть «Декалог» Кшиштофа Кеслевского, десять серий которого хотя и не иллюстрируют напрямую десять библейских заповедей, но заставляют задуматься о многом. Зрителям было о чем поговорить и что обсудить, собравшись в Польской гостиной центра.

Среди постоянно действующих проектов следует отметить ежегодно проводимые Дни польской культуры в Перми, концерты польских исполнителей, молодежные национально-культурные и лингвистические лагеря, празднование традиционных и религиозных праздников и памятных дат, ежемесячные заседания в Польской гостиной.

Проект «Польская гостиная» существует в Перми более пятнадцати лет. По определенным дням сюда для общения и обсуждения собираются пермские поляки и все, кому интересна тематика встреч. Так, прошли циклы встреч на темы: «Эта Польша», «Между Польшей и Россией», «Национальная идентичность и право на национальное самоопределение», «Национальный менталитет в иноязычном окружении», «Встреча религиозной и светской культуры».

Не менее важным делом представляется забота о могилах поляков на Егосихинском некрополе, особенно на католическом, «польском», как его называют горожане, участке. Поляки были инициаторами общегородской ак-

ции «Общая память», связанной с благоустройством территории некрополя, и всегда принимают в ней активное участие.

Пермский центр польской культуры ежегодно возлагает на Егошихинском кладбище венки на могилы музыканта Л. Винарского, первого настоятеля храма А. Шостаковского, просветителей Юзефа и Ольги Пиотровских. Непременно венок появляется у подножия общего памятника ссыльным полякам, умершим в Перми, а на более новом Северном кладбище цветы несут к могиле Г. Терпиловского.

Пермская Полония всегда отмечает значимые для поляков даты, как, например, 100-летие со дня рождения Г. Терпиловского, 120-летие со дня основания архитектурного бюро А. Турчевича, торжества, связанные с именем А. Грина (Гриневского) в городе Чусовом Пермского края. Каждое мероприятие стало ярким событием в культурной жизни города и края. К юбилею Генриха Терпиловского, например, был приурочен Международный фестиваль джаза, прошедший в Перми. При содействии Министерства культуры Пермского края и Польского культурного центра при Посольстве Республики Польша в Москве увидела свет книга В. Ф. Гладышева «Терпилиада», посвященная музыканту и композитору.

По приглашению Правительства Польши в составе делегации Конгресса поляков в России пермские поляки участвуют в праздновании Дней независимости Республики Польша в Варшаве.

Среди постоянных и обычных ежегодных праздников – юбилеи старшего поколения пермских поляков. Мероприятия эти по доброй традиции превращаются в незабываемые «польские встречи».

Пермяки также представляют свою культуру в Польше. Ансамбль Fa-La, созданный в 1996 г., исполняет народную музыку и духовные песни и на протяжении многих лет является участником фестивалей в Польше. Состоялись поездки молодежного ансамбля в город Курск, в католический храм, где служил отец Анджей Гжибовский, первый настоятель возвращенного верующим в 1990-е гг. пермского костела. Ансамбль принимает участие в культурно-массовых акциях, проводимых центром, сопровождает многие другие мероприятия Полонии, участвует в ежегодных фестивалях «Польская осень в Екатеринбурге».

Мы сотрудничаем с католической общиной города, некоторые проекты реализовывались совместно. Пермская Полония, одна из старейших общественных организаций народов Прикамья, сегодня заняла свою нишу в национально-культурном общественном движении Пермского края. Со многими национальными центрами поляков связывает совместная деятельность и реализация общих культурных проектов. Пермские поляки – активные участники всех мероприятий, проводимых национально-культурными организациями региона. В городском сообществе Центр польской культуры активно

сотрудничает с учреждениями образования и культуры: Пермской краевой библиотекой имени А. М. Горького, центральной городской библиотекой имени А. С. Пушкина, краевым Домом народного творчества и администрацией города Перми.

Мы выстроили прочные отношения с польскими общественными организациями России и зарубежья. Нашими гостями были консулы госпожи Виолетта Собераньска и Малгожата Шняк. Они в разные годы присутствовали на юбилейных мероприятиях центра. Регулярно, иногда дважды в год, проводятся рабочие совещания председателей полонийных организаций Российской Федерации. Их организатор – Всероссийская общественная организация «Конгресс поляков в России». На встречах рассматриваются актуальные вопросы текущей деятельности конгресса, происходит обмен информацией о реализующихся проектах. Среди партнеров – государственные учреждения и общественные организации Республики Польша, среди которых – ассоциация «Вспульнота Польска», фонд «Помощь полякам на Востоке», общественная организация «Общие корни», Полонийный центр повышения квалификации педагогов Министерства просвещения Республики Польша в городе Люблине, а также Посольство Республики Польша в Москве и консульский отдел при посольстве. Налажены контакты с представительством Польской академии наук.

Сегодня общественная организация пермских поляков в тесном сотрудничестве с полонийным движением России выработала основные приоритеты движения в будущее, рассмотренные на рабочем совещании председателей организаций ФПНКА «Конгресс поляков в России», состоявшемся в Санкт-Петербурге. В документе, принятом на совещании, записано: «Признаем за одно из основных направлений нашей деятельности формирование позитивного образа Польши и поляков.

Мы стремимся к более полной реализации российско-польских договоренностей, направленных на поддержку польской системы образования в России, ее культурных связей.

Необычайно важно решить проблему с молодежью, активизировать деятельность молодежного движения при полонийной организации и стимулировать заинтересованность в получении образования в Польше.

Признаем своей почетной обязанностью заботиться о польских могилах и сохранять памятные места, связанные с историей поляков в России.

Подчеркиваем большое значение архивной и научной деятельности в области изучения истории поляков и их взаимоотношений с русскими на территории России, обеспечиваем наше постоянное участие во всероссийских конференциях»⁴.

В конце 2011 г. в Пермском краеведческом музее экспонировалась польская выставка, подготовленная центром, представившая вниманию посети-

телей национальные костюмы, предметы быта, книги. В день открытия звучала польская музыка, прошла презентация польской кухни. После издания книги «Дневник Николая Бунды» оригиналы дневников, личные вещи Николая Власовича переданы в Пермский краеведческий музей. 9 мая 2014 г. ему бы исполнилось 100 лет. Он не дожил до своего столетия два года, но успел порадоваться книге. Летом 2013 г. на Северном кладбище ему установлен надгробный памятник. В сквере на улице Чайковского, где жил ветеран, планируется установить бюст.

В сентябре 2012 г. мы провели научно-практическую конференцию «Поляки в истории и культуре Урала», по итогам которой издан настоящий сборник. Работу конференции сопровождала выставка раритетных изданий на польском языке из отдела редких книг Пермской краевой библиотеки имени А. М. Горького. «Коллекция представлена 1006 экземплярами. В основе своей это книги, вышедшие в печать во второй половине XIX века – начале XX-го. Лишь единичные издания датируются первой половиной XIX века. Можно предположить, что выходили они в свет не только на территории собственно Польши, но и за ее пределами, в частности в Киеве, Львове. Часть из них, не исключено, могла быть приобретена через торговую сеть уже в России. Об этом говорят названия издательств и издающих организаций, представленные в книгах. Из общего числа 344 издания имеет штампы городской польской библиотеки, большая часть из которых (258) хранит также отметки Польской библиотеки в Перми (Biblioteka Polska w Permie), существовавшей в городе до революции 1917 года. Двадцать пять книг из коллекции принадлежали ранее библиотеке Пермского римско-католического благотворительного общества (Biblioteka Polska przy Piermskiem Rz. Kat. Tow. Dobrocz.), 34 издания имеют факсимиле Possejpal, 22 – факсимиле Gessner. Таким образом, на предмет принадлежности к тому или иному учреждению на сегодняшний день идентифицировано 425 единиц книжной коллекции»⁵.

К 290-летию города (июнь 2013 г.) на эспланаде, на Аллее славы, появилась новая звезда, на этот раз ссыльному поляку Генриху Терпиловскому, основателю советского, российского джаза. Для нас это было знаковое событие. В библиотеку имени А. М. Горького на круглый стол «Вклад поляков в развитие Пермского края» мы пригласили всех, кто еще помнит Генриха Романовича, работал с ним, был знаком. Затем был поминальный ужин, а на следующий день возложили цветы и венки на могилу композитора и к памятнику ссыльным полякам. Сотрудничаем с «Горьковкой» мы давно. С отделом иностранной литературы, с отделом краеведения, с отделом редких книг. Первая выставка польских книг была организована в краевой библиотеке в 1994 г. Также библиотека получает журнал «Новая Польша», издаваемый для

нас польской интеллигенцией с 1999 г. По возможности, мы дарим отделу иностранной литературы книги на польском языке.

По инициативе пермской Полонии и при поддержке, в свое время, господина консула Лонгины Путка и главы города Кунгура летом 2010 г. главы городов Велички и Кунгура подписали договор о сотрудничестве. Кунгур стал побратимом польского города Велички. А был только местом ссылки поляков. Это закономерно, ведь культурно-исторические связи Кунгура и Польской земли, что будет отмечено авторами данного сборника далее, давние. Например, колокольня Тихвинской церкви и Никольская церковь (1903) построены Александром Турчевичем. Гостиный двор – визитную карточку Кунгура – в свое время возвел поляк Рудольф Карвовский. Хочется верить, что в ближайшем будущем памятник федерального значения «Гостиный двор» будет реставрирован. Школьники города Кунгура уже несколько раз побывали в Польше, в том числе в городе-побратиме Величке, где их принимал бургомистр.

Общественная организация «Пермский центр польской культуры», или просто пермская Полония, сегодня уверенно занимает свою нишу в полиэтническом пространстве Пермского края. Главные ее задачи связаны с поддержанием польской диаспоры, с сохранением собственного самосознания, (изучение языка, сохранение традиций), с презентацией польской культуры в жизни многонационального пермского сообщества.

¹ Старцева М. Польский культурный центр // Жизнь национальностей. 2001. № 4. С. 22; Национальная идентичность и право на национальное самоопределение // Созвездие культур: Материалы из опыта работы Дворца детского и юношеского творчества. Пермь, 2007. С. 120–123; Романовский А. Как все начиналось // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 89–92.

² Устав Пермского центра польской культуры (принят на учредительском собрании в 1994 г.) // Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. 1996. Т. 2. С. 178–182.

³ Школа польской культуры: Буклет. Пермь, 2006. С. 2.

⁴ Архив Пермского центра польской культуры. Предложения рабочего совещания председателей полонийных организаций ФПНКА «Конгресс поляков в России». СПб., 2008.

⁵ Заведующая отделом краеведения Хабирова М. Н. ПГКУБ «Пермская государственная ордена «Знак Почета» краевая универсальная библиотека имени А. М. Горького».

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕРМСКОГО РЕГИОНА в конце XX – начале XXI вв.

Р. И. Щукина
Пермь

Актуальность исследуемой в статье проблемы обусловлена рядом объективных факторов. Во-первых, становление и развитие таких явлений, как общественные организации и национальная (этническая) политика, совпадает с системной модернизацией государственного устройства и российского общества как следствия государственных реформ 1990-х гг. прошлого столетия. Как правило, в периоды трансформаций государств обостряются проблемы этнической идентичности народов и сохранения их этнокультурной самобытности, наблюдается подъем общественного движения в сфере этнических отношений. Поэтому востребованность российским социумом общественных институтов можно объяснить весьма сложной социально-экономической обстановкой тех лет, возрастающим масштабом социальных проблем. По сути, создание общественных организаций было обусловлено их возможностью и готовностью вместе с государством взять на себя ответственность за решение этих проблем. Кроме того, со становлением гражданских институтов, которые «в современном политологическом дискурсе рассматриваются как ядро современного гражданского общества, связывали развитие демократии в постсоветской России» и ее регионах¹.

Во-вторых, заявленная тема актуализируется современными вызовами. «На новом историческом витке система вызовов и угроз в области этничности стала более комплексной, внушающей серьезную обеспокоенность»². Подобные угрозы характерны для ряда стран, в их числе и Россия, а проявляются они на региональном уровне. Так, о возрастающей межэтнической напряженности свидетельствуют события в разных субъектах Российской Федерации, например, в Свердловской области³ – в 2013 г., в г. Перми – в январе 2014 г.⁴ и тому подобные случаи. Таким образом, реалии XXI в. ставят для современной науки вопросы, требующие научного осмысления. В их числе трансформация национальной политики в контексте актуализации этих вызовов, влияние новых измерений на характер и динамику деятельности гражданских институтов. «Стимулируемые и защищаемые правом общественные объединения вместе с другими институтами гражданского общества могут удерживать страну от катастрофы, влиять на происходящие процессы»⁵. Эта оценка, в первую очередь, относится к национальным (этническим) общественным объединениям, которые, являясь субъектами национальной политики, способствуют сохранению единства и целостности России, укреплению этнополитической стабильности в ее регионах. Однако роль и возможности

общественных организаций в этих процессах пока недостаточно исследованы. Учитывая сложившуюся гносеологическую ситуацию, представляется важным на примере Пермского края показать взаимообусловленность общественных организаций и национальной политики.

В этом контексте необходимо отметить, что процесс создания этнически ориентированных общественных объединений в России в целом и в Пермском крае в частности, с одной стороны, вписывается в общую канву этнополитических процессов конца XX – начала XXI вв., с другой – составляет один из содержательных аспектов национальной политики. Новые приоритеты государственной национальной политики России формировались на основе законодательства страны и включали в себя использование потенциала общественности, тем самым способствуя развитию общественного движения на федеральном и региональном уровнях. Принципиальное значение на начальном этапе создания общественных институтов имела статья 30 главы 2 Конституции Российской Федерации о правах граждан на объединение и гарантиях на свободу деятельности общественных объединений. Положения конституции получили развитие в ряде федеральных законов. Так, Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ регламентировал процедуру создания и организационно-правовые формы общественных объединений, в том числе национально-культурных организаций (далее НКО). Однако практическая ценность этого закона проявилась в том, что он, во-первых, законодательно закрепил гарантии реализации гражданами права на объединение; во-вторых, привел правовую базу об объединениях граждан на территории страны в соответствие с международными нормами; в-третьих, законодательно регламентировал процессы стремительного создания НКО, в том числе с учетом этнического признака⁶. Законодательную базу регламентации создания и деятельности гражданских институтов в общем контексте национальной политики составляют как правовые акты государства, регулирующие деятельность добровольных ассоциаций граждан⁷, так и акты самих этих институтов. Например, зарегистрированные в государственных структурах уставы (Устав Пермского центра польской культуры зарегистрирован Управлением юстиции администрации Пермской области 25.11.1994 г. № 388)⁸.

В то же время развитие национальной политики обеспечивается системными мерами государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений на основании законодательных норм, связанных с правовыми механизмами реализации гражданами их конституционных прав, в том числе права на сохранение этнической самобытности, на объединение и так далее. Таким образом, деятельность НКО органично вписывается в национальную политику, зачастую представляя содержательные блоки основных ее направлений. Покажем это на конкретных примерах.

Всплеск национального самосознания народов, охвативший Россию в перестроечный период 1990-х гг., проявился в Прикамье в реализации инициатив населения по созданию НКО. Так, одной из первых в 1988 г. была создана Пермская региональная общественная организация «Общество радете-лей коми-пермяцкого языка и культуры «Югэр» («Луч»). В 1989 г. образован Пермский еврейский культурный центр «Менора», в 1997 г. учреждена Пермская еврейская национально-культурная автономия (далее НКА). Первым и самым интенсивным этапом учреждения национальных общественных организаций в крае стало десятилетие с 1990 по 2000 гг. В этот период создана большая часть НКО, которые действуют в регионе и в настоящее время. Так, общество российских немцев «Видергебурт» («Возрождение») в городах Перми, Краснокамске, Соликамске начало работу в 1990 г. Учреждение региональной НКА татар и башкир в 1998 г. подготовлено работой Татаро-башкирского общественного центра Пермской области. В 1990 г. начал работу Удмуртский культурный центр Куединского района. Пермский славянский культурный центр и культурно-просветительное общество корейцев Пермской области «Ариран» учреждены в 1992 г., второе в 2000 г. преобразовано в корейскую общественную организацию «Бухаль» («Возрождение»). Создание Пермского центра польской культуры в 1994 г. было обусловлено тенденциями развития национальной политики и органично вписывалось в этнокультурное пространство края. В это же время образовалось азербайджанское общество «Далга» («Волна»). В 1995 г. образован областной центр марийской культуры «Сулий»⁹. Инициативы по объединению представителей разных народов в общественные институты развивались и в первое десятилетие XXI в. Так, в 2003 г. учреждены Общественный центр белорусов Пермской области, Марийский национально-культурный центр города Перми, Русское национально-культурное общество. В 2004 г. созданы Общественный коми-язьвинский центр и Общественный коми-пермяцкий национально-культурный центр Пермской области. С 2005 г. в регионе действует Украинский культурно-деловой фонд Пермского края «Прикамье». В 2007 г. учреждена региональная организация представителей чеченского народа «Содружество». В последнее десятилетие в регионе активно создаются общественные этнические институты новых этнических диаспор (мигрантских сообществ), деятельность которых в основном ограничивается краевым центром¹⁰. Рост количества НКО в целом по стране и в Прикамье был сопряжен с активными поисками оптимальных технологий реализации национальной политики и развития национальных (этнических) отношений. На современном этапе основой изучения практик этнической самоорганизации населения может служить их опыт, в том числе применительно к Пермскому краю.

НКО в Прикамье играют важную роль в решении сложных социальных вопросов, например, в сбережении самобытных этнических культур, в

транслировании знаний об истории и традициях своего и других народов, в сохранении межэтнического согласия в крае. Они на основе сотрудничества с краевой властью и с муниципальными органами региона взяли на себя ответственность за решение задач гуманитарной составляющей национальной политики. Их содействие в возрождении культуры, организации обучения родному языку, популяризации истории и культуры своего народа способствует развитию этнических культур, сохранению этнополитической стабильности, удовлетворению этнокультурных потребностей многонационального населения края.

Как и в целом по стране, эти общественные институты имеют ряд общих особенностей. Во-первых, согласно общемировой традиции, их в качестве одного из сегментов некоммерческих организаций можно отнести к так называемому неприбыльному, или третьему (в отличие от властных институтов и бизнес-структур), сектору. Они, образуя сообщество особых социальных субъектов сферы этнических отношений, занимают специфическую нишу гражданских институтов, востребованную в полиэтническом российском, в том числе и пермском социуме.

Во-вторых, эти общественные объединения формируются на добровольной основе по инициативе населения, поэтому их однозначно можно считать сектором «добровольной активности». Они опираются на добровольно предлагаемые ресурсы (пожертвования, трудовой вклад, креативный и интеллектуальный ресурс жителей). Для подобных организаций характерна деятельность ради общественного благополучия, удовлетворения этнокультурных потребностей отдельного человека и этнического сообщества. Кроме того, особенность этих общественных объединений проявляется в том, что они наравне с другими гражданскими институтами «выполняют существенную роль в процессах формирования и сохранения социального капитала, оздоровления и развития человеческого капитала. Главной функцией таких организаций является в той или иной степени наделение населения властью, вовлечение населения в процесс социальных изменений и активности»¹¹. По сути, этнически ориентированные общественные институты решают вопросы самоорганизации граждан по этническому признаку. Их возникновение свидетельствует о желании граждан выразить собственные этнокультурные интересы или интересы определенной группы людей, о наличии таких интересов и конкретных потребностей, а также о свободе выбора организационно-правовых форм, направлений деятельности этих объединений.

В настоящее время деятельность НКО Пермского края характеризуется рядом положительных тенденций:

1. Расширение географии, укрупнение и укрепление организационных структур НКО. К примеру, местные НКО – отделения Русского национально-культурного общества – действуют в Суксунском, Куединском районах,

городах Соликамске, Чайковском и других территориях края. НКА татар и башкир края объединяет 17 местных НКО. На базе Удмуртского культурного центра Куединского района в 2008 г. создана региональная организация «Национально-культурный центр удмуртов Пермского края», а местные удмуртские объединения действуют в Чайковском, Губахе, Чернушинском районе. В 2008 г. создано башкирское общество «Курултай башкир Пермского края», объединяющее курултай башкир муниципального уровня. В 2009 г. российские немцы, объединившись, организовали региональную организацию «Общество немцев Пермского края «Видергебурт» («Возрождение»). В 2009 г. по инициативе коми-пермяцких, коми-язьвинских, марийских, удмуртских НКО создано региональное отделение Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов РФ», делегация которого принимает участие в работе съездов финно-угорских народов (город Саранск, 2009, 2013 гг.).

2. Активизация общественных инициатив по созданию НКО новых этнических диаспор обусловлена необходимостью содействовать интеграции мигрантов в пермское сообщество, представлять их интересы в различных институтах власти. Так, в 2007 г. созданы общественная (узбекская) организация «Содружество» и региональная организация «Союз кыргызстанцев». В 2008 г. некоммерческое партнерство «Общественный центр таджиков города Перми» преобразовано в общественную организацию «Союз таджикистанцев Пермского края». В этом же году учреждено Пермское региональное отделение общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс». Армянский культурный центр города Перми, действующий с 2000 г., в 2009-м обрел статус региональной организации. Создана и краевая общественная организация «Община дагестанцев Пермского края».

3. Расширение и углубление сотрудничества, партнерских отношений НКО с органами исполнительной власти и МСУ, что обеспечивает системный подход в решении вопросов этнокультурного развития и объединение усилий властных структур и общества в реализации национальной политики. За последние годы формы и технологии партнерства значительно обновились. В 2007 г. впервые заключены соглашения с лидерами 18 региональных НКО¹². Системно используются проектные технологии. К примеру, в 2004 г. в рамках муниципального конкурса социальных и культурных проектов Пермским центром польской культуры был выигран грант, благодаря которому восстановлен памятник ссыльным полякам и первому настоятелю Пермского католического храма города Перми¹³. В 2010 г. по итогам конкурса гражданских и общественных инициатив (номинация «Национальные (этнические) группы в Пермском крае») победителями признаны девять из 20 заявившихся НКО. В 2012 г. участником краевого проекта «Пермский край – территория дружбы» стал Марийский культурный центр Суксунского района совместно

с Сызганской и Васькинской школами, где обучаются марийские дети¹⁴. Задачи и содержательные аспекты национальной политики обсуждаются на заседаниях координационного совета по национальным вопросам при губернаторе Пермского края, в состав которого входят лидеры НКО¹⁵.

Непосредственным механизмом реализации национальной политики и инструментом поддержки НКО в Пермском крае являются краевые целевые программы. В 2013 г. завершена реализация пятой по счету краевой программы развития и гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Пермского края¹⁶. В крае сформировалась позитивная тенденция межэтнического взаимодействия между НКО, которая основана на межэтническом диалоге, достижении консенсуса. И это один из реальных показателей их социально значимой деятельности. С 2014 г. действует подпрограмма «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» государственной программы «Обеспечение взаимодействия общества и власти». В структуру указанной подпрограммы, как и в предыдущей краевой программе, включены специальные разделы и проекты по поддержке деятельности НКО. Определены и задачи, главные из которых: обеспечение для представителей этнических сообществ Пермского края равных возможностей для изучения родных языков, доступа к этнокультурным ценностям, участия в этнокультурных проектах и акциях; обеспечение сохранения стабильной межнациональной ситуации и недопущение социальных конфликтов на межэтнической почве¹⁷.

Вместе с тем, несмотря на многоаспектность практической деятельности НКО, основным приоритетом в их работе является ориентированность на объединительные идеи, а главный принцип деятельности – открытость, способность и готовность к межкультурным коммуникациям в противовес этнической замкнутости. Самой жизнью актуализируется и обретает все большую значимость такое направление, как культивирование этики межэтнических отношений, в первую очередь, среди молодежи. И в этом направлении еще есть над чем работать.

¹ См.: Молокова М. А. Организации «третьего сектора» как «точки роста» потенциала гражданского общества в современной России / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.teoria-practica.ru/-6-2011/politics/molokova.pdf>. Дата обращения: 11.11.2013.

² Перепелкин Л. С. Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.balkaria.info/oip/perepelkin/politika.htm>. Дата обращения: 12.01.2014.

³ Массовая драка в Свердловской области / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.vsuriakov.ru/2011p0816sagra-4.htm>. Дата обращения: 14.12.2013.

⁴ Пермь едва не превратилась в Бирюлево / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.59.ru:text/news/745195.html>; Пока гром не грянул. Пермь на грани Бирюлево / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.perm.aif.ru>. Дата обращения: 14.01.2014.

⁵ Становление гражданского общества в России (правовой аспект) / Под ред. к. ю. н. О. И. Цыбулевской. Саратов, 2000. С. 141.

⁶ Щукина Р. И. О правоприменительной практике реализации прав человека на сохранение этнической идентичности на региональном уровне // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности – 2010: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ФГОУ «Перм. гос. ун-т». Пермь, 2010. С. 333–340.

⁷ Конституция Российской Федерации. М.-СПб.: Питер, 2012. 64 с.; О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 (в ред. от 24.07.1998 г.) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.consultant.ru; Об общественных объединениях: Фед. закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 01.07.2011 г.) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.consultant.ru; О национально-культурной автономии: Фед. закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ (в ред. от 01.07.2011 г.) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.consultant.ru; О национально-культурной автономии: Фед. закон от 22.05.1996 г. № 74-ФЗ (в ред. от 30.11.2005 г.) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.consultant.ru; Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: Фед. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 06.12.2011 г.) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.consultant.ru; Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.docs2.kodeks.ru/document/902387360>. Дата обращения: 12.11.2013.

⁸ Устав Пермского центра польской культуры // Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. М., 1996. Т. 2. С. 178.

⁹ Щукина Р. И. Национальные общественные объединения в Пермском крае // Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие: науч.-популяр. энц. / Перм. фил. Ин-та истории и археологии УрО РАН [и др.]. Пермь, 2010. С. 41–43.

¹⁰ Там же.

¹¹ Молокова М. А. Указ. соч.

¹² Миронов Е. И., Петкевич С. М. Новая веха в сотрудничестве // Народы Пермского края: Альманах. Пермь, 2007. С. 21.

¹³ Пермский центр польской культуры. Польская воскресная школа: Буклет. Пермь, 2010. С. 3.

¹⁴ Проект «Добрые дети мира» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.newspri.wmtest.ru/2012/10/24/23547>; DayPerm.ru/node/49918. Дата обращения: 12.01.2013.

¹⁵ Указ губернатора Пермского края от 4 сентября 2012 г. № 58 «О координационном совете по национальным вопросам при губернаторе Пермского края» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/perm/423458/>. Дата обращения: 29.10.2013.

¹⁶ О краевой целевой программе развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2009–2013 годы: Закон № 378-ПК / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://mk.permkrai.ru/upload/>. Дата обращения: 12.11.2013.

¹⁷ О государственной программе «Обеспечение взаимодействия общества и власти»: Постановление Правительства Пермского края N 1326-п от 03.10.2013 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc...> Дата обращения: 12.11.2013.

ПОЛЯКИ НА УРАЛЕ

в XIX – начале XX вв.

ЯН ШУБЕРТ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОВСТАНЦА 1863 г.

С. Стшижевская
Варшава

23 января 2013 г. исполнилось 150 лет со дня вспышки последнего в XIX в. польского национально-освободительного восстания, называемого в Польше Январским. Начавшись с 22 на 23 января 1863 г., оно было окончательно подавлено в апреле 1864 г. Принимая во внимание, что для его подавления в Царство Польское была введена почти 200-тысячная армия, а повстанцы имели в своих рядах одноразово до 20 тысяч партизан, можно признать, что продержалось оно довольно долго. Причины этому были разные. Среди них можно назвать создание подпольного государства со всеми государственными структурами. Свое влияние оказал европейский отзвук восстания, в результате которого в рядах восставших оказались представители разных национальностей: французы, итальянцы, австрийцы, прусские подданные. Революционная ситуация в России привела к тому, что в восстании 1863 г. приняли участие около 200 солдат и офицеров русской армии.

После безрезультатной попытки всеобщего прощения царское правительство в мае 1863 г. определило принципы осуждения участников «мятежа». Главным видом наказания стала ссылка в ее разных формах: от жительства под надзором полиции через так называемые арестантские роты до каторжных работ в крепостях, на заводах и в рудниках. Более 500 человек было расстреляно по приговорам военно-полевых судов.

Ссылка охватила около 40 тысяч человек, жителей Царства Польского, Литвы и Беларуси. В созданной за это время огромной исторической литературе, как в Польше, так и в России, были глубоко и разносторонне освещены все основные сюжеты восстания. И все-таки существуют ценные источники, возможности которых не использованы до конца. Имею в виду еще не опубликованные воспоминания участников восстания, сведений о которых остается все меньше. Показывая внутреннюю жизнь восстания с ближней, так сказать, индивидуальной дистанции, они позволяют внести новые существенные нюансы в общую картину этого большого события, в том числе и в историю ссылки.

Как показывают многие воспоминания, в реальной жизни ссылка нередко протекала иначе, чем это выглядело в формальных приговорах: в связи с общими и частными амнистиями уменьшались ее сроки, изменялись места пребывания. То же касалось и каторжных работ, которые далеко не всегда отбывались в крепостях и рудниках, и не всегда арестантские роты были промежуточной формой каторги.

Как всегда в России, многое зависело от конкретных людей, выполнявших царские приказы. Естественно, не подлежит никакому сомнению, что принудительная высылка, насильственно вырывающая людей из их натуральной среды, прерывающая их учебу, служебную деятельность, разрывающая родственные связи, часто оставлявшая на произвол судьбы молодых женщин с детьми, стариков-родителей и других родственников, не была ничем легким, если даже ее условия смягчались отдельными представителями царской администрации. Но, как говорил К. Ф. Рылеев: «Где, скажи! Когда была без жертв искуплена свобода».

Возвращаясь к формам ссылки, напомним, что наибольшее число участников восстания 1863 г., арестованных как бойцы повстанческих отрядов и принадлежащих к так называемым податным сословиям, то есть сословиям мещан и крестьян, приговаривались в арестантские роты гражданского ведомства на срок от одного до пяти лет. Казалось бы, немного, но по закону после окончания срока в «ротах» их участники отправлялись на вечное поселение в Сибирь как государственные крестьяне. Это было самой страшной частью данной формы наказания.

Напомним, что в числе мест, предназначенных правительством для отбывания арестантских рот, находилась также Пермь. В январе 2013 г., в числе других мемуаров, в Польше были опубликованы воспоминания бывшего повстанца, который имел «счастье» именно в таком качестве посетить Пермь.

Ян Карлович Шуберт, о котором идет речь, родился 19 декабря 1843 г. в Ченстохове в мещанской семье ремесленников и мелких торговцев. Очень рано осиротел, воспитывался своим отчимом вместе с четырьмя сводными сестрами и братьями. Его отчим Ромуальд Бухачевский владел небольшой токарной мастерской. В этих скромных материальных условиях Ян успешно окончил городское училище, а затем в течение двух лет обучался в мастерской художника Юзефа Урбанского, откуда был выпущен «помощником мастера». Дальше он собирался поступать в институт живописи в Варшаве, но восстание изменило его планы. Он мечтал о свободной демократической Польше, где крестьяне были бы освобождены от крепостной зависимости, а все граждане получили равные гражданские права, в том числе свободный доступ к образованию. Ян присоединился к повстанцам 22–23 января и пробыл среди них до ареста 24 декабря 1863 г. В течение этого года принял участие в трех крупных сражениях, был ранен. Осенью 1863 г., находясь в распоряжении

бывшего русского офицера Игнатия Блещинского, занимался сбором продовольствия для повстанцев и осуществлением связи между новоформируемыми мелкими подразделениями, снабжением их оружием. Проводил он также регистрацию раненых и желающих присоединиться к восстанию, то есть исполнял обязанности связного.

24 декабря 1863 г. в доме своего дяди в имении Вельгомлыны он был арестован вместе со всеми там находящимися, отправлен в Конецполь, а затем в Пётрков Трибунальский. Дело его рассматривала военно-следственная комиссия под председательством генерала Радена. В октябре 1864 г. был оглашен приговор – три года арестантских рот. Это было терпимо. Потрясение вызвал последовавший за этим фрагмент приговора – «и вечное поселение в Сибири». Слез 20-летнего повстанца не выдержал работавший в следственной комиссии аудитор 18-го стрелкового батальона Дмитрий Кусмаров, который, по свидетельству Яна, стал утешать его, говоря, что везде есть добрые люди, которые всегда чем-нибудь да помогут, и нужно только стараться сохранить здоровье. Они встретятся потом еще раз, только уже «на этапе» в Казани. Там аудитор Кусмаров и бывший писарь Пётрковской следственной комиссии Зацвилюховский будут в одинаковом положении с Яном как следующие на поселение в Сибирь.

Описывая свое пребывание под следствием и судом в Пётркове, Ян отмечал разное поведение людей по другую сторону барьера, и водоразделом тут не всегда была национальность. Высшую власть над допросами арестованных повстанцев осуществлял начальник военного отдела Варшавско-Венской железной дороги генерал Раден. Подводя итог допросам Яна, он пробовал принудить того к признанию своей вины. В ответ на очередные: «Не был, не видел, не знаю, не встречал», – генерал со злостью поднялся с кресла, подошел к «правонарушителю» и, проведя ладонью по своей шее слева направо, выкрикнул: «Вот что вас ждет».

Одновременно с этим Ян отмечал: «Солдаты, охраняющие нас, были из полка Мацнева, который вскоре прибыл со своим адъютантом, чтобы навестить Блещинского как своего бывшего офицера (перешедшего на сторону повстанцев. – С. С.). Они оба пожали ему руку, при этом Мацнев, несколько заикаясь, произнес: «И-и-и В-вы попались». В его тоне чувствовались мягкость и явное сочувствие. Похоже, это был очень добрый человек».

Не все, конечно, было так идеально. Другой полковой товарищ Блещинского поручик Михайлов, заметив, что Блещинский из окна разговаривает с другим узником, грубо накричал на него. Оскорбленный и возбужденный Блещинский, которого ждало очень суровое наказание, крикнул поручику: «Молчи, дурак». Все были уверены, что узника сейчас же расстреляют, но на сей раз ограничились перемещением в более охраняемое помещение. Не исключено, что Михайлов как-то смягчил свой рапорт.

Есть и более развернутое свидетельство неоднозначного отношения русских военных к арестованным повстанцам. Тот же Ян Шуберт вспоминал, что вскоре после прибытия в Пётрков их «рассортировали в соответствии с пожеланиями большинства и с согласия славного майора Жарнова, коменданта местного гарнизона. Майор почти ежедневно по обязанности бывал у нас, выясняя наши потребности, принимая просьбы, очень часто извещал, кто будет вызван в следственную комиссию или в военный суд, кому какое грозит наказание и когда тот или иной может быть отправлен.

Его уважали и любили все. Уже сам внешний вид – он был высокого роста с прекрасной черной бородой – как-то симпатично проявлял его истинную доброту. С этого времени мы находились в обществе интеллигентных и образованных людей: известных граждан, чиновников, студентов и ксендзов. Часто к нам на разговор заходили офицеры, чтобы услышать живое слово и лично убедиться и сравнить с тем, что им внушали о нашем крае, о наших истинных мечтах и планах и наших настроениях.

Более всего во время возникающих споров их удивляло то, что вместо того, чтобы печалиться и плакать над своей судьбой, мы смеемся, шутим, поем и вообще вместо чувства подавленности играем роль победителей (с небольшими исключениями), забываем о том, что было вчера, и думаем о своем завтрашнем дне. Такие споры тянулись порой до поздней ночи и имели очень положительное значение для нас, молодых: результаты этих разговоров громким эхом отражались в наших думах, и каждый начинал чувствовать, может быть, не отдавая себе до конца отчета, что история не стоит на месте, что она всегда жива».

Но в семье, как говорится, не без уroda. И таким «уродом» оказался двоюродный племянник бывшего начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии Леонтия Дубельта – Константин Иванович Дубельт. К. Дубельт был одноклассником Игнатия Блещинского по Орловскому кадетскому корпусу, а Игнатий Блещинский, поручик Финляндского пехотного полка, – повстанческим начальником Яна Шуберта на последнем этапе их участия в восстании. В 1863 г. Дубельт служил в 40-м Кольванском пехотном полку, расквартированном в Ченстохове, и именно этот отряд окружил и арестовал Шуберта, Блещинского и всех находящихся 24 декабря 1863 г. в имении Вельгомлыны, а затем держал их под охраной в Концеполе. Блещинский и Дубельт сразу узнали друг друга, но, поскольку их отношения в корпусе кадетов были дружескими, Блещинский поначалу даже обрадовался. Арестованные находились в случайных, кое-как приспособленных помещениях, и надзор за ними был не особенно суровым. Дубельт начал вечерами посещать Блещинского. Общались по-дружески. Нашелся оставленный бильярд, Блещинский угощал Дубельта «питным медом» и позволял ему всегда выигрывать.

Ян Шуберт пишет, что другие офицеры предостерегали Блещинского от излишней доверчивости, но, поскольку тому грозило суровое наказание как бывшему военному русской армии, а шел ему 22-й год, родилась мысль о побеге, которую, судя по всему, Дубельт поддержал. Все было обговорено, но в назначенный для побега день нагрянул усиленный наряд стражи. Блещинский был посажен в одиночку. В общем, Дубельт подал соответствующий рапорт. Может быть, он готовил эту провокацию с самого начала, а может быть испугался в конце. Так или иначе, Блещинский заплатил за это жизнью – его расстреляли.

По решению полкового офицерского суда Дубельт должен был покинуть полк. Однополчане не могли простить ему столь подлого использования своего товарища при таких трагических обстоятельствах. Благодаря помощи своего отца, служившего в то время жандармским офицером в управлении виленского генерал-губернатора, запятнавший собственную репутацию офицер был переведен в 16-й Ладожский пехотный полк, стоявший в 1863–1865 гг. в Ленчице.

Совершенным контрастом было поведение перешедшего на сторону повстанцев рядового русской армии Пантелея Сухого. После ареста он был на несколько дней подсажен к Яну Шуберту, а затем вызван вместе с Яном на очную ставку. Аудитор, проводивший этот допрос, объявил Сухому, что его ждет смертный приговор, но обещал ему «каторгу», если тот признается, что знает Шуберта, поскольку встречал его в «партизанке». «Никак нет, ваше превосходительство, – отвечал П. Сухой. – Не знаю и никогда его не видел». Игнатий Блещинский, Пантелей Сухой и ксендз Мосинский были расстреляны 5 марта 1864 г. Их могилы до сегодняшнего дня находятся на старом кладбище в Пётркове Трибунальском.

Сам Я. Шуберт, как уже было сказано, был приговорен к трем годам арестантских рот в Орле. До Москвы ссыльные были довезены поездом, путь до Орла в январе 1865 г. должны были проделать «по этапу», то есть пешком и в кандалах. Ян воспринял эту дорогу как наибольший кошмар в своей жизни. Проблема заключалась не только в январской пешеходной прогулке, но и в необходимости постоев, тонущих в грязи, в насекомых и вони этапных помещений.

Но когда после всего этого они оказались в самом Орле, то смогли вскоре забыть ужас дороги. Как утверждает Я. Шуберт, встретивший их начальник орловских рот полковник Тихонов сразу приказал поместить Яна и его товарищей в так называемом дворянском отделении, которое, по распоряжению губернатора Левашова, было освобождено от физических работ как находящееся «при ротах». Помещение, в котором вместе с другими оказался Ян, выглядело в его описании следующим образом: «В помещении, в которое меня ввели, стояли два больших стола, над которыми висели по две лампы, под

стенами вдоль и поперек стояли нары, на которых спокойно могли разместиться 45–50 человек, хотя в помещении находились не более 40.

На нарах была разложена довольно чистая постель, кое-где – ватные одеяла, порой даже шелковые. Было тихо и спокойно, разговаривали вполголоса, как хорошо воспитанные люди. Одного, с сединой, называли на английский манер Мистером; его соседа с одной стороны – Бельгом, с другой – Капитаном. Других, размещенных в зале либо в четырех прилегающих комнатках, именовали: Щегленок, Тетка, Толстяк, Старик, Дед, Киндыбал, – другие также имели характерные прозвища.

Первым, то есть «мистером», был пан Матушевский, доверенный графов Потоцких из Вилянова; второй – сын помещика из-под Варшавы, учившийся в Бельгии, оба всеми любимые и уважаемые. Третий был Дюфрейн, бывший итальянский офицер, который хорошо знал польский язык. Все остальные получили прозвища, вытекающие из их привычек, внешнего вида, частого употребления какого-либо выражения в разговоре либо какого-либо происшествия или события. Никто не обижался, ибо это были люди, объединенные общей симпатией, более того, товарищескими отношениями неволи и братской любовью, которая связывает людей в их школьные годы». Сам Ян по своей аккуратности и простодушию получил прозвище Фраерок (по-польски это означает «слишком доверчивый человек». – С. С.).

«Помещение, в котором находились заключенные, напоминало читальный зал, но в скором времени оно превратилось в нечто вроде интерната или учебного заведения. Здесь большинство молодых и несколько старших товарищей занялись умственным трудом – чтением и обсуждением исторических сочинений, преподаванием химии, математики и арифметики, языков, музыки, хорового пения, рисования, одним словом, всего того, что интересовало здесь присутствовавших, что некоторые уже изучали, а другие хотели повторить. Преподавателей было достаточно из разных средних и высших школ, таких как университет в Варшаве, заграничные университеты, Дубляны, Маримонт, Жибикова, Техника Краковска. А сколько было споров, серьезных, глубоких, поучительных! По разрешению губернатора нам ежедневно присылали газеты, а каждую субботу появлялся вице-губернатор справиться, все ли мы получили и нет ли у нас каких-либо претензий и нужд.

Нам было позволено по абонементу брать книги из книжного магазина. Некоторым присылали из дома белье, одному – даже печенье. Несколько раз мы устроили любительский театр, представления нам очень удавались. Не забыто было и о физических упражнениях: в балку потолка были ввинчены два кольца на веревках с прикрепленной к ним перекладиной (трапецией). Кухню мы также устроили по-своему, таким образом: деньги, предназначенные на наше питание, получал наш староста, которым был пан Верь из Варшавы. На эти деньги он покупал в городе продукты, выходя за ними в сопро-

вождении унтер-офицера и конвойного. Кухней все время заведовал коллега Пржисусиньский, который по очереди назначал себе повара и помощника. Таким образом мы устроились с бельем, одеждой и обувью. Нам выдавали материал, из которого наши ремесленники по мерке шили нам бесплатно или за очень скромное вознаграждение.

Зимняя одежда состояла из брюк, куртки и шинели из грубого солдатского сукна, застегивающейся на крючки, из такого же сукна была шапка без козырька, с двумя черными полосками, нашитыми накрест сверху шапки. Поначалу на спине куртки пришивались небольшие черные квадраты, потом от этого отошли, убрали также кресты на шапках. Черные украшения должны были отличать уголовных преступников от политических. Для первых один или два рукава шились из черного сукна. За эти поблажки мы были очень благодарны нашему почетному губернатору и всей администрации, поэтому, когда губернатор с казаком проезжали на конях мимо наших окон, что случалось достаточно часто, мы становились у окна и, снимая шапку, кланялись ему.

Насколько зимы там бывали тяжелые, настолько в общем-то короткое лето донимало своей жарой, весна мелькала незаметно. На лето нам давали полотняную одежду, точнее говоря, полотно, из которого наши портные шили достаточно приличные куртки вроде пиджаков, брюки и жилетки. Последние покупались готовыми, у кого были деньги, даже стеганые, такие же были шапки.

В нашем хоть и просторном, но низком зале при таком скоплении людей было очень душно, и Николай Бояньчик из Вроцлавки внес предложение использовать нас для приведения в порядок обширного городского сада. Работа бы выполнялась бесплатно, нужно было только доставить семена и саженцы. Проект был охотно принят, получены деньги и разрешение властей, и начались подготовительные работы. Четверых из нас – Бельга, Цветка, Щегленка и меня – направили в сад полковника Тихонова, в котором вместо работы в первый день просили рассказать о нашем крае, о восстании, о Варшаве, наших семьях, польке жене полковника. Эта наша работа продолжалась недолго, поскольку солдаты сделали без нас гораздо больше, но зато нам хватило времени, чтобы познакомиться с дочкой военного чиновника мадмуазель Павловой, которая обычно приглядывалась к нам из окна дома, выходящего в сад, и давала книжки для чтения. Вспоминаю об этом, чтобы показать, какой симпатией пользовались мы у жителей Орла.

Но не все было так безоблачно, последовал донос на то, что арестанты одеваются как все и их трудно отличить от обычной публики, поэтому вместо сада им разрешили «два раза в неделю под конвоем ходить купаться в реке Орел, или Орлик». Минувло лето, наступили холодные дни, и у властей возник план использовать арестантов из рот при строительстве Московско-Курской

железной дороги. Их должны были использовать бесплатно на самых тяжелых земляных работах, обещая за это полное освобождение по окончании срока пребывания в ротах без высылки в Сибирь на поселение. Реализовать этот проект должен был будущий генерал-губернатор Восточной Сибири генерал Николай Петрович Синельников. Яна и его товарищей это не касалось, поскольку по распоряжению орловского губернатора Левашова они считались находящимися «при ротах», то есть формально были освобождены от физических работ.

Вскоре в Орел вернулся офицер Тарасов, который сообщил, что для перевода из Орла и освобождения помещений для строителей железной дороги предназначены три города – Симбирск, Казань и Пермь. Место на выбор предложили самим арестованным. «Мой кружок, – вспоминал Ян, – к которому я принадлежал сердцем и душой, выбрал Пермь как город, расположенный ближе всего к Сибири, месту нашего будущего поселения... Прощание со всеми без исключения было настолько сердечным и трогательным, что понять это мог только тот, кто в состоянии представить те страшные переживания, которые преследовали нас в течение последних лет. Эти повторяющиеся утраты чего-либо или кого-либо из дорогих и близких, которые неумолимо следовали одна за другой.

Зима была уже в разгаре, когда мы той самой пешей дорогой двинулись по направлению к Москве. Шли мы более медленно, пережидая непогоду на этапах в холодных, вызывающих дрожь, видных издали темно-желтых строениях. Во время перехода видели огромную массу перекопанной и выровненной земли, засыпанных низин, перекопанных гор и горок, во многих местах соединенных временными мостами берегов рек и ручьев, а до Серпухова уже вела готовая дорога, по которой товарные поезда подвозили материалы. И невольно думалось, сколько тут труда, сколько сил положили на эти мозольные работы, сколько здоровья наших соотечественников, а возможно, и жизней унесли они!?

Для меня лично эта повторная дорога, по которой я первый раз брел как слепой, не имеющий понятия, куда она идет, направляемый чужой волей без всякой собственной цели, была гораздо более приемлемой. Она была согрета дружбой с единомышленниками, а возможно, и перспективой долгой совместной жизни на чужбине, среди незнакомых нам людей и условий. И все-таки физически мы были очень измучены этим путешествием с двухдневным отдыхом в малых и грязных помещениях этапов».

По прибытии в Москву арестанты были помещены в так называемом Колымажном дворе (Московская пересыльная тюрьма. – С. С.). Из-за исключительно антисанитарных условий их перевели в другую тюрьму, которая называлась Литовские казармы, уже знакомую Яну и его товарищам по пути в ссылку. Несмотря на то что шел уже 1867 г., в эту тюрьму поступали все

новые и новые узники, приговоренные к ссылке в Сибирь. Пригнанные из Орла находились в Москве до Пасхи, а затем были переправлены на нижегородский вокзал, где, как пишет Ян, «их снова встретили члены комитета с обедом и небольшими суммами денег», но не только они.

Там уже были приготовлены «подводы, то есть широкие трехконные сани (так в тексте. – С. С.), на которых нас разместили по четыре человека, соединенных с помощью цепи кандалами. За каждой четверкой наблюдал свой ангел-хранитель, то есть конвойный солдат, вооруженный карабином со штыком. Управлял повозкой ямщик из местных жителей, которые за Волгой на всем протяжении главного тракта в губерниях Нижегородской, Вятской и Казанской происходят из разных племен, как то: татар, чувашей, мордвы, черемисов. Хотя в каждой повозке находились по шесть человек, и несмотря на то что сани у них тяжелые, с так называемыми крыльями с каждой стороны. Чтобы избежать переворота, кони, хоть и не крупные, а наоборот, скорее, малые, бежали все время хорошей рысью, а пристяжные – курс-галопом. В Вятской губернии их запрягли по три, но гуськом, то есть одного за другим в длину, при этом ямщик погонял длинным кнутом только первого коня.

Кричат они при этом каким-то визгом или пронзительно свистят, как будто хотят испугать волков, хотя кони и без того неслись вихрем, шальные, по этой дороге, вьющейся бесконечной лентой среди необозримых глазом пространств расстилающегося вокруг белого покрова. Рассказывали, что однажды во время такого неудержимого бега какой-то пассажир задремал и при проезде около телеграфного столба разбил себе голову. С этого времени ямщики, приближаясь к столбам, кричат «Берегись!». В гору они всегда въезжают галопом.

Этапы там были такие же мерзкие, как и везде, и спасало только то, что мы редко на них задерживались, делая по 100 верст и более ежедневно, трижды сменяя коней, ночевали в более крупных деревнях и городах.

Одним из самых крупных губернских городов на нашем пути была Казань, лежащая над рекой Камой, впадающей в Волгу. Был этот исторический город еще со времен Ивана Грозного, о чем свидетельствовали сохранившиеся с тех времен памятники, населен он был главным образом татарами, которые занимались торговлей. Уже тогда город выглядел богато с большими каменными домами и университетом, в котором училась и значительная часть нашей молодежи. В эту вот Казань как новую административную единицу мы прибыли на двухдневный отдых.

Наша партия была третьей по счету, две первые, прибывшие перед нами, находились в тюремном замке. Кто-то из них познакомился с двумя господами, бывшими офицерами из Пётркова, моими знакомыми, которые захотели увидеться со мной. Каково же было мое удивление, когда в стоящих передо мной господах я узнал переводчика следственной комиссии Зацвилюховско-

го и Кусмарова, который полтора года тому назад прочитал мне приговор. Оба в гражданской одежде, в таком же, как я, положении, в той же самой тюрьме. Я не верил своим глазам. Оказалось, что и они поддались общему течению и мнению, может быть, по другим соображениям, не без чисто личных видов, но как бы то ни было, они были приговорены к поселению в одной из отдаленных губерний империи. Если бы их дело не было связано с последними событиями в нашем крае, а их функция не касалась бы вопроса «быть или не быть» какой-либо личности, можно было бы в этом необычном случае вспомнить: фортуна катится колесом, что вчера было наверху, завтра может быть внизу.

Я оказался в очень трудном положении: радоваться чужому несчастью я никогда не любил, сожаление также было неуместно, дело было, как говорится, деликатное, так что я пожелал им только, как они когда-то мне, изменения наших судеб к лучшему, огорченный и смущенный, может быть, больше, чем они сами.

...Через пару дней нас перевели в отдельное помещение, из которого рано, около четырех часов утра, мы должны были выехать на подводах, чтобы к вечеру стать на третьей станции, то есть достаточно отдаленном этапе. Перед этим, однако, независимо от идиотской ревизии, сразу по прибытии в Казань партионный начальник обыскал нас снова, предупреждая, чтобы ничего не иметь при себе, например, табаку или папирос, поскольку на первой остановке, где должен был состояться завтрак, проверяют очень строго и забирают буквально все.

Двинулись мы, как и было обещано, очень рано, не имея при себе ничего запрещенного. Было морозно, хотя зима уже перевалила на другую половину. Близость рек и востока ощущали все, а более всего Одрживольский, который буквально коченел от холода. До Казани почти всю дорогу мы ехали по замерзшей Волге, на которую порой с высокого берега соскакивали кони, сразу вся тройка, таща за собой кошевые сани, и мчалась дальше по льду, который дважды лопался со звуком пушечного выстрела. В таких случаях ямщики останавливали коней, чтобы проверить дорогу за возникшей крышей, нет ли там какого-либо препятствия в виде, например, неогороженной полыньи, в которую, случалось, падали кони вместе с санями, особенно во время метели или ночью. Убедившись в возможности продолжения пути, перегибали через эту выпуклую трещину, размером на скачок коня, но на расстояние несколько десятков саженей один от другого.

На первый за Казанью этап мы прибыли в пору завтрака. Были мы в одной четверке: я, Квятковский и Белецкий с Сыновским, который запротестовал против столь частых ревизий, прося, чтобы нам позволили согреться чаем, поскольку у нас не было ничего запрещенного, что мог бы подтвердить наш старший, сопровождающий партию. Это разозлило унтер-офицера эта-

па, который схватил шарф под подбородком Сыновского и, скрутив его, дернул изо всей силы. Подобная дерзость возмутила меня до глубины души настолько, что я крикнул ему, как смеет он так бесчеловечно поступать с нами, и добавил, что мы непременно пожалуемся на него. Унтер-офицер, кантонист, из крещеных евреев, не только не обратил на это внимания, но гаркнул на все горло: «Караул! Бунт!» Сбежались несколько солдат, вытащили сабли, подняли их над нашими головами, а он тем временем пытался достать меня своей саблей, тыкая ею то в мою шинель, то в Квятковского, в то время как Квятковский и Белецкий заслоняли нас в углу коридора, стараясь сдержать его рыцарские порывы. На наше счастье вошел наш партионный и своей настояющему военной выправкой и громовым голосом прервал этот скандал, говоря, что наша партия всю дорогу вела себя спокойно, что все это люди хорошо воспитанные и что он напишет об этом рапорт. Обыску, естественно, он не мог помешать, поэтому у нас отобрали даже иглы и шпильки, стальные перья, карандаши и насадки.

До Перми нас довели без всяких происшествий, зато по приезде мы убедились, что попали хуже других, выбравших себе иные города. Трудно сказать, кто был в этом виноват: суровость ли власти, самоволье ли исполнителей общих и специальных предписаний. Может быть, и наши друзья поневоле, которые раньше там оказались, не смогли выдержать угнетающей тирании, когда доходило до бритья некоторых голов; другим – полголовы, одному даже надрезали саблей ухо, одевали в кафтаны с черными рукавами и тому подобное. Правду сказать, во время одного из происшествий, результатом которого были вышеупомянутые репрессии, начальники, проводившие расследование, напуганные грозным поведением поднадзорных, как говорили, убегали через окна.

Мы уже на следующий день испытали на себе существенную разницу в отношении к политическим ссыльным в Орле и Перми. Для арестантских рот в Перми были предназначены два частных дома, нас поместили в одном из них на первом этаже, в комнате, окна которой выходили на лестницу, ведущую на второй этаж. Ранним утром, в четыре часа, фельдфебель, идущий на второй этаж, разбудил нас, стуча кулаком в окно, с криком: «Господа! Вставать на работу!»

Еще раньше мы договорились, чтобы не поддаваться сразу, ссылаясь на то, что мы освобождены от работ, поскольку считаемся не в ротах, а при ротах. Так и сделали. На работу никто не вышел. С криком ворвался тот фельдфебель, дал кулаком в бок пану Грасу, бывшему австрийскому офицеру, как нашему старосте за то, что не вывел нас на работу; забежал он и в нашу комнату, остановился в проходе, увидел, что мы все стоим, построившись в ряд, спросил, почему не вышли на работу. Мы ответили, что на работы не могут высылать всех, поскольку многие из нас освобождены от них по распоря-

жению министра внутренних дел. Но могут быть и такие, которые прибыли в Орел позднее и их нет в льготном списке, поэтому надо сначала проверить эти списки и установить, кто освобожден от работ, а кто нет.

Все доказательства выслали губернатору, которым в то время был г. Струве (Бернгард. – С. С.), поэтому вопрос был выяснен в ближайшие дни. На третий день снова прибыл Кумов с именованным списком, где было обозначено, кто был освобожден от работ министром внутренних дел, а кто – орловским губернатором, распоряжения которого имели силу только на территории его губернии.

Исходя из этого, несколько человек из нас должны были вставать чуть свет и вместе с другими чистить улицы от снега и вывозить за город снег и мусор; перевозить с пристани товары в мешках и вносить их по лестницам на склады, копать землю под огороды и выполнять тому подобные работы. На пристани платили нам по несколько десятков копеек в день каждому; деньги за другие работы шли на счет арестантской роты в городскую кассу. Должен заметить, что наша солидарность произвела впечатление. Доказательством этого стал следующий факт: когда разнеслась весть, что некоторых из нас занесли в разряд чернорабочих, то другие, оставшиеся в предыдущей категории, обратились с просьбой к губернатору, чтобы им по очереди позволили замещать своих товарищей, если уж губернатор, как в Орле, не считает возможным освободить всех. Это понравилось всем, как русским, так и нашим, живущим в Перми полякам, тем более когда узнали, что подобная солидарность уже практиковалась в дороге при наложении кандалов, то есть наручников, как их называли по-русски, притом что никто не соглашался позабавить себя честью ношения этих почетных браслетов.

После этого фельдфебель Кумов перестал кричать на лестнице: «Господа, на работу!», и все могли продолжать умственные занятия в соответствии со своими интересами. Квятковский давал уроки французского и немецкого языков детям капитана, Чарновский преподавал математику, Галезонский учил игре на скрипке, еще кто-то – на фортепиано. Сложился небольшой оркестр-квintет и хор, в который вошли представители разных славянских народов – участники восстания, как-то: русины, чехи, сербы и даже немцы. Поэтому песни исполнялись на всех этих языках, такие как «Виют витри», «Где домов мий», «Напруй за славу» и даже «Марсельеза», польские «Откеды ранне встаё зоже» («Когда загораются ранние зори»), национальные гимны вплоть до патриотических и явно революционных.

Пару раз мы устроили даже любительские театральные представления, в которых мне всегда выпадала женская роль. Жильцам обоих домов было позволено свободное посещение друг друга и выход под конвоем на прогулку. Во время этих походов, идя в шеренгах, мы всегда исполняли какой-либо марш на соответствующем языке, хотя чаще всего по-польски. Летними ве-

черами мы открывали окна на улицу и своим хоровым пением в сопровождении своего же оркестра привлекали публику даже с отдаленных улиц города. Такие концерты продолжались и до десяти часов вечера, а по просьбам публики – и еще позднее.

Оказывалось, что все можно было разрешить каким-то порядочным образом, заменить ненужные строгости относительно мягким обращением, что сыскало нам определенное признание среди других осужденных или осевших там наших земляков. Россияне также смотрели на нас другими глазами, даже сам губернатор согласился на то, чтобы один из нас время от времени приходил в губернский сад и, сопровождая его сына во время прогулки, объяснял ему значения некоторых польских выражений и целых предложений, а Одрживольского приглашали к нему же на вечерние концерты. Даже сам грозный Кумов, честное слово, сам приносил мне из библиотеки русские книги и покуривал вместе с нами папиросы.

Самое большое, однако, признание лично для себя, а через то и для нас всех заслужил пан Штыбель, старший фельдшер из Царства Польского, который спас от смерти жену богатого купца, почетного гражданина и городско-го головы Каминьского. Все медики, которые ее лечили, определили, что это безнадежный случай какой-то давно запущенной болезни. Кто-то посоветовал Каминьскому обратиться к Штыбелю, которому уже удалось помочь несколькими больными. Приглашенный Штыбель перевернул все доступные там медицинские книги и описания видов этой болезни, вспомнил опыт своей многолетней практики, сидел несколько дней при больной, наблюдая ее состояние, пока не смог поставить верный диагноз и применить соответствующее лечение. Оно прошло успешно, и приговоренная к смерти жила еще долго, а Штыбель дополнительно к славе был щедро награжден соответствующим гонораром, снабжен бельем, верхней одеждой и письменной рекомендацией. В это же время пришло известие о вступлении в брак наследника престола и, как обычно при этом, – амнистия для заключенных. В том числе и политических по 1863 году, которых освобождали от всех предыдущих наказаний и отправляли на поселение в Сибирь.

Таким образом, снова, уже третью зиму подряд выпадала нам дорога долгая, безнадежная, для многих бесповоротная, для всех страшная, потому что целью ее было темное неизвестное и неразгаданное будущее. Выражение «поселение» было равнозначно тюрьме среди живых. Оно отбирало встречу с любимым краем, разрывало последнюю нить, связывающую с ним. Благодаря совместной жизни с его благородными сыновьями, переносащими достойно, терпеливо и гордо эту общую неволю, а теперь обреченными на рассылку по безбрежным пространствам Восточной Сибири, на борьбу с холодом и голодом среди чужих, безразличных к чужой доле осевших или поселенных там людей. Каждый чувствовал это и хорошо понимал, что там,

среди этих ледяных тундр, трескучих морозов и снежных сугробов, на слабозаселенных пустынях и степях каждый должен будет позаботиться о том, чтобы не замерзнуть и не умереть с голоду либо, в некоторых случаях, и не быть убитым. До сего времени у нас была крыша над головой, какая-то одежда и обувь, а также пресловутый кусок черного хлеба и сторожа, охраняющие нашу жизнь, а там нас ожидали постоянная тревога и боязнь за завтрашний день, постоянная борьба с самыми разными опасностями.

Из края вывозили нас, насильно оторвав от семей, как молодые ветви от ствола дерева. Нас отбросили от матери-земли, а сейчас снова, через пару лет, повезут в полудикий край, лишая дружеского общения, общности духа сердца и мысли ради ложного намерения никогда не осуществимой идеи уничтожения следов нашего национального прошлого, ради уничтожения в нас памяти о своих обязанностях по отношению к религии, Отечеству, родителям или семье. Галициане либо подданные других государств уже знали, что их правительства начали переговоры с Петербургом о возвращении своих подданных, поэтому ехали в ссылку формально, как туристы, накоротко, но русские подданные могли рассчитывать только на какой-то новый манифест в неизвестном будущем и какую-нибудь непредвиденную монаршую милость.

В таком настроении, наполненном мыслями о том, что нас ждет, мы оставили Пермь, что ни говори, достаточно доброжелательную. Мы снова сели в трехконные сани с вооруженным товарищем, направляясь в Кунгур, который представлял собой первый этап на пути в этот ужасный край, в который веками ссылали людей, словно на вечные муки без усталости, в одиночку и целыми массами на погибель, на дьявольские наказания. Наша партия была третьей по счету, число высылаемых ежедневно поселенцев зависело от числа конвоиров и повозок. В Сибири мы должны были стать государственными крестьянами, водворенными на казенных землях из политических ссыльных.

На следующую ночь мы приехали в Екатеринбург, уездный город, в котором был когда-то монетный двор, а в наше время там была гранильная фабрика. На ней делали очень хорошую бижутерию, не уступающую заграничной, а также разные поделки из малахита, добываемого, как и другие камни, в Уральских горах, где были залежи железных и медных руд, а также серебра. Этот город отличался чистотой, красивыми домами и аллеей. Налицо было богатство, которое замечалось и в ближних деревнях, особенно в той части Пермской губернии, где находилось несколько металлургических фабрик. Ехали мы очень быстро по хорошей дороге, чуть ли не со скоростью птичьего полета. Мы пролетали от одной до другой почтовой станции, оставляя за собой сотни верст, так что третьего дня к вечеру мы были в Тюмени, первом уездном городе Тобольской губернии, расположенном на другом склоне Уральских гор, то есть уже в Западной Сибири».

Ян Шуберт был направлен на поселение в Восточную Сибирь, точнее, в Аннинский уезд Енисейской губернии. Там он находился до начала 1870-х гг. В 1871 г. благодаря стараниям матери он получил полное прощение, как утверждал в воспоминаниях, непосредственно от царя Александра. В обратный путь на родину отправился 1 мая 1872 г. и прибыл в Варшаву 14 сентября того года. Впоследствии работал на Варшавско-Петербургской железной дороге. Осенью 1915 г. как ее служащий был эвакуирован в Россию и годы 1915-й и начало 1919-го провел в Москве и ее окрестностях, где встретил Февральскую революцию, которую связывал с надеждой на восстановление национальной независимости Польши. В независимом государстве принадлежал к обществу ветеранов. Написал воспоминания¹. Умер в октябре 1937 г. и как ветеран восстания 1863 г. был торжественно похоронен в своем родном Ченстохове.

¹ Материалы подготовлены на основе публикации автора: Jan Szubert. Pamiętnik czeństochowianina – powstańca styczniowe. Opracowanie Zofia Strzyżewska. Czenstochowa, 2012.

В течение 1864–1865 гг. Кунгур численно вырос: около полутора сотен жителей Западного края и Царства Польского вынуждены были обосноваться в уральском купеческом городе Кунгуре, назначенном им местом ссылки. Город в то время хоть и пропитан был «противным, удушающим запахом кожи», но считался красивым и благоустроенным, «едва ли не самым богатым городом» на Урале¹. Здесь издавна жили мирно русские, поляки, евреи, татары, башкиры, коми-пермяки.

Кунгуряки принимали ссыльных спокойно. Не кандалники, но под надзором полиции, их селили на жительство как «неблагонадежных в политическом отношении». И раньше, с 1855 г., прибывали в город «арестанты». С пониманием к ним относился городской голова Григорий Кириллович Кузнецов, «богатый бородатый вдовец, имеющий демократические взгляды»².

Где же разместили кунгуряки столько людей?

Двадцать шесть человек, прибывших 24 июня 1864 г. в Кунгур на пароходе, сначала заключили в тюремный замок (острог). Сидел там Игнатий Скибейко. Если в Перми его жене разрешали «ходить с вестовым на базар для покупок и продуктов», то в Кунгуре это запретили³.

Коллежского регистратора 70-летнего Войцеха Ушинского поместили «на выsidку в тюремный замок на два месяца, а его жену Юлию – на год»⁴. Отставного чиновника П. Вержбицкого держали в тюремном замке два месяца⁵, а потом отправили в Чердынь. Содержалась несколько месяцев как арестант и Ф. Колоцинская⁶.

На постое в городе были чиновники, военные, а тут еще предстояло разместить более 100 поляков, украинцев, литовцев, белорусов, высланных под надзор. Из рапортов квартальных надзирателей узнаем, что приехавшие ссыльные «квартирование имели» в домах зажиточных горожан. Заремба – во флигеле мещанина Елисеева; Косерадский с сыновьями – в доме Василия Егоровича Юхнева; Окулич – у купца Хлебникова; Вильчевский – у купца Шаравьева; Гурский – у мещанина Фролова; Краевский и Острошкевич – у купца Юхнева; Остроменский и Арцишевский – у купеческого сына Мельникова; Величкевич – у мещанина П. Сухорослова; Кользан и Шукевич – у мещанина А. Склюева; Романовский, Блек, Колышко – у купца В. Олешкова; И. Стомма – у мещанина С. Пахлова; П. Соколовский – у мещанина Боровкова; Климентович – у И. Мартемьянова; А. Лещинская – у М. Пиликина; Ю. Купец с детьми – у мещанина Я. Фоминых; Б. Спассовский – у чиновника Головина; Гейштор и Врублевский – у купца Клементьева⁷ и так далее.

Высочайшим повелением всем ссыльным запрещено было носить траур «в связи с политическими событиями в Царстве Польском», продавать и передавать буквари и руководства для преподавания на польском языке⁸, изучать географию и историю Польши в пределах 1772 г., иметь оружие, фотографироваться, встречаться со следовавшими через Кунгур соотечественниками⁹. Но никто особенно не следил за этим, не преследовал их. Потому и остались как свидетельство фотографии, сделанные Адольфом Шмидтом¹⁰ и опубликованные в книге Я. Прендовской «Мои воспоминания»¹¹. Это вид Кунгура от Тихвинского храма на Успенский храм, месса в каплице-шалаше. На фото 1863 г. и 1864 г. – Генрих Козерацкий и его 17-летний сын Маврикий, Николай Савицкий с дочерью Паулиной, П. Свидо. Есть фото И. Стомма, Спасовского, Олевского, Вроблевского. Можно увидеть на фото и тещу З. Сераковского Доминику Далевскую с дочерьми Сусанной, Юзефой и Калерией, за поведением и благонадежностью которых был установлен особый контроль¹².

Кунгурским почтмейстеру и начальнику телеграфной станции были сообщены списки ссыльных и запрещено принимать от них письма и телеграммы напрямую, без просмотра и разрешения губернской канцелярии. Ссыльные писали и получали письма, денежные переводы. В архивных делах только по росписям в получении можно установить, кого и как часто радовали весточки от родных и друзей, из дома и из мест ссылки родственников. Помещик Лаппа, например, писал в Германию госпоже Готтовской¹³.

Высланные «на житье» в Кунгур не привлекались к каторжным работам, как в Сибири на Петровских рудниках, им предписывалось только отмечаться по субботам в полицейском управлении.

Царское правительство разрешало следование к месту ссылки политического преступника не только матери, жене с детьми, мужу, но и родственникам и прислуге. Необычная ситуация была у Ядвиги Прендовской и Стефании Крашевской: высылали женщин, а за ними в ссылку поехали мужья.

Под надзором была и София Свидо с мужем, и Александра Имшенник-Кондратович, и Стефания Милодовская, и Виктория Кользан. Под надзор, как и родители, были высланы у некоторых взрослые дети и подростки: Мария и Сабина Имшенник-Кондратовичи, три дочери Далевской, дочь и сын Ю. Купец. А со всех остальных взяли «подписку»: «1864 г. июля 31 дня мы, нижеподписавшиеся, родственники состоящих в г. Кунгуре под надзором полиции, прибывшие за ними добровольно, в том, что от родственников своих, с которыми мы прибыли, из г. Кунгура никаких отлучек делать не должны, в том и подписуемся»¹⁴.

Типична судьба семей К. Новицкого, Ю. Купец. Например, молодой дворянин Ковенской губернии Эмиль Стефанов Гейштор в феврале 1863 г. женился, а осенью вместе с женой и родителями был арестован «за помощь бунтовщикам продуктами»¹⁵. После тюремного заключения родителей вы-

слали в Казанскую губернию, а молодых – в Пермскую губернию. В Кунгуре появились на свет сыновья: в феврале 1865 г. – Юзеф, через год – Леон. Здесь же, на Кунгурской земле, родились В. Стомма¹⁶, Мария Чехович, Стефания Милодовская и многие другие сыновья и дочери опальных поляков. С тремя детьми (младшему сыну исполнилось всего три месяца) приехали Ипполита и Викентий Мисевичи¹⁷.

Некоторые ссыльные приехали вместе с родителями, близкими родственниками, поваром (как у Лаппы), слугами, гувернантками.

Многие писали «прошения», чтобы отбывать ссылку с родными. Павел Краевский просился к отцу в Томскую губернию, ему разрешили¹⁸. Фальковский подавал прошение о переводе в Казанскую губернию «для совместного проживания с родственником, ксендзом Лукашевичем»¹⁹. Окинчицу брат предлагал отбывать срок в Шадринске²⁰. И. Гарныш изъявлял согласие на совместное проживание с братом, высланным в Соликамск, «в любом месте»²¹. Однако ему отказали: существовало распоряжение о «жительстве родственников в разных городах»²².

Конечно, в маленьком купеческом городке было сложно устроиться. С мужчин взяли подписку, что охотиться им запрещено и «отлучек за черту города не делать, и огнестрельное оружие при себе не иметь»²³. Ссыльные получали пособие от государства (не все и не сразу), посылки и переводы от родных.

С ноября 1863 г. чиновникам высокого ранга и в ссылке выплачивали половинное жалование. Так, ратман Варшавского городского магистрата Георг Бертольди получал в месяц «на лицо 42 рубля 19 копеек», Карл Борецкий – 23 рубля 20 копеек²⁴.

П. Свидо не назначили сначала пособие, потому что у него «по свидетельству начальника Могилевской губернии, достаточно собственных средств. Нейман может как врач добывать себе средства к пропитанию, занимаясь медицинской практикой по г. Кунгуру». Байбаковскому отказали, так как он «в Вильно нераздельно с братом имеет каменный дом, доходами с которого может содержать себя»²⁵.

Могилевский губернатор отозвался кратко о Янушкевиче: «Может существовать в месте ссылки пособием от родственников». Михаилу Блажевичу отказали, сославшись на то, что он «может существовать на месте ссылки собственными средствами, не испрашивая пособия от казны»²⁶. Николаю Савицкому перевели назначенную в Могилеве пенсию в Кунгурское казначейство²⁷. В. Олеховскому, его жене и матери, отправившимся с ним, разрешили с имения, находящегося под секвестром, выдавать 50 рублей в год²⁸. Малиновской, вдове полковника, и ее 16-летней дочери Каролине (с ними была и служанка) отказали, так как они «имеют в Бобруйском уезде два имения,

приносящие доход 2960 рублей, поэтому пользоваться пособием от казны не должны»²⁹.

У кого были средства, те нанимали приличное жилье, заводили собственный экипаж, лечились на Ключевских минеральных водах, как, например, помещик Игнатий Василевский³⁰. Высланным из Северо-Западного края землевладельцам высочайше было объявлено, что принадлежащие им «земли имений подлежат обязательной продаже в двухгодичный срок лицам русского происхождения»³¹. Можно было продать свои имения, а на вырученные деньги что-либо приобрести в Кунгуре или Пермской губернии.

Многим ссыльным помогали местные чиновники. Так, Г. Косинскому «дозволили поступить в личную службу Тагильского завода г-на Поплавского, что в Красноуфимском уезде»³². Для «находящегося в Кунгуре под надзором полиции медика Бутрима г-н управляющий имением Голубцова» барон Кистер просил разрешения проживать «для пользования г-на Кистера от болезни», и он ручался «за хорошее поведение и образ мыслей»³³ доктора.

Зарабатывали кто чем мог... Давали втайне уроки, потому что не могли «преподавать детям местных жителей французский язык лица обоего пола, жены и сестры ссыльных поляков, прибывшие добровольно» и к «учительским должностям были не допускаемы, если не имели установленных свидетельств»³⁴. Но кунгурские чиновники втайне приглашали ссыльных давать уроки своим детям. Так, судебному следователю Белозерову сделали строгий выговор за то, что в его доме «состоящий под надзором полиции поляк Остроменский занимался преподаванием детям уроков, что строго запрещено правительством», а Остроменского выслали в Красноуфимск³⁵.

Врачи из города Борисова Франц Мороз и Юлиан Нейман лечили горожан, оказывали медицинские услуги фельдшер Казимир Новицкий, доктора Вызго и Л. Окинчиц, новгородский врач Адам Брорезинский.

Ссылные поляки нанимались в лавки к купцам. Дворянин Ковенской губернии А. Эрдманн получил на занятие в Кунгуре торговлей «свидетельство 1 класса»³⁶, 24-летний ученик Академии художеств Иван Мисевич был определен в штат Кунгурского уездного суда³⁷. А. Фальковский в прошении указывал: «Кроме письмоводства, ничем иным для приобретения куска хлеба заняться не могу»³⁸. Письмоводителями на судостроительном заводе Гакса около года служили Михаил Брыльский и Адольф Кручковский³⁹. Отставной поручик А. Чехович выезжал в Пермь для продажи изразцов⁴⁰. В губернский город ездила Юлия Купец. Для двух малолетних дочерей в Кунгуре она не могла купить ни фортепиано, ни нужных книг, ни нанять гувернанток⁴¹.

Костела в Кунгуре не было, сначала мессы служили в шалаше, сложенном из веток, пользовались услугами ксендза, следовавшего по этапу через Кунгур. Но в сентябре 1864 г., по согласованию с генеральным викарием Могилевской римско-католической архиепархии епископом Станевским, при-

был «благонадежный священник, состоящий при Чаусовской церкви Могилевской губернии викарным, ксендз Юлиан Шостаковский. Для постоянного жительства ему назначили г. Пермь и на содержание ассигновали из особого источника на год 400 рублей»⁴².

По личному прошению ссыльный отец семейства получал полагавшееся пособие «на вновь рожденных». Если политическому преступнику от казны полагалось пособие в 1 рубль 20 копеек, то на детей выплачивали – 60 копеек в месяц квартирных и 7,5 копеек в сутки на содержание⁴³. Уже в сентябре 1864 г. у Антона и Анны Моксевичей родилась дочь Фекла.

У Ивана Случановского появилось двое детей. У Владислава и Клементины Олевских родился ребенок. Особо надо сказать о Витольде Стомме. Он родился в Кунгуре 13 марта 1868 г.⁴⁴. Именно здесь познакомилась его родители Игнатий Стомма и Филомена Мокржицкая. После возвращения семьи в Западную губернию мальчик получил образование, работал у дяди на патронном заводе в Санкт-Петербурге, женился, в столице дослужился до генерала⁴⁵. После событий 1918 г. он уехал в Литву, где преподавал в школе. Но в 1941 г. по решению НКВД его выслали вместе с родственниками в Сибирь. Чтоб заработать себе на кусок хлеба, 70-летний генерал В. Стомма складывал дрова. Умер он под Барнаулом, около поселка Мартовка. Вот такая удивительная судьба: родился в ссылке и умер в ссылке⁴⁶.

8 июля 1864 г. из Кунгура был «вытребован в крепость Динабург М. Винчи»⁴⁷ и передан «в Ковенский батальон внутренней стражи для отправления по назначению. Барон Краузе»⁴⁸.

Из Царства Польского прибыла дворянка Иоанна Станишевская, с ней две дочери. Через полгода в Кунгур состоялась свадьба ее дочери Терезы и дворянина Гродненской губернии Александра Сливовского, находившегося в Кунгуре с 30 ноября 1863 г. «за неблагонадежность в политическом отношении». Через три года им всем было дано «право возвратиться на родину по свидетельству на безостановочный проезд прямым путем в г. Сувалки»⁴⁹.

Всего полтора года жил в Кунгуре купец Генрих Глюксон, в июле 1865 г. он выбыл в Варшаву.

Месяцем ранее отбыл в Старую Руссу предводитель польской шляхты в Минской губернии 66-летний Александр Лаппа, к которому в Кунгур приезжала его взрослая дочь Мария, по мужу Быковская. Она «приехала без дозволения своего мужа и не имеет права проживать в Кунгуре»⁵⁰.

В середине XIX в. умерших горожан хоронили на кладбище возле Вознесенской церкви (за тюремным замком, за Острожной площадью). Там же на выделенном участке – «цментарже» – нашли последнее пристанище английский подданный, кораблестроитель П. Гакс, и ссыльные В. Спарский, жена Имшенник-Кондратовича, Бабиковский, сын и дочь Фальковского и другие.

Указом от 17 (19) мая 1867 г. почти все «сосланные на житье» в административном порядке и «одобряемые в поведении» могли вернуться в родные края⁵¹. Кто-то из них уехал сразу, у иных не было денег на переезд, а некоторые осели в Кунгуре. Например, бывший политический ссыльный врач Людвик Окинчиц венчался в Пермском католическом костеле с Евгенией Гуллет, родственницей кунгурского «кораблестроителя» Гакса⁵².

После майского указа общество в Кунгуре разделилось на три партии: «земскую, городскую и сплотившуюся из лиц польского происхождения, состоящих в Кунгуре на государственной и частной службе, из служащих на механическом заведении англичанина Гакса и из небольшого числа русских... Так, в недавнее время были пущены в ход различные козни со стороны земского врача Мороза и подлекаря Новицкого (польские уроженцы, ранее состоявшие в Кунгуре под надзором полиции по политическим делам) против городского врача Мейера (Якова Андреевича. – С. Л.), человека благонамеренного, с целью удалить его из Кунгура и место, им занимаемое, предоставить врачу – польскому уроженцу...»

«...Но с переездом в Пермь отставного чиновника надворного советника Верещагина (Василий Васильевич Верещагин – бывший уездный судья, зять городничего В. Дурова. – С. Л.), личности вредной, деятельность компании стушевалась»⁵³, – почтительно докладывал начальник Кунгурского жандармского управления майор Ма(о)хин.

О том, как складывалась общественная жизнь после объявленной ссыльным амнистии, красноречиво поведало другое донесение из Кунгура в Пермское жандармское управление о «...местном лесничем государственных имуществ католике Мокрушевском. В 1865 году он вышел из Чердынского Березовского лесничества и уехал в Петербург, где год спустя был определен в Уфимскую губернию лесничим, а оттуда перешел судебным следователем в г. Екатеринбург. В 1870 году он опять перешел в министерство государственных имуществ и был направлен в Кунгур лесничим (до него возглавлял корпус лесничих Александр Федорович Клигнберг. Пост губернского лесничего занимал поляк. И почти весь руководящий аппарат лесного ведомства в Пермской губернии состоял из поляков. – С. Л.).

У Мокрушевского во флигеле живет без всякого дела освободившийся из-под надзора полиции Люциан Оржешко, который, не имея занятий, проводит целые дни у первого. В недавнем времени в Кунгур выслан под надзор полиции Опоцкий, который под предлогом, что дает уроки музыки жене Мокрушевского, тоже целыми днями бывает у них. Земский врач Мороз, который состоял также под надзором полиции и с год тому назад как приехал обратно в Кунгур по приглашению земства на должность врача, также часто бывает у Мокрушевского.

Тесть Мокрушевского Цвединский живет в Красноуфимском уезде, но часто временно бывает в Кунгуре и тогда останавливается у Мокрушевского. Ездит так же часто в Пермь младший таксофор Добровольский и старший топограф Янковский, которые производят работы в Кунгурском уезде, часто бывают в Кунгуре и останавливаются у Мокрушевского. Командир 60-го резервного батальона полковник Мамаевский часто посещает семейство Мокрушевского, в особенности в последнее время, когда вышло распоряжение о расформировании батальона.

Фельдшер Новицкий, освобожденный из-под надзора полиции, своим пронырством успел повлиять на земство, так что Мороз был вызван на службу в земство по ходатайству Новицкого.

Эрдман, зять Мороза, тоже освободившийся из-под надзора полиции, и многие другие поляки часто бывают у Мороза. Из русского общества решительно никто не бывает у последнего, что, конечно, резко бросается в глаза. Трудно сказать, с какой именно целью все означенные лица собираются у Мокрушевского, но можно допустить, что из этого источника происходит тот ложный слух, который пущен между крестьян...

У Мокрушевского постоянно находятся в гостях по неделе двое полесовщиков, хотя это и против закона и, сверх того, весьма обременительно для крестьян – бросать свои дома и семейства и отправляться на целую неделю на вести к лесничему. А между тем участки этих полесовщиков остаются без всякого присмотра», – рапортовал штабс-капитан Андрущенко⁵⁴.

Особо опасных и неудобных, не попавших под действие указа, предписано было переселить в города Верхотурье, Соликамск и Чердынь.

Но до осени многие оставались в Кунгуре. 25 сентября 1867 г. пермский губернатор спрашивал господина кунгурского уездного исправника:

«На основании распоряжения г. министра внутренних дел и утвержденной мною резолюции, губернским правлением 17 минувшего августа за № 8088 предписано Вам всех политических преступников, находившихся под надзором полиции в г. Кунгуре, которым не дано возвратиться или переселиться в Царство Польское, немедленно выслать в города Чердынь и Верхотурье. Между тем, до сведения моего дошло, что означенные лица до сего времени остаются в Кунгуре»⁵⁵.

В октябре 1867 г. в Пермь был отослан «Список о лицах, находящихся в г. Кунгуре под надзором полиции по политическим делам, которые, согласно распоряжению г. министра внутренних дел, переведены на жительство (по документам) 19 человек в г. Верхотурье» (с 26 октября 1867 г.)⁵⁶:

1. Викентий Мисевич, дворянин Виленской губернии, 32 лет, с женой и детьми. В Кунгуре ничем не занимался. С 6 февраля 1867 г. Выбыл лишь в 1868 г.

2. Владислав Мицкевич, бывший студент. В Кунгуре ничем не занимался.

3. Эдуард Доброжелевский, дворянин, 28 лет, уроженец Царства Польского. С 19 октября 1867 г.

4. Иван Окулич, из дворян Могилевской губернии, 31 года. С 19 октября 1867 г.

5. Казимир Альхимович, дворянин, 30 лет, уроженец Западного края, семейства при себе не имеет. За выбытием не аттестуется.

6. Генрих Вышневикий, дворянин Люблинской губернии, 23 лет. С 19 октября 1867 г.

7. Карл Отрошкевич, писец из Могилевской губернии, 25 лет. С 26 октября 1867 г.

8. Люциан Оржешко, помещик Витебской губернии, 42 лет. С 26 октября 1867 г.

9. Антон Горецкий, помещик Виленской губернии, 42 лет, семейства при нем нет. С 26 октября 1867 г.

10. Казимир Новицкий, дворянин Виленской губернии, 36 лет, холост. С 26 октября 1867 г.

11. Александр Эрдман, дворянин Ковенской губернии, 23 лет (позднее он окажется в Вятской губернии. – С. Л.).

12. Владислав Заремба, дворянин Ломжинского уезда Августовской губернии, 29 лет, лишенный прав состояния. Без срока, секретно.

13. Владислав Иванов Вейсенгоф, помещик, с двумя малолетними детьми. 16 сентября 1866 г. Переведен из Кунгура в Верхотурье 19 октября 1867 г.

14. Владислав Романовский, сын помещика Ковенской губернии Ново-Александровского уезда, 28 лет.

15. Август Таргонский, штабс-капитан, 42 лет. Переведен из Кунгура в Верхотурье 19 октября 1867 г.

16. Михаил Блажевич, помещик Витебский губернии, 34 лет.

17. Бронислав Соболевский, 31 года. Переведен из Кунгура в Верхотурье 19 октября 1867 г.

18. Бронислав Мучинский (Мщинский), 33 лет. Переведен из Кунгура в Верхотурье 19 октября 1867 г.

19. Карл Кользан, бывший помещик, 64 лет, и его жена Виктория Кользан, 40 лет. Получал в Кунгуре пособие на себя и на жену. Вместе с дочерью Марией, 12 лет, были высланы сначала в Верхотурье, а потом в Соликамск с 6 октября 1867 г.

В Чердынь высланы 11 человек: А. Тубелевич; Д. Поплавский; Климентий Величкевич, 43 лет, с семьей (жена и четыре дочери); Анелия Лещинская, 33 лет, по документам Луппова, отбывала ссылку после Кунгура в Вятской губернии; И. Купец; Иосиф Янушкевич, 50 лет; Э. Онихимовский с семьей; Ф. Стели(мп)ковский; А. Шмит; Н. Савицкий; П. Соколовский.

В Соликамск высланы четыре человека: В. Заремба, А. Фальковский, К. и М. Кользан с дочерью.

По документам, в Кунгуре самым последним ссыльным после восстания 1863–1864 гг. был отставной титулярный советник Виталис Ламбертов Опоцкий, 40 лет, уроженец Волынской губернии. «За принадлежность к революционной организации, существующей в Санкт-Петербурге, в 1862 г. и побег затем за границу присужден был к смертной казни – расстрелянию». Возвратился добровольно из Турции в Россию. Ему всемиловитейше было даровано прощение с тем, чтобы он сохранил свои права и преимущества. Выслали Опоцкого в Пермскую губернию как неблагонадежного в политическом отношении под надзор полиции. Получив разрешение уехать на родину, отбыл из Кунгура домой, но вскоре вернулся: «В Варшаве жандармов на улицах больше, чем фонарей»⁵⁷. В 1874 г. ему было разрешено свободно разъезжать по Пермской губернии. Позднее он просил разрешения «приехать в С-Петербург для личного ходатайства в министерство путей сообщения» о предоставлении ему должности по инженерной части на проектируемой железной дороге в Средней Азии.

Ныне более подробно можно поведать о судьбах семейств Далеваких и Мокржицких, Ж. Олендской, Ю. Купец, И. Стоммы, Л. Окинчица, К. Новицкого, Г. Имшенник-Кондратовича, Ф. Оскерко, Э. Гейштора, Я. Прендовской, Адольфа Шмидта.

Многие ссыльные вернулись домой, кто-то покинул этот мир навсегда, а для некоторых Кунгур стал новой родиной⁵⁸.

¹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. СПб., 1904. С. 249 - 250.

² Прендовская Я. Мои воспоминания / Пер. с польского Л. Рябухо, Е. Харитоновой // Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009.

³ Кунгурский государственный архив (КГА). Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 186, 210.

⁴ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 418.

⁵ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 235.

⁶ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 431.

⁷ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 432 (об), 441, 453.

⁸ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 604.

⁹ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 315.

- ¹⁰ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 215; Игнатович Ф. И. Гродненская аптека И. О. Адамовича и восстание 1863–1864 гг. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.grodno.by/grodno/history/facts/apteka_i_o_adamovicha/1.html.
- ¹¹ Прендовская Я. Мои воспоминания / Пер. с польского Е. Харитоновой (копии листов на польском яз.). Краков, 1962.
- ¹² ПКМ (Пермский краеведческий музей) НВ-4811/77-1.
- ¹³ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 598, 609.
- ¹⁴ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.
- ¹⁵ Рябухо Л. В. Ссылные до Кунгура Гейшторы и Оскерко // Грибушинские чтения – 2001. Кунгур, 2001. С. 281.
- ¹⁶ Стомма Т. Частное письмо автору. США, 2004–2013; Лапшина С. Т. Русский генерал и интересы России.
- ¹⁷ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.
- ¹⁸ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 262.
- ¹⁹ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 322.
- ²⁰ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 10; Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 90.
- ²¹ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 353.
- ²² КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 352.
- ²³ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
- ²⁴ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 349 (об.).
- ²⁵ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 341.
- ²⁶ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 375.
- ²⁷ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 480.
- ²⁸ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 477.
- ²⁹ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- ³⁰ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 194; Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 75.
- ³¹ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 194.
- ³² КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
- ³³ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
- ³⁴ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 258.
- ³⁵ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 245.
- ³⁶ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 163.
- ³⁷ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.
- ³⁸ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 366.
- ³⁹ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ⁴⁰ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 217.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 47. Л. 31; Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 77.
- ⁴² КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 217.

⁴³ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 390.

⁴⁴ Стомма Т. Письмо автору. США, 2006; Брачев В. С. Персонажи истории. СПб., 2004. С. 270–278.

⁴⁵ Лапшина С. Т. Русский генерал и интересы России / Всероссийская научно-практическая конференция «Историческая память Отечества и русский мир». Г. Пермь, 26 июня 2009 г. Пермь, 2009.

⁴⁶ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 169.

⁴⁷ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.

⁴⁸ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 83; Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 59.

⁴⁹ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 83.

⁵⁰ КГА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 217.

⁵¹ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 368.

⁵² ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1097. Л. 197. Л. 197 (об); Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 91.

⁵³ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 6. Л. 31; Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 86.

⁵⁴ ГАПК. Ф. 228. Оп. 1. Д. 1. Л. 34, 48 (об).

⁵⁵ ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 260. Л. 381.

⁵⁶ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 112.

⁵⁷ Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009.

⁵⁸ Лапшина С. Ссылные в Кунгуре // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uraloved.ru/istoriya/ssilnie-v-kungure>. Дата доступа: 30.07.2013.

ОФИЦЕРЫ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПРИУРАЛЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

М. Кулик
Варшава

На рубеже XIX–XX вв. территория Урала находилась в центральной части Российской империи, на границе между Европой и Азией. По своему географическому расположению этой территории непосредственно не угрожали политические или военные факторы, что обеспечивало ее безопасность в случае возможной войны.

Большую часть территории Урала составляла Пермская губерния. Кроме разделения государства на губернии и уезды Российская империя была разделена также на военно-административные единицы – военные округа. В зависимости от их положения военные округа можно разделить на пограничные и внутренние. Политическая ситуация в мире диктовала содержать определенное количество войск, их дислокацию и потенциальное использование в районах.

Описываемая территория была расположена в Казанском военном округе, который был одним из внутренних округов государства. Он включал в себя Казанскую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Астраханскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую губернии и Уральскую, Тургальскую области¹. Командующий войсками округа и его штаб находились в Казани.

Численность Казанского военного округа в 1910 г. была около 2600 офицеров и 70 тысяч солдат². В этом районе также отмечалось большое количество призывников на военную службу³.

В Казанском военном округе, прежде всего, были размещены резервные войска, а после 1910 г. на его территорию пришли линейные подразделения русской армии.

В округе были квартиры местных бригад (54-й, 57-й, 58-й, 61-й) – в Казани, Саратове, Перми и Оренбурге, которые дали в общей сложности 85 районных дополнения, а также резервные подразделения артиллерии⁴.

В Пермской губернии было учреждение местной бригады, 23 учреждения уездных воинских начальников и 232-й Ирбитский резервный батальон.

После русско-японской войны 1904–1905 гг. в русской армии был введен ряд изменений для повышения боевой эффективности войск. Проведена реорганизация армии, распущены резервные войска, изменилась дислокация войск в различных военных округах. Это привело к изменению расстановок в районе Казанского военного округа, в который приехали осенью 1910 г. два армейских корпуса – 16-й (ранее был в Виленском военном округе) и 24-й (вновь образован)⁵.

В их состав входили следующие воинские части: 16-я АК (41-я, 45-я и 47-я пехотные дивизии, 5-я кавалерийская дивизия, 1-й Астраханский казачий полк, 41-я, 45-я и 47-я артиллерийские бригады), 16-я АК (48-я и 49-я пехотные дивизии, 1-я и 2-я Оренбургские казачьи сотни, 48-я и 49-я артиллерийские бригады).

Из этих воинских единиц в Перми был штаб 49-й пехотной дивизии, 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк и 49-я артиллерийская бригада⁶.

Русский офицерский корпус был разнороден по национальности и вероисповеданию. В нем кроме представителей других национальностей были офицеры польского происхождения, однако не всегда было ясно, поляки ли они. На их польское происхождение могут указывать фамилия, имя и отчество. Следующим критерием является вероисповедание, большинство поляков в тот период были католиками. В этой группе, однако, также находились протестанты, мусульмане, православные. Другая подгруппа – это лица, которые изменили вероисповедание, переходя из католичества в протестантизм или в другую религию. На их происхождение указывает место рождения и оконченная школа.

В XIX в. в русской армии, после подавления польского восстания 1863 г., был введен ряд ограничений для лиц, не принадлежащих к православию. Подавляющее большинство служащих из воинских частей были православными воинами, что составляло по крайней мере 70%. Остальные могли быть представителями других конфессий, в том числе католики могли составлять 20% в воинской части. Это был так называемый «католический ваканс», в это число входили также те, кто не был католиком, но был женат на католичке⁷.

В Приуралье можно найти несколько десятков офицеров польского происхождения, в том числе несколько генералов и полковников (около 20) и около 30 подполковников. В течение одного года могли служить около 20 офицеров польского происхождения.

В Пермской губернии, несмотря на большую территорию, было совсем немного войсковых единиц, но было много учреждений уездных воинских начальников.

Местные команды и резервные батальоны, дислоцированные в военных округах европейской части России, возглавляли начальники местной бригады и уездные воинские начальники. Главы местных бригад имели звание генералов-майоров, уездные воинские начальники были в чине полковника или подполковника. В мирное время предводители должны были подготовить все необходимые меры для обеспечения быстрой мобилизации войск.

Главы местных сил подчинялись по службе командующему военного округа. Они отвечали за возложенные на них войска, их численность, квартиры. В их обязанности входил контроль подчиненных подразделений, контроль над призывом новобранцев, находившихся на территории, и под его

руководством находящихся военных складов. В учреждении начальника местной армии собирали различную информацию: о численности солдат, лошадей, размещении на территории и в квартирах, распределении различных работ, числе лазаретов (военных и местных) и пациентов (военных), госпиталей и государственных больниц, количестве содержащихся в губернии и уездах солдат запаса и солдат в отпуске, числе арестованных солдат, составе и количестве оружия и снаряжения, хранящихся на складах на случай войны. В учреждении начальника бригады находились на хранении все документы, необходимые для мобилизации войск на подчиненной территории.

Начальнику местных войск были подчинены также казачьи войска, предназначенные для внутренней службы, дисциплинарные, тюремные подразделения и лазареты, если таковые находились на подчиненной территории. Начальник получал запросы от офицеров в отставке и в запасе, от солдат низших рангов и их семей и передавал их начальнику военного округа. Начальник рекомендовал для продвижения на высшие чины (военные и гражданские), также и на награды своих подчиненных. Он уведомлял своих начальников об изменениях в подчиненных ему учреждениях. Начальник бригады должен был давать согласие на вступление в брак подчиненных ему начальников и командиров воинских частей. Во время войны полномочия главы местной бригады могли быть значительно расширены⁸.

Среди офицеров польского происхождения, служащих в Приуралье, у большинства был военный чин подполковника или полковника. Один был военным следователем, но большинство занимали должность уездных воинских начальников. Некоторые занимали различные должности в резервном батальоне.

Количество должностей, занимаемых офицерами польского происхождения, было в соответствии с действующим законодательством. Это были уездные воинские начальники (четыре человека) и некоторые из офицеров Ирбитского резервного батальона.

Подавляющее большинство из них были католиками. Представителями другой религии были Богуслав Болецкий, Константин Довбор-Мусницкий, которые были протестантами, Флориан Терлецкий – православный, Иван Корицкий – мусульманин.

1. Болецкий Богуслав Андреевич – полковник, елабужский уездный воинский начальник (1892–1896).

2. Довбор-Мусницкий Константин Романович – полковник, военный следователь в Перми (1900–1902).

3. Червонка Антон Иванович – подполковник, краснотуркменский уездный воинский начальник (1910).

4. Чиж Чеслав Рафаилович – подполковник, осинский уездный воинский начальник (1901–1903).
5. Галицкий Игнатий Бенедиктович – подполковник, уржумский уездный воинский начальник (1902–1907).
6. Гарновский Иосафат Майлович – полковник, глазовский уездный воинский начальник (1897–1905).
7. Григорович Карл Игнатий Юлианович – полковник, котельницкий уездный воинский начальник (1891–1901).
8. Гуссаковский Сильвестр Константинович – подполковник, соликамский уездный воинский начальник (1905–1907).
9. Явид Антон Карлович – подполковник, глазовский уездный воинский начальник (1909).
10. Контрым Владислав Болеславович – полковник, глазовский уездный воинский начальник (1912).
11. Корицкий Иван Матвеевич – полковник, малмыжский уездный воинский начальник (1892–1896).
12. Маркевич Станислав Антонович – подполковник, соликамский уездный воинский начальник (1908–1914).
13. Обакевич Виктор Зигмунтович – подполковник, камышловский уездный воинский начальник (1885–1889), екатеринбургский уездный воинский начальник (1891–1894).
14. Плохоцкий Ламберт Тимофеевич – подполковник, шадринский уездный воинский начальник (1909–1912).
15. Рок Иосиф Иосифович – подполковник, оханский уездный воинский начальник (1893–1895).
16. Рымкевич Альбин Карлович – полковник, шадринский уездный воинский начальник (1909).
17. Терлецкий Флориан Мартинович – полковник, нолинский уездный воинский начальник (1910–1913).
18. Василевский Александр Викентиевич – подполковник, оханский уездный воинский начальник (1905).
19. Венцовский Стефан Викторович – полковник, нолинский уездный воинский начальник (1892–1902).
20. Воловский Станислав Антонович – подполковник, ирбитский уездный воинский начальник (1892).
21. Гаврилович Владислав Ильич – полковник, командир 232-го Ирбитского резервного батальона (1904–1907).
22. Толочко Павел Юстинович – полковник, командир 232-го Ирбитского резервного батальона (1903–1904).
23. Хлопецкий Мариан Семионович – капитан, командир 2-й роты 232-го Ирбитского резервного батальона (1894–1902).

24. Загородский Евгений Иосифович – штабс-капитан, командир 1-й роты 232-го Ирбитского резервного батальона (1900–1905), Ирбитского резервного батальона (1894–1900).

25. Михальский Витольд Иосиф Лудвикович – штабс-капитан, командир 5-й роты Ирбитского резервного батальона (1894–1895).

26. Городиский Эдмунд Владиславович – подпоручик Ирбитского резервного батальона (1895).

27. Грабовский Феофил Викторович – поручик 232-го Ирбитского резервного батальона (1900–1905).

28. Калиновский Поликарп Лонгинович – штабс-капитан 12-го Великолукского пехотного полка (1909).

29. Щуровский Иван Иосифович – штабс-капитан 12-го Великолукского пехотного полка (1909)⁹.

Подавляющее большинство офицеров этих групп на Урале служили только в течение нескольких лет. Раньше они служили в воинских частях, дислоцированных в европейской части Российской империи. В большинстве своем это были пехотные подразделения, и только Владислав Контрый ранее служил в кавалерии, в гвардии – Константин Довбор-Мусницкий.

Другие офицеры служили в военных округах: Антон Червонка – в Варшавском, Санкт-Петербургском, Казанском; Чеслав Чиж – в Московском, Казанском; Константин Довбор-Мусницкий – в Санкт-Петербургском, Московском, Казанском, Китае, Приморском, Киевском, Кавказском; Игнатий Галицкий – в Кавказском, Варшавском, Казанском, Омском; Сильвестр Гуссакровский – в Московском, Санкт-Петербургском, Казанском; Антон Явид также – в Московском, Санкт-Петербургском, Казанском; Владислав Контрый – в Киевском, Казанском; Ламберт Плохоцкий – в Киевском, Казанском; Иосиф Роек – в Варшавском, Казанском; Альбин Рымкевич – в Виленском, Казанском; Флориан Терлецкий – в Варшавском, Казанском, Киевском; Александр Василевский – в Кавказском, Виленском, Казанском; Стефан Венцковский – в Кавказском, Московском, Казанском; Станислав Воловский – в Виленском, Казанском, Санкт-Петербургском, Казанском; Владислав Гаврилович – в Виленском, Варшавском, Казанском; Павел Толочко – в Санкт-Петербургском, Казанском, Киевском; Витольд Михальский – в Варшавском, Казанском.

Все окончили военно-учебные заведения разных уровней, от кадетских корпусов до военных академий.

Гражданское среднее образование получили 13 человек (гимназия – шесть, реальное училище – четыре, домашнее – три) и военное образование – шесть человек (кадетский корпус – пять, военные прогимназии – один). Военные училища, после окончания которых получен первый офицерский чин, окон-

чил 21 человек: четверо – военную школу (в том числе один – Павловское военное училище), 17 человек – юнкерское училище (пехотное: Казань – один человек, Москва – один, Одесса – три, Санкт-Петербург – два, Рига – один, Варшава – три, Вильно – три; кавалерийское в Елизаветграде – один). Один человек из этой группы офицеров окончил Военно-юридическую академию. Также из этой группы только Константин Довбор-Мусницкий и Павел Толочко дослужились до чина генерала.

Интересная военная карьера была у Константина Довбор-Мусницкого. После окончания военного училища он служил в 1-м гвардейском стрелковом батальоне. После окончания Военно-юридической академии был помощником военного прокурора Казанского военного округа (1892–1895), а потом – следователем в этом округе (1895–1899). Такую же должность исполнял в Москве, где служил в течение полугода. В 1900 г. он был переведен на должность командира батальона, а потом – на должность начальника Пекинского охранного отряда (1902–1903). В начале 1904 г. был назначен командиром 35-го Востоко-Сибирского стрелкового полка, а несколькими месяцами позже – начальником бригады в 1-й Востоко-Сибирской стрелковой дивизии. Во главе этих подразделений принимал участие в русско-японской войне (1904–1905). В 1907 г. он переведен на должность командира бригады в 9-ю пехотную дивизию (в Полтаве), а в 1908 г. – на должность командира 2-й Кавказской стрелковой бригады. В 1911 г. он вышел в отставку и поселился в Варшаве, где возглавлял нотариальное бюро. После того как началась Первая мировая война, был назначен на пост начальника 14-й Сибирской стрелковой дивизии. После 1918 г. он жил в Польше, где и умер в 1931 г. У Константина Довбор-Мусницкого был брат Иосиф, командир 1-го Польского корпуса в 1918 г.

У Павла Толочко также можно проследить интересную военную карьеру. Он окончил юнкерское училище в Санкт-Петербурге. Служил в 146-м пехотном полку с 1872 г. В 1903–1904 гг. был командиром 232-го Ирбитского резервного батальона. В начале русско-японской войны был назначен командиром 272-го пехотного полка (1904–1906). После войны переведен на должность командира 33-го пехотного полка в Киевском военном округе, которым он командовал до 1911 г., когда был произведен в чин генерал-майора и назначен на должность начальника бригады в 11-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Эту должность он занимал до 1913 г.

Офицеров польского происхождения в Приуралье было немного, около 20–30 человек. Они занимали чаще всего должности уездных воинских начальников и несколько постов в резервном батальоне. Один только занимал другую должность – военного прокурора.

Образование офицеров польского происхождения в Приуралье

	Фамилия и имя	Школа, город	Военное училище, город	Военная академия
1.	Корицкий Иван			
2.	Болецкий Богуслав			
3.	Григорович Карл Игнатий	Кадетский корпус, Полоцк	1-е Павловское	
4.	Гуссаковский Сильвестр			
5.	Городиский Эдмунд	Гимназия, Грубешов	Юнкерское, Одесса	
6.	Явид Антон	Кадетский корпус	Юнкерское, С.-Петербург	
7.	Калиновский Поликарп			
8.	Контрим Владислав	Гимназия реальная	Юнкерское, Вильно	
9.	Маркевич Станислав	Дом	Юнкерское, Елизаветград	
10.	Михальский Витольд Иосиф	Гимназия реальная	Юнкерское, Варшава	
11.	Хлопецкий Мариан	Гимназия реальная, Пиньск	Юнкерское, Вильно	
12.	Обакевич Виктор			
13.	Плохоцкий Ламберт	Кадетский корпус, Орел	Юнкерское, Одесса	
14.	Роек Иосиф	Кадетский корпус, Новгород	1-е Павловское	
15.	Рымкевич Альбин	Гимназия	Юнкерское, Вильно	
16.	Щуровский Иван	Гимназия реальная, Дзвинск	Юнкерское, Москва	
17.	Терлецкий Флориан	Гимназия, Варшава	Юнкерское, Варшава	
18.	Толочко Павел	Дом	Юнкерское, С.-Петербург	
19.	Василевский Александр	Кадетский корпус	Военное училище	
20.	Венцовский Стефан			
21.	Воловский Станислав			
22.	Червонка Антон	Дом	Юнкерское, Варшава	
23.	Загородский Евгений	Гимназия	Юнкерское	
24.	Чиж Чеслав		Юнкерское	
25.	Довбор-Мусницкий Константин	Гимназия, Радом	1-е Павловское	Юридический
26.	Галицкий Игнатий	Военная прогимназия, Псков	Юнкерское, Казань	
27.	Гарновский Иосафат			
28.	Гаврилович Владислав	Гимназия классическая (4 класса), Могилев	Юнкерское, Рига	
29.	Грабовский Феофил	Гимназия, Сувалки	Юнкерское, Одесса	

¹ Свод военных постановлений 1869 г. Книга II, статья 1. Приложение; Военная энциклопедия. Т. 11. С.-Петербург, 1912. С. 279; Einteilung und Dislokation der Russische Armee und Flotte. Oktober 1901. Leipzig, 1901. С. 22–23.

² Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. История военно-окружной системы в России 1862–1918. М., 2012. С. 341–342; Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 320.

³ Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. История военно-окружной системы в России 1862–1918. М., 2012. С. 164.

⁴ Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по: 1.01.1902, 1.09.1904, 1.06.1905, 1.05.1907, 1.08.1909; Maxen-Carlowitz, Einteilung und Dislokation der Russische Armee und Flotte: April 1901, April 1904, April 1905, Oktober 1908. Leipzig 1901–1905. Berlin, 1908.

⁵ Приказы по Казанскому военному округу за 1910 г.

⁶ Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по: 1.02.1911; Maxen-Carlowitz, Einteilung und Dislokation der Russische Armee und Flotte: Oktober 1912. Berlin, 1912.

⁷ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 105, 224–237.

⁸ Свод военных постановлений, 1869 г. Книга III, статья 1–165. Die Russische Armee. Wien, 1901. С. 166.

⁹ Список генералов по старшинству. Составлен по 4 июля 1907 г. С.-Петербург, 1907; Список полковников по старшинству. Составлен по 1 мая 1889 г. С.-Петербург, 1889; 1 января 1902 г. С.-Петербург, 1902; 1 января 1905 г. С.-Петербург, 1905; 1 ноября 1909. С.-Петербург, 1909; 1 марта 1914. С.-Петербург, 1914; Список подполковников по старшинству. Составлен по 1 сентября 1893 г. С.-Петербург, 1893; 1 января 1898 г. С.-Петербург, 1898; 1 марта 1900 г. С.-Петербург, 1900; 1 января 1903 г. С.-Петербург, 1903; 15 мая 1913 г. С.-Петербург, 1913; Общий список офицерских чинов Русской Императорской армии. Составлен по 1 января 1909 г. С.-Петербург, 1909; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891, 1893–1895, 1900–1905, 1907, 1909–1910, 1912, 1914 гг. Пермь, 1891–1914; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906, 1910 гг. Уфа, 1906, 1910; Памятная книжка Вятской губернии на 1892, 1896, 1901–1902, 1912 гг. Вятка, 1892, 1896, 1901, 1902, 1912.

ПОЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ В ПЕРМСКОМ ГАРНИЗОНЕ

в начале XX в.

Д. А. Лобанов

Пермь

Составить точные статистические данные об офицерах-поляках, служивших в Пермском гарнизоне в начале XX в., очень сложно или практически невозможно. Это связано с тем, что в Российской империи ни в каких официальных документах не отражались сведения о национальности офицеров и чиновников.

Основным документом о службе офицера был послужной список, в котором указывались данные о возрасте, образовании, семейном положении, вероисповедании, сословной принадлежности, прохождении службы и полученных наградах. Именно сведения о вероисповедании и сословной принадлежности могут с определенной долей достоверности сообщить нам о национальности офицера.

В нашем распоряжении имеется база данных об офицерах и чиновниках, служивших в частях Пермского гарнизона в 1910–1913 гг. В базе имеются сведения о 344 офицерах и 32 военных чиновниках, из которых 217 офицеров и 25 чиновников являются кадровыми, остальные – офицерами и чиновниками военного времени. В некоторых случаях сочетание имени, отчества и фамилии офицера с определенной долей достоверности указывает на польское происхождение офицера: Иосиф Иосифович Вильчицкий, Александр Болеславович Кржимовский, Гр. Кл. Синкевич, Казимир Адамович Якимовский и так далее. В некоторых случаях национальность подтверждается вероисповеданием. Так, в гарнизоне служили офицеры-католики Антон-Клементий Иосифович Вильканец, Мечислав Владиславович Гродский, Евгений-Фелициан Иванович Пузыревский, Иосиф Июлианович Томашевский.

Однако не все офицеры-поляки были католиками, некоторые из них, особенно относившиеся к старшему поколению, начинавшие службу при Александре III и имевшие к началу XX века штаб-офицерские чины, переходили в православие из-за карьерных соображений. Нет точных данных об офицерах-католиках Пермского гарнизона, но в целом в русской армии начала XX в. католики составляли 12,9% среди капитанов армейской пехоты, 6,1% – среди полковников и 3,8% – среди генералов¹.

В редких случаях сочетание данных о вероисповедании и сословной принадлежности не вызывает сомнений в польском происхождении офицера.

Один из таких офицеров – Александр Игнатьевич Воропай, римско-католического вероисповедания, из дворян Могилевской губернии. Польское происхождение в начале XX в. уже не влияло на карьеру офицера и не было

препятствием для получения очередных чинов и наград. Недоверие к полякам, возникшее после польских восстаний XIX в., к 1910 г. практически исчезло. По воспоминаниям А. И. Деникина, «офицерство в отношении польского элемента держало себя весьма тактично, и каких-либо столкновений на национальной почве у нас не бывало...»². Конечно, пережитки прошлого давали о себе знать. Но зачастую сами поляки перестраховывались и видели угрозы и препятствия там, где их реально не существовало, из-за чего иногда возникали комические ситуации.

В своих воспоминаниях, изданных уже в эмиграции, один из офицеров-артиллеристов вспоминал такой случай из своей службы в одной из артбригад на западной границе империи. В артиллерийскую бригаду, батареей в которой командовал поляк полковник Слосачинский, пришел приказ переименовать всех лошадей, клички которых оскорбляют чувства верующих. На этом настаивал Святейший Синод. Командир батареи начал слишком рьяно исполнять приказ начальства, доведя процесс переименования лошадей до абсурда. На шутки и замечания сослуживцев полковник отвечал «Вы учтите, господа, что я должен быть особенно осторожен: я ведь поляк и католик, и бог знает, что на меня наговорят в случае оплошности...»³.

Начавшаяся Первая мировая война вообще устранила многие карьерные преграды для польских офицеров, теперь продвижение по службе во многом зависело только от личной храбрости. Уже упоминаемый нами А. И. Воропай начал войну штабс-капитаном, командиром роты, а в 1917 г. он уже полковник и командир 153-го запасного пехотного полка в Кунгуре.

До крушения монархии в России польские офицеры никак не подчеркивали своей национальной принадлежности, но после Февральской революции ситуация несколько изменилась. Во многом этому способствовал процесс создания в Русской армии национальных частей. По воспоминаниям В. Н. Иванова, летом 1917 года в казармах 107-го запасного полка в Перми появился полковник Воропай, одетый в польскую фуражку, и заявил, что уходит служить в Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого⁴. Правда, мечту свою полковник так и не осуществил.

После прихода к власти большевиков судьбы офицеров-поляков сложились по-разному, как и у большинства русских офицеров, выживших в Первой мировой войне. Большинство из них оказалось в рядах антибольшевистских вооруженных формирований. Все тот же полковник Воропай воевал в Русской армии адмирала А. В. Колчака, командовал 7-м ударным полком, погиб в июне 1919 г.

Мы не располагаем данными о том, служили ли офицеры-поляки Пермского гарнизона в польских национальных формированиях во время Гражданской войны. Были и те, кто перешел на сторону новой власти и служил в РККА, как полковник М. В. Гродский.

В целом офицеры-поляки ничем не выделялись среди своих сослуживцев по Пермскому гарнизону, и их судьба – типичная судьба армейских офицеров русской армии начала XX в.

¹ Волков С. В. Офицерский корпус Русской армии. М., 1993. С. 278.

² Деникин А. Путь русского офицера. М., 2003. С. 56.

³ Волошин П. Ф. Пушкири // Военная быль. № 112. Париж, 1971. С. 29.

⁴ Иванов В. Н. «Минуты роковые». Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1993. № 10. С. 112.

ГУБЕРНСКИЙ ЗЕМЛЕМЕР ИГНАТИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОПАЙ

Ю. В. Кашаева
Пермь

Как известно, среди пермских чиновников было много поляков. Не исключением стало и межевое ведомство. Одной из ярких фигур пермских землемеров был И. М. Воропай.

Пермский губернский землемер Игнатий Михайлович Воропай происходил из поляков-дворян Могилевской губернии, римско-католического вероисповедания. Он родился в 1828 (1829?) г. В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) сохранился его формулярный список на 1865 г.¹.

Межевое управление в губернии сосредоточивалось в руках губернаторов и губернских правлений, которым непосредственно подчинялись губернские землемеры. Губернский землемер возглавлял губернскую чертежную и являлся начальником для уездных и особых землемеров.

Межевой инженер капитан Игнатий Михайлович Воропай занимал должность пермского губернского землемера и получал жалование 600 рублей серебром. К 1865 г. он был награжден орденом святого Станислава 3-й степени и светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о войне 1853–1856 гг. Имений И. М. Воропай не имел, в военных действиях участия не принимал. За годы службы наказаниям и взысканиям не подвергался. И. М. Воропай был в отставке с 21 апреля 1864 г. по 30 апреля 1865 г. Семейное положение в формулярном списке указано не было.

Служба И. М. Воропая началась по межевому ведомству в 20-летнем возрасте. Службу он начал в межевой канцелярии старшим землемерным помощником с чином губернского секретаря 18 августа 1848 г. В отпуске был на 27 дней: с 24 декабря 1848 г. по 15 января 1849 г., явился в срок.

18 августа 1848 г. был переименован в межевые инженеры подпоручиком. 26 февраля 1852 г. переведен на вакансию в поручики, в штабс-капитаны – 1 марта 1858 г., в капитаны – 3 марта 1861 г. «Во внимание полезных трудов, совершенных в продолжение 6 лет по Генеральному обмежеванию в уделе дворцовых земель в Шенкурском уезде Архангельской губернии» 23 апреля 1861 г. он был награжден орденом святого Станислава 3-й степени.

31 декабря 1861 г. И. М. Воропай определен в штат Черниговской межевой палаты членом от межевого ведомства Стародубской межевой комиссии. А 21 апреля 1864 г. уволен от службы подполковником «по болезни». Но через год, 30 апреля 1865 г., вновь определен на службу в межевой корпус в межевые инженеры с капитанским чином.

14 сентября 1865 г. управляющий межевым корпусом И. М. Воропай назначен исправляющим должность пермского губернского землемера.

В «Пермских губернских ведомостях» было опубликовано сообщение о его назначении: «По ведомству Министерства Юстиции. Межевой инженер капитан Воропай 1-й Управляющий Межевым Корпусом назначен исправляющим должность Пермского Губернского Землемера (14 сентября)»².

В 1880, 1881, 1883, 1886–1888 гг. И. М. Воропай был депутатом на правах члена в Пермской временной межевой комиссии от Министерства внутренних дел (от государственных имуществ – в 1880 г.) по размежеванию башкирских людей как межевой инженер статский советник (в 1880 г. – коллежский советник)³.

Уже не будучи губернским землемером, 28 сентября 1898 г. он присутствовал при торжественном открытии межевой комиссии в Перми⁴.

Сведения из памятных книжек и адрес-календарей Пермской губернии позволяют осветить служебную и общественную деятельность И. М. Воропая уже после его службы губернским землемером. В конце XIX – начале XX вв. он проживал в Перми, принимал участие в работе различных учреждений.

В 1883 г. он числился агентом по заготовлению продовольствия агентства по заготовлению продовольствия министерства путей сообщения⁵. Возможно, И. М. Воропай в 1885 г. входил в пермский отряд по составлению и выдаче государственным крестьянам владенных записей. В алфавитном списке его фамилия приписана к этой странице, а в списке ее нет⁶. Участвовал в работе Пермского общества взаимного кредита на должностях: в 1892 г. – второй директор; в 1893 г. – директор и заведующий кассой; в 1894–1902 г. – директор⁷.

И. М. Воропай был активным участником общественной жизни Пермского края. С 1888 г. по 1907 г. он был действительным членом Пермского губернского статистического комитета⁸. В 1891 г. вступил в члены Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), в которую входил всего 31 человек⁹. Будучи действительным членом Пермской комиссии УОЛЕ в 1891–1901 гг., он уплачивал ежегодный взнос в размере 5 рублей¹⁰. В 1891 г. в коллекцию музея общества от него поступил бердыш¹¹, в 1894 г. – 30 штук окаменелых раковин с Николо-Ивдельской дачи; остяцкий охотничий пояс; зырянская головная гребенка ручной работы из мамонтовой кости¹². И. М. Воропай стал одним из учредителей Пермского научно-промышленного музея в 1901 г., подписав проект его устава¹³.

И. М. Воропаем было сделано несколько докладов на заседаниях Пермской комиссии УОЛЕ и Пермского научно-промышленного музея: 2 апреля 1899 г. – «Несколько слов о Большеземельской тундре», ряд личных наблюдений над природой и жизнью обитателей тундры; 17 мая 1899 г. – «Остяки и самоеды в низовьях Оби», ряд личных наблюдений над жизнью инородцев Сибири; 16 февраля 1901 г. – «К вопросу об уничтожении рыбы и птиц в окрестностях г. Перми и Пермской губернии»¹⁴. По сведениям на 1 февраля 1902 г., И. М. Воропай числился в действительных членах Пермского науч-

но-промышленного музея, живущих в городе Перми¹⁵. Но он также числится в числе членов, перешедших в разряд иногородних, в городе Вятке¹⁶. На 1 января 1904 г. он также записан в числе действительных членов музея, проживающих вне Перми¹⁷. На 1 января 1905 г. его уже нет в перечне. В адрес-календаре «Весь город Пермь» на 1904 г. мы встречаем фамилию «Воропай» в числе кандидатов гласных Пермской городской думы.

Как утверждалось в статье, опубликованной в «Пермских губернских ведомостях», И. М. Воропай первым начал составлять карту Пермской губернии по местным источникам, эта карта была увезена в Петербург, «где и затерялась». Им же составлены еще две подробные карты, но одна из них находилась в Петербурге, а другая была исполнена по частному заказу Полевского-Козелл¹⁸.

И. М. Воропай являлся членом Пермского общества любителей правильной охоты: в 1893 г. – старшина; в 1894–1897 гг. – товарищ председателя¹⁹. Он был заядлым охотником. В ГАПК сохранилось письмо И. М. Воропая Федору Александровичу Теплоухову, которое отражает ряд его личностных качеств:

«30 марта 1899 г.

Многоуважаемый Федор Александрович!

Пишу это письмо, прося у Вас совета и сведения. Дело в том, что наше бедное и симпатичное Общество охоты по интригам некоторых Гг.[господ. – Ю. К.] в настоящее время крайне нуждается в средствах; [так как] оно очень близко моему сердцу, я и стараюсь изыскать какие-нибудь средства помочь ему. Между прочим, надумал обратиться к Графу как Почетному его члену. Вам [по этому] поводу и пишу Вам: дать его адрес и благой совет: в каком духе ему написать? Писать буду прямо от себя как члена, не вмешивая ни Правления, ни других членов, для того что, в случае отказа, буду краснеть один (мне старику это ничего, для дела общего я перенесу), а не вводить в грех других. У нас на этот год предполагается приходу всего 520 р., а расходу все прибавляется. Простите, что беспокою, но просто сердце болит за дело, так не хороши как Общество. Ведь не охота важна, охотиться везде можно; да я на своих угодьях и не охочусь, а хочется упорядочить охоту, сберечь дичь и тем, со временем, дать возможность промышленникам-охотникам добывать больше дичи для продажи и заработку. А тут еще явятся люди, которые стараются не помочь, а из-за задетого самолюбия – еще портят, [нрзб.] могут. А у меня такая поганая

натура; что за дело, то никак я не могу не хлопотать и биться, как рыба об лед, сколько бы ни ругали. Однако другой выругается, а третий и поможет, а т. к. «брань на ворота не виснет», то я и не горюю. Простите ради Бога, что побеспокоил, особенно своим царпаньем, которое разбирать нелегко, да делать нечего – кроме Вас просить некого.

Дай Бог Вам здоровья и всего хорошего

*С глубоким [уважением],
душевно [предан],
Ваш Воропай.*

Адрес В Пермь Правление Общества Взаимного Кредита»²⁰.

В письме речь идет скорее всего о графе Сергее Александровиче Строганове (1852–1923), последнем владельце Пермского нераздельного имения.

В секторе книжных памятников Пермского краеведческого музея хранится книга И. М. Воропая «Записки об охоте в Шенкурском уезде (Архангельская губерния)», изданная в Перми в 1891 г. (второе издание). Это сочинение представлено в фондах музея в двух экземплярах, на одном из них есть дарственная надпись И. М. Воропая: «В библиотеку Пермской губернской земской управы. От автора 14.04.1899 года». Потом это издание, судя по еще одной записи на книге, было передано в библиотеку Подвижного музея при Пермском научно-промышленном музее²¹. Этот труд И. М. Воропая написан легким языком, увлекательно читается, текст постоянно сопровождается этнографическими заметками и интересными характеристиками местного населения. В 2008 г. было репринтное издание еще одного сочинения И. М. Воропая «От реки Оби до Северного океана»²².

Есть сведения, что И. М. Воропай был избран синдиком (старостой) католической общины²³. Предположительно, И. М. Воропай умер в 1908 г. и был похоронен на Егошихинском кладбище в Перми²⁴.

Безусловно, в биографии И. М. Воропая самой малоизученной страницей является его служебная деятельность в должности губернского землемера, что требует дальнейших научных изысканий.

¹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 955. Л. 4–29; Формулярные списки. 1865 г. 1-е отделение 1-го стола № 5. Архивные формулярные списки уездных присутственных мест и лиц за 1865 г. Формулярный список о службе землемера Пермской губернской чертежной. Составлен декабря 1865 г.

² Пермские губернские ведомости. 1865. № 59. 10 ноября. С. 235.

³ Календарь Пермской губернии на 1888 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1887. С. 141; Календарь Пермской губернии на 1887 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1886. С. 183; Календарь Пермской губернии на 1886 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1885. С. 304; Календарь Пермской губернии на 1883 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1883. С. 78; Адрес-календарь Пермской губернии на 1881 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1881. С. 42; Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь: Типография губернской земской управы, 1880. С. 72.

⁴ Пермские губернские ведомости. 1898. № 212.

⁵ Календарь Пермской губернии на 1883 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1883. С. 41.

⁶ Календарь Пермской губернии на 1885 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1884. С. 30.

⁷ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1896. С. 28; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1895. С. 108; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1893. С. 60; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 г. Пермь: Типография Пермской губернской земской управы, 1892. С. 57; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1890. С. 60.

⁸ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1896. С. 3; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1895. С. 90; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1893. С. 43; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 г. Пермь: Типография Пермской губернской земской управы, 1892. С. 4; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1890. С. 2; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1890. С. 5; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1890 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1889. С. 5; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1888. С. 5; Календарь Пермской губернии на 1888 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1887. С. 5.

⁹ Записки УОЛЕ. XXII годовой отчет за 1892 г. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской недели», 1893. С. 63.

¹⁰ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1902. С. 80–81.

¹¹ Записки УОЛЕ. XXII годовой отчет за 1892 г. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской недели», 1893. С. 66.

¹² Записки УОЛЕ. XXIV годовой отчет за 1894 г. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской недели», 1895. С. 312.

¹³ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1902. С. 79–81.

¹⁴ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. Пермь: Типолитография губернского правления, 1902. С. 70, 73.

¹⁵ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 г. Пермь: Типография газеты «Пермский край», 1903. С. 75.

¹⁶ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 г. Пермь: Типография газеты «Пермский край», 1903. С. 78.

¹⁷ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1903 г. Пермь: Типография газеты «Пермский край», 1904. С. 11.

¹⁸ Пермские губернские ведомости. 1894. № 53.

¹⁹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. Пермь: Типография губернского правления, 1896. С. 43; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. Пермь: Типолиитография губернского правления, 1895. С. 119; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. Пермь: Типография наследников П. Ф. Каменского, 1893. С. 67; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 год. Пермь: Типография Пермской губернской земской управы, 1892. С. 83.

²⁰ ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 576. Письма Воропая Игнатия Михайловича Теплоухову Ф. А. 2 л.

²¹ Пермский краеведческий музей, инв. № 16915/487.

²² Воропай И. М. От реки Оби до Северного океана. Югорский репринт. Полиграфист, 2008.

²³ Некрополи Перми: Справочник. Пермь: Изд-во «Ладонь», 2009. С. 37.

²⁴ Там же.

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1899–1916 ГГ. О КАТОЛИЧЕСКОМ НАСЕЛЕНИИ УРАЛА

Т. Г. Недзельюк
Новосибирск

Многолетняя работа в центральных и региональных архивохранилищах страны по теме «Католическая церковь в России» позволила нам создать представление об особенностях конфессиональной жизни российских католиков. Интересными наблюдениями и результатами исследовательских поисков мы хотим поделиться с заинтересованным читателем.

Источники по теме исследования многообразны: делопроизводственная документация и этнографические обзоры, периодическая печать и мемуаристика. Разнообразие источников, однако, не гарантирует объективности информации. Все перечисленные нами категории исторических источников являются продуктом субъективной генерации. В отличие от них метрические книги представляют собой кальку с реальной действительности. Безэмоционально, достоверно и лаконично они фиксируют хронику событий, формируют фактологический ряд, увековечивают имена и персональные данные фигурантов исторических событий.

На хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА) находятся материалы Департамента духовных дел инославных исповеданий Министерства внутренних дел и Канцелярии митрополита всех римско-католических церквей в Российской империи. Документы о деятельности религиозных организаций аккумулируются в региональных архивохранилищах. Однако исследовательский поиск иногда преподносит сюрпризы. Неожиданной находкой стали для нас материалы фонда 2292 «Коллекция метрических книг римско-католических костелов разных городов России (иногородних)» в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Единицы делопроизводства в данной коллекции имеют непростую судьбу. Как сообщает путеводитель, «метрические книги поступали в архив по частям на протяжении 1983–2009 гг. из Объединенного ведомственного архива городского и областного отделов ЗАГС С.-Петербурга и Ленинградской области. В составе коллекций имеются как подлинные, так и копийные книги»¹. Научная значимость аккумулированных здесь документов чрезвычайно высока: первые экземпляры, находившиеся на хранении в самих церковных организациях, в силу упразднения их деятельности в советский период были утрачены либо находятся в чрезвычайно ветхом и отрывочном состоянии, что делает их малопригодными для использования. Вторые, копийные, экземпляры изначально были предназначены для архивирования и именно

с этой целью, тщательно пронумерованные, сброшюрованные, заверенные приходской печатью и личной подписью настоятеля, были отправлены в свое время в консисторию².

С 1846 по 1918 гг. Римско-католическая духовная коллегия, консистория и архив располагались в особняке Г. Р. Державина на набережной реки Фонтанки. Данный факт заслуживает небольшого экскурса в историю. После смерти Гавриила Романовича Державина (1816) и его супруги Дарьи Алексеевны (1842) дом и усадьба несколько лет пустовали, а в 1846 г. были приобретены Римско-католической духовной коллегией³. «В 1918 г. размеренное и благополучное существование Римско-католической духовной коллегии внезапно оборвалось, и для державинской усадьбы наступили тяжелые времена, <...> в 1924 году здание было превращено в обычный жилой дом с десятками густонаселенных квартир», каковым он и оставался до 1998 г. Решением правительства № 270-Р от 21 февраля 1998 г. состоялась передача усадьбы и сада Всероссийскому музею имени А. С. Пушкина для создания Державинского музейно-просветительного комплекса⁴.

Метрические книги римско-католических костелов населенных пунктов Зауралья (Урала и Сибири), входивших в Томский и Иркутский деканаты, после ликвидации в 1924 г. консисторского архива оказались в составе коллекции ЗАГС Петрограда, а затем – Ленинградской области. Достаточно полно представлены коллекции метрических книг Екатеринбургского, Златоустовского, Оренбургского, Курганского, Пермского, Уфимского, Челябинского костелов (см. Табл. 1).

Административные границы Сибири и Урала неоднократно оказывались «размытыми»: так, в 1907 г. одна метрическая книга охватывала регистрацию и сибиряков, и уральцев («Курганский и Тюменский костел за 1907 год»)⁵. Более того, книга 1908 г. «Тобольский римско-католический костел. Курганский костел. Тюменский костел»⁶ совмещает в себе записи сразу трех католических приходов.

Таблица 1

Метрические книги городов Урала в коллекции ЦГИА СПб

Номер архивного дела	Название (титул) метрической книги	Год	Колич. листов
6	Златоустовский рим.-кат. костел. Уфимский филиал	1899	41
26	Уфимский рим.-кат. костел	1900	22
30	Златоустовский рим.-кат. костел	1900	26
41	Пермский рим.-кат. костел. Екатеринбургский рим.-кат. костел	1901	34
49	Златоустовский рим.-кат. костел. Уфимский рим.-кат. костел	1901	64
54	Златоустовский рим.-кат. костел	1902	47
60	Уфимский рим.-кат. приход	1902	32

62	Пермский рим.-кат. костел. Екатеринбургский рим.-кат. костел	1902	62
76	Уфимский рим.-кат. костел	1903	30
77	Златоустовский рим.-кат. костел	1903	16
94	Уфимский рим.-кат. костел	1904	55
98	Пермский рим.-кат. костел. Екатеринбургский рим.-кат. костел	1904	25
104	Златоустовский рим.-кат. костел	1904	13
109	Пермский рим.-кат. костел. Екатеринбургский рим.-кат. костел	1905	33
116	Уфимский рим.-кат. костел	1905	44
128	Златоустовский рим.-кат. костел	1905	4
132	Златоустовский рим.-кат. костел	1906	5
142	Рим.-кат. костел г. Уфы	1906	52
150	Пермский рим.-кат. костел	1906	12
151	Екатеринбургский рим.-кат. костел	1906	15
156	Челябинский рим.-кат. костел	1907	19
162	Уфимский костел	1907	43
165	Екатеринбургский костел	1907	15
171	Пермский костел	1907	16
172	Златоустовский костел	1907	16
178	Оренбургский и Челябинский костел (о смерти)	1907	15
180	Курганский и Тюменский костел	1907	35
187	Златоустовский костел	1908	5
191	Уфимский костел	1908	40
192	Пермский костел	1908	15
201	Тобольский рим.-кат. костел. Курганский костел. Тюменский костел	1908	85
212	Златоустовский рим.-кат. костел	1909	5
217	Тобольский рим.-кат. костел. Курганский костел. Тюменский костел	1909	154
227	Пермский приходской костел	1909	16
232	Челябинский рим.-кат. приход	1909	118
237	Челябинская рим.-кат. церковь	1910	55
250	Курганский рим.-кат. костел	1910	34
253	Златоустовский рим.-кат. костел	1910	7
254	Екатеринбургский костел	1910	47
273	Челябинский костел	1911	44
276	Златоустовский костел	1911	13
279	Курганский костел	1911	32
280	Пермский костел	1911	14
287	Екатеринбургский костел	1911	25
302	Курганский костел	1912	17
332	Екатеринбургский костел	1912	15
345	Курганский костел	1910–1913	26
351	Екатеринбургский костел	1910–1913	20
354	Златоустовский костел	1910–1913	6
367	Челябинская рим.-кат. церковь	1910–1913	45
373	Курганский костел	1914	14
375	Курганский костел	1914	5
386	Челябинский костел	1914	49
394	Курганский костел	1914	14
428	Златоустовский костел	1916	22

Каким потенциалом для исследователя обладают метрические книги? Помимо «статистической функции» и фиксации персонального состава прихожан, позволяющей сегодня их потомкам восстанавливать родословные древа, книги записей церковных таинств несут в себе и «попутную информацию». К таковой относятся сведения о социальном статусе родителей и восприемников, о предпочтениях в выборе свидетелей и крестных (а значит, о дружеских отношениях и симпатиях). Анализ частотности упоминаний конкретного лица в качестве крестного или свидетеля церковного таинства позволяет судить о неформальном лидерстве в сообществе единомыслителей.

В качестве примера остановимся на одном из упоминаемых в таблице населенных пунктов – городе Златоусте. Почему наше внимание привлек именно этот населенный пункт? Наблюдение первое. В рапортах католических священников митрополиту – архиепископу Могилевскому – город Златоуст относили то к Уральскому, то к Сибирскому региону. Стремление прояснить ситуацию породило первоначальный интерес к исторической географии данного населенного пункта. Наблюдение второе. Небольшой по числу жителей, Златоуст занимал преобладающее положение в иерархии приходов католической церкви на Урале. В документации 1899 г. Уфимский костел являлся филиальным по отношению к Златоустовскому⁷ и не имел собственных метрических книг. Относительно Оренбурга есть сведения, что, несмотря на значительную численность польской колонии, образовавшейся из ссыльных поляков, «оренбургские католики не имели своего священника, отсутствовало здание католической церкви, а исполнение их религиозных потребностей было возложено на златоустовского католического священника, приезжавшего в Оренбург один раз в год и освящавшего для богослужений частные дома»⁸.

Интенсивность религиозной жизни в общинах, численность прихожан можно косвенным образом проследить по объему записей в метрических книгах: чем больше записей, тем больше объем книги в листах. Уже через год, в 1900 г., мы видим самостоятельную отчетность Уфимского костела⁹, вне зависимости от Златоуста. В 1901 г. Златоуст и Уфа вновь представили совместный отчет о крещениях, венчаниях и отпеваниях общим объемом 64 листа. 1902 г. снова продемонстрировал автономность Златоуста: метрическая книга озаглавлена «Златоустовский р-к костел» и содержит сведения на 47 листах¹⁰, тогда как отчетность Уфы за тот же период располагается на 32 листах¹¹. В заголовке указано: «Уфимский приход». В 1905 г. произошло невиданное: Уфимский костел предоставил отчетность на 44 листах¹², в то время как отчетность Златоустовского костела уместилась всего на четырех!

Весьма любопытна внешняя характеристика источника. Архивное дело 212 «Экстракты Златоустовского костела о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1909 год», на пяти листах, зафиксировало демографическую си-

туацию в католической общине только самого города Златоуста. Показательно, что 1909-й – год довоенный, дореволюционный; социальные катаклизмы еще не могли оказать влияния на демографические события в общине. Итак, на титульном листе дела имеется пометка: «Экземпляр 1-й». То есть в консисторию был отправлен первый экземпляр, второй оставлен в приходе. Из метрических записей узнаем имя священника, совершившего таинства: «Настоятель кс. Гродзицкий». Метрические записи составлены по всей форме, в соответствии с требованиями такого рода делопроизводственной документации. Нет записей сокращенных, незавершенных, исправленных. Почерк делопроизводителя каллиграфический: мелкий, убористый. Оттиск печати размыт, контуры нечеткие. Небольшой объем книги (всего пять листов) определяется незначительным количеством совершенных таинств: с 4 января 1909 г. (дата совершения первого крещения в этом году) и по 27 декабря того же года (дата последнего в данном календарном году крещения) совершено 19 крещений (л. 1–2, об.), два венчания (л. 3) и десять отпеваний (л. 3, об.-4)¹³. Как правило, для записи крещений, венчаний и отпеваний консистория выдавала отдельные метрические книги. Данный пример свидетельствует об обратном, видимо, вследствие малочисленности совершенных таинств.

Перечень окрещенных предоставляет исследователю возможность восстановить пофамильный состав польской диаспоры и определить предпочтения в имянаречении. В соответствии с канонической традицией детям при крещении давались как общехристианские (Мария, Анна, Иосиф), так и этнические польские (Ядвига, Вацлав, Янина, Казимир, Станислав) имена. Высока частота (три из 19, что составляет около 16%) двойных имен: Стефан-Иосиф, Елена-Богумила, Александр-Антон.

Список окрещенных:

1. Андрушкевич Елена
2. Барановская Анна
3. Барановская Ядвига
4. Василевская Генриета
5. Виторт Антон
6. Войновская Емилия
7. Здункевич Степан-Иосиф
8. Квятковский Вацлав
9. Лубницкая Янина
10. Нушкевич Казимир
11. Островский Станислав
12. Папроцкая Анна
13. Притуловский Станислав
14. Раковская Елена-Богумила
15. Янконц Леон-Казимир

16. Шедько Мария
17. Шедько Станислав
18. Шперг Эдуард
19. Щербак Александр-Антон

Город Златоуст не стал местом массового водворения политических ссыльных, а потому сословная принадлежность вступающих в брак – дворяне и мещане. Крестьянского сословия здесь нет.

Список бракосочетавшихся:

1. Козловский Павел (28 лет от роду, дворянин Ковенской губернии) и Францишка Янчевская, 24 лет, дворянка. Венчание произошло 28 мая 1909 г. в Златоустовском приходе, на станции Златоуст¹⁴.

2. Мещанин Федор Темгуй, вдовец 42 лет, и вдова Мария Громчевская, по первому мужу Годлевская, 40 лет. Венчание произошло 11 ноября 1909 г. в Златоустовском приходе, на станции Златоуст¹⁵.

Оба зафиксированных случая венчания свидетельствуют о традиции брачного выбора в границах своего сословия. Повторный брак вдовца и (или) вдовы был возможен только в том случае, если имелось метрическое свидетельство, заверенное приходским священником (возможно, с предыдущего места жительства) о факте и обстоятельствах смерти бывшего супруга (супруги).

Количество умерших почти в два раза меньше количества окрещенных.

Умершие:

1. Андрушкевич Виктор
2. Барановский Павел
3. Буйневский Михаил
4. Козловская Винцентина
5. Притуловский Станислав
6. Садковская Валерия
7. Юзевяк Эмилия
8. Шедько Станислав
9. Эслингер Владимир
10. Эслингер Абрам¹⁶

Фамилии Андрушкевичей, Барановских, Притуловских, Шедько фигурируют сразу в двух списках: в этих семьях случились и рождения (крещения), и смерть (отпевание). Последняя метрическая книга Златоуста датирована 1916 г.¹⁷. Однако на этом «католическая история» в городе не закончилась. В. Рэзмер, анализируя документы Центрального военного архива в Варшаве, утверждает: «28 августа 1918 г. в формировавшемся штабе польских войск в Восточной России... была создана служба здоровья»¹⁸. Красная армия тесни-

ла Чехословацкий корпус, в составе которого находились польские соединения. Большое число раненых побудило открыть в Уфе госпиталь. Известно, что это был «хорошо оснащенный польский военный госпиталь имени Тадеуша Костюшко на 51 чел.». Необходимые материалы и оборудование были получены из бывшего госпиталя Российского Красного Креста. Главным врачом был назначен Людвик Карвовский. Известно, что госпиталь начал работу 24 ноября 1918 г., а первым пациентом был рядовой Ян Войцеховский, уроженец Познани. В течение месяца, до 25 декабря включительно, госпиталь принял 125 раненых и больных.

Чехословацкий корпус отступал на восток, и новым местом дислокации госпиталя был выбран город Златоуст. 28–29 декабря поезд с пациентами выехал из Уфы и прибыл в Златоуст, однако подходящего для госпиталя помещения не нашлось, и раненые в течение месяца находились в тех же вагонах, что и прибыли в Златоуст. В двадцатых числах января 1919 г. госпиталь был размещен, начал принимать новых пациентов. Последовало и изменение его статуса: в начале февраля 1919 г. «польский военный госпиталь имени Тадеуша Костюшко был переформирован в передовой перевязочный отдел 5-й стрелковой дивизии и прикомандирован к 1-му стрелковому полку имени Тадеуша Костюшко»¹⁹. 1 декабря 1918 г. главврачом полка был назначен Александр Мазуркевич-Рава. Чтобы сократить время эвакуации до госпиталя, он организовал свой польский санитарный поезд, который в обиходе получил название «санитарной летучки»²⁰.

Изменения, произошедшие в политической ситуации в России на рубеже 1918–1919 гг. (адмирал Колчак получил диктаторские полномочия; в Сибирь прибыла военная миссия Франции генерала Пьера Жанена, который стал главнокомандующим сил союзников на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири), повлияли на субординацию польских соединений. Все части польской армии были подчинены главнокомандующему Жанену, а 25 января 1919 г. польские подразделения объединены в 5-ю дивизию польских стрелцов. По данным на 11 апреля 1919 г., она насчитывала в своем составе 10 772 человека (офицеры, унтер-офицеры, рядовые)²¹. В составе дивизии были три полка собственно стрелцов, полк уланов, полк полевой артиллерии, вспомогательные службы. К их числу относился и передовой перевязочный отдел, расквартированный в Златоусте вплоть до 25 апреля 1919 г. Именно в этот день перевязочный отдел отбыл в Новониколаевск. Летом, в июле 1919 г., Красная армия вошла в Златоуст, Екатеринбург, Челябинск. В период с апреля по июль, на основании соглашения со штабом Колчака, на польскую сторону была возложена обязанность медико-санитарного обслуживания войск Белой армии. Санитарный поезд № 9 Войска Польского с персоналом от 40 до 70 человек (главным врачом был назначен Вацлав Вуйчик, врачом-резидентом – Казимеж Пельчар, фармацевтом – Владислав Поредя)²² курсировал по марш-

руту Новониколаевск – Златоуст – Новониколаевск. В первую поездку, 7–24 мая, из Златоуста и Уфы было вывезено 282 раненых²³. А сколько не вывезено, сколько умерли в Златоусте и похоронены на местном кладбище? Всего поезд совершил 9 поездок по указанному маршруту. «В общей сложности за 286 дней службы поездом было эвакуировано 2912 чел. – раненых и больных солдат, инвалидов и членов их семей, из них 182 умерли во время поездки»²⁴. В октябре 1919 г. из Новониколаевска польский госпиталь двинулся дальше на восток по Транссибу. 22 ноября 1919 г. санитарный поезд № 9 покинул Новониколаевск в направлении Красноярска; 7 января благополучно преодолел станцию Ключвенную, избежав судьбы всех остальных отделов 5-й стрелковой дивизии. 19 января прибыл в Иркутск, 20 февраля – в Харбин. Число пассажиров насчитывало 374 человека: 15 врачей, медицинских сестер и санитаров, 128 солдат и железнодорожников – персонал поезда, 9 больных офицеров, 75 здоровых офицеров с семьями, остальной состав – раненые и больные солдаты, а также их семьи²⁵. Подробности этой истории метрические книги для нас не сохранили: последняя «метричка» Златоустовского костела датирована 1916 годом.

Смеем надеяться, что наши архивные изыскания станут полезными будущим исследователям истории Урала и Сибири.

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель в двух томах (Том 2). СПб.: Архивный комитет Санкт-Петербурга, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), 2009. С. 439.

² Подробнее см.: Недзелью Т. Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. № 3 (15). С. 129–135.

³ Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени / Сост. Некрасов С. М., Мохова Т. Н. СПб: Изд-во Александра Зимина, 2008. С. 6.

⁴ Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени / Сост. Некрасов С. М., Мохова Т. Н. СПб: Изд-во Александра Зимина, 2008. С. 7.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 180.

⁶ Там же. Д. 201.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 6, 49.

⁸ Римско-католический храм (Приход Божьей Матери Лоретанской) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://encyclopedia.e-orenburg.ru/index.php/>. Дата обращения: 25.04.2012.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 26.

¹⁰ Там же. Д. 54.

¹¹ Там же. Д. 60.

¹² Там же. Д. 116.

¹³ Там же. Д. 212.

¹⁴ Там же. Д. 212. Л. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 428.

¹⁸ Рэзмер В. Польская военная медицинская служба в Сибири в 1918–1920 годах // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр.: В 3 ч. Омск: ООО «Издат. дом «Наука», 2012. Ч. 1. С. 243–250.

¹⁹ Там же. С. 245.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 245–246.

²² Там же. С. 246.

²³ Там же. С. 247.

²⁴ Там же. С. 247.

²⁵ Там же. С. 248.

ПОКЛЕВСКИЕ-КОЗЕЛЛ – ВЛАДЕЛЬЦЫ ПАДУНСКОГО ВІНОКУРЕННОГО ЗАВОДА

С. Г. Филь
Тюмень

В 102 километрах к юго-востоку от Тюмени и в 28 километрах от Ялуторовска располагается старинное сибирское село Падун, издавна известное своим винокуренным заводом. История этого старейшего предприятия области теперь может считаться во многом проясненной благодаря документам госархивов Тюменской и Омской областей, а также опубликованным воспоминаниям польских ссыльных. Кульминацией истории в досоветский период становится восстановление заводского комплекса в кирпиче на пепелище сгоревшей казенной винницы и техническая модернизация при Поклевских-Козелл, владевших им в период 1861–1919 гг.

Справочник «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов» за 1871 г. указывает на то, что в Падуне Заводоуковской волости Ялуторовского округа винная поварня была основана между 1740–1748 гг. верхотурским купцом Максимом Михайловичем Походяшиным¹, начинание которого стоит в одном ряду с деяниями купцов-устроителей Талицкой, Ертарской, Боровлянских, Успенской и Екатерининской винокурен Зауралья в 1730–1780-е гг.

Строили заводы тогда по традиционной схеме, учитывая наличие реки, леса и глины для выделки кирпича. Сооружая плотину, делали пруд – источник воды для производства. Так и был поставлен на речке Ук, у искусственного пруда, питаемого 33 ключами чистой воды, первый деревянный завод.

Лишь в 1756 г. было издано запоздалое узаконение об отдаче на откуп питейного сбора в Сибирской губернии². Государство взяло под контроль доходную отрасль, изъяв заводы у владельцев и начав выдавать подряд на поставку вина (откуп). В это время откупщиком Падунского завода, использующего труд каторжан и прикрепленных к нему поселенцев, стал граф Петр Иванович Шувалов³.

В последующие 80 лет казенный завод в Падуне неоднократно перестраивался, по мере обветшания, пестрой чередой откупщиков⁴. Но он никогда не был первым по мощности, значительно уступая Талицкому (город Талица Свердловской области находится в 219 километрах на восток от Екатеринбурга и в 130 километрах от Тюмени) и Успенскому (село Заводоуспенское Свердловской области расположено на расстоянии около 70 километров от Тюмени) заводам.

В последний раз сосновая винница была возведена в заводе в 1832 г.⁵, а к концу 1830-х встал вопрос об упразднении оного вовсе «по ветхости его

во всех частях и по истреблению в дачах его строевого и дровяного лесу». Об этом гласит отношение за № 1329 генерал-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова (1789–1868) министру финансов России графу Е. Ф. Канкрину (1774–1845) от 3 октября 1842 г.⁶. Отказывая в аренде предприятия «алатырскому купецкому сыну Орлову» и намереваясь «не преминуть войти в надлежащее соображение» относительно учреждения нового завода «на речке Бочанке»⁷, П. Д. Горчаков руководствовался мнением, продиктованным тремя описаниями строений Падунской винокурни, составленными с надлежащей тщательностью его фаворитом, ассессором Тобольской казенной палаты Альфонсом Поклевским-Козелл (1809–1890) в результате ее ревизии к 15 сентября 1841 г.⁸. Они красноречиво свидетельствовали о необходимости вложения значительных средств в реконструкцию.

Попытка властей решить проблему деньгами арендаторов закончилась неудачей. Их комиссионеры купцы Левашов и Н. Я. Балакшин, ссылаясь на контракт, заключенный в Правительствующем сенате, объяснением от 28 августа 1842 г. наотрез отказались приступать к «поправкам и починкам» на заводе, подчеркнув, что их дело «поддерживать существование его, но не более»⁹.

Эра государственной монополии на винокурение, предполагающая выдачу подряда на поставку вина временщикам, не заинтересованным вкладывать средства в казенную собственность, и использование подневольного труда, переставшего быть производительным, миновала. Стремясь выйти из кризиса, власти разрешили в 1843 г. устраивать частным лицам винокуренные заводы в Сибири¹⁰. Заводчики новой формации предпочли выкупать у казны старые корпуса, нежели налаживать дело на непроверенном месте. Но ситуацию, сложившуюся конкретно с Падунским заводом, разрешил уничтоживший его пожар¹¹.

А. Поклевский о Падуне не забыл. Правда, выкупать у казны было нечего. В 1861 г. крестьянское общество деревень Падун и Пугино уступило ему земельный участок под устройство завода¹². Он построил его недалеко от пепелища старого, начав выпускать продукцию уже в 1863 г. Производство носило сезонный характер: с октября по май свободные от земледелия крестьяне охотно трудились на заводе. К 1871 г. в винокуренный период на Падунском заводе Ялуторовского округа выкуривалось до 150 тысяч ведер вина в 40 градусов на сумму 4500 рублей¹³.

К началу 1860-х гг. отставной надворный советник Поклевский, ставший тюменским 1-й гильдии купцом, был широко известен как наиболее состоятельный владелец западносибирского речного флота, включавшего в себя пароходы, коноводки и баржи, а также арендатор винокуренных и стекольных заводов в Томске, Тарском, Тюменском, Ялуторовском округах Тобольской губернии и соседней Пермской губернии. В 1861–1869 гг. он часто бывал

в Падуне и жил с семьей в богато украшенной профильной резьбой двухэтажной деревянной усадьбе у пруда, к которому вела через липовую аллею белокаменная лестница.

Именно в этот период он выкупил у казны заводы Тюшевского и Демаринского имений, два Шадринских, Ертарский и Талицкие заводы, став «винокурным генералом» и осев в Талице. Ряд других заводов, в том числе Екатерининский (располагался в селе Екатерининское в 20 километрах на юго-восток от города Тара) и Успенский, он брал в аренду или отписывал на имя супруги Анжелики Иосифовны Поклевской-Козелл из дома Рымша (1830–1901). Ей принадлежал, например, Сергинский (Сарагульский) завод около Туринска. Распродав флот, Поклевский вложил деньги в десятки жилых домов, сотни трактирных и складских построек. Значительные средства расходовал он на техническое переоснащение производства.

Падунский завод, как и другие, теперь был возведен из кирпича и крыт железом. Кирпичными были отстроены и солодовня, подвал для хранения спирта, оптовый склад для пива. В то время Поклевский еще не стал владельцем Холуницких и Залазнинских железоделательных, чугуноплавильных и чугунолитейных заводов Вятской губернии, поэтому чаны, котлы, рельсы он заказал в Нижнем Тагиле, а брагоперегонный аппарат системы Блюменталя, аппарат Савалля и снаряд Силинса выписал из-за границы¹⁴.

Толщина стены ректификационной башни, служащей ныне купажному цеху, составляет 1,2 метра у основания, а на отметке 17,5 метра – 0,85 метра. От Поклевского досталось в наследство и здание механического цеха. Прочная старая кладка причиняет при реконструкции строителям массу неудобств. Детищем Альфонса Фомича и его потомков считается и амбарный двор – шесть больших сосновых амбаров под железом. По-прежнему крепки их каменные основания, а между бревен не просунуть и иголку.

Ныне, решая квартирную проблему для падунцев, дирекция завода перестроила два амбара в жилые дома. Вряд ли свыше 100 лет назад, возводя комплекс хранилищ зерна и картофеля, Поклевские-Козелл могли предвидеть такое их функциональное назначение.

Дополнительные земли прирезались к заводу еще и в 1871 г.¹⁵, а полное окончание строительных работ датируется серединой 1870-х. Начиная их коллежский асессор Василий Максимович Любимов, а завершил многолетний управляющий Владислав Корзун, женатый на племяннице Альфонса, дочери его брата Винцента (1801–1861)¹⁶, похороненного в ограде церкви Петра и Павла в Талице. Монументальный памятник из мрамора на его могиле сохранился по сей день.

В 1870-е гг. в Падуне сложилась польская колония. Тут служил фельдшером Людвиг Якимашко, пришедший по этапу с Юзефом Карнацевичем¹⁷, сюда был переведен из Омска дворянин Франтишек Шуневиц¹⁸, в 1890-е гг.

управляющий Сергинским имением уже сыновей Альфонса Фомича¹⁹. Здесь до 1876 г. детей управляющего учила ссыльная Эльжбета Табенская²⁰, немало участников Январского восстания (1863–1864) получили на заводе рабочие места²¹. Потомки одного из них, Франца Лебенштейна, до сих пор живут и работают в Падуне.

По словам польских ссыльных, арестованных в связи с подготовкой общепольского восстания в Сибири в 1866 г., например Г. Вашкевича в Томской следственной комиссии, Падунский завод Ялуторовского округа Тобольской губернии служил одним из мест, где организация хранила оружие и бумаги²². С этим заводом А. Ф. Поклевского-Козелл связана и пропагандистская деятельность Феодося Некрасова, бывшего ученика Пермской семинарии и последователя Н. Г. Чернышевского. Высланный в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции, именно на Падунском заводе он распространял революционные воззвания А. И. Герцена и устраивал побеги польских ссыльных²³.

Трудно судить, в какой степени сам А. Ф. Поклевский-Козелл был в курсе происходящего. Однако известно, что, повсеместно покровительствуя ссыльным землякам, «польский королек» скрывал от полиции также их тайную переписку, а его семья в Тюмени занималась передачей нелегальной корреспонденции. На «ярого поляка», как называли Альфонса Поклевского в доносах, пало подозрение полиции, и сам шеф корпуса жандармов запросил о нем подробные сведения²⁴. Но дело удалось замять.

В 1862–1868 гг., в неурожай и кризис производства, в Падуне было выкурено 5 876 270 градусов спирта. Это третий результат по производительности среди девяти заводов губернии²⁵.

Уделяя внимание наращиванию производственных мощностей, Альфонс Фомич не забывал о благотворительности, прежде всего на ниве просвещения. В 1881–1882 гг. он стал главным жертвователем на новое здание трехклассной прогимназии в Ялуторовске²⁶. Здесь же в 1886 г., выделив значительные средства, он открыл подписку на бесплатную библиотеку при местном клубе²⁷. Но немало и готовых специалистов из альма-матер в Ялуторовске начало службу в заводских конторах Поклевских: выпускник 1875 г. Василий Курбановский – в главной конторе в Талице, сыновья члена окружного суда надворного советника Никанора Алексеевича Гурского Болеслав (окончил курс в 1883 г.) и Антон (в 1888 г.), соответственно, в Падуне и Талице, за ними последовали выпускники 1890 г. Павел Полячек и Иван Луковский.

Незадолго до смерти А. Ф. Поклевский-Козелл оказал значительную помощь жителям Падун в возведении церковно-приходской школы. Начав с отвода под постройку места, первоначально купленного у крестьянского общества для завода, он отпустил на строительство кирпич для фундамента и четырех печей, известь, стекло и лес. В целом его пожертвование оцени-

валось приблизительно в тысячу рублей. По предложению благотворителя архитектором В. Смоленским был сделан и план школьного здания с квартирой для учителя. Строение напоминало «теремок с небольшими башенками по бокам». Вместе с надворными постройками его окружала резная ограда²⁸.

После кончины А. Ф. Поклевского-Козелл в число 14 почетных членов открывшегося в конце 1892 г. Общества попечения об учащихся в уездном и приходском училищах города Ялуторовска входил Иван Альфонсович Поклевский-Козелл (1864–1925), продолживший дело отца. Общество занималось обеспечением малоимущих учеников одеждой и обувью, учебниками и тетрадями, вносило плату за их обучение, ходатайствовало перед тобольским губернатором об открытии в Ялуторовске книжного склада²⁹.

С 1890 г. до Первой мировой войны Падунский завод входил в торговый дом «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл»³⁰, бессменным распорядителем которого был Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (1853–1929). Но принадлежало предприятие не сыновьям А. Поклевского, а их двоюродной сестре Анне (1845 – между 1882 и 1889 гг.)³¹, а позже – ее детям Ядвиге и Иннокентию³². Поэтому оно и не проходило по списку имущества, подлежащего разделу между тремя братьями Поклевскими-Козелл Викентием, Иваном и Станиславом (1868–1938) в 1898 г.³³. В это время среди рабочих завода насчитывалось 64 поляка³⁴. Предприятие по-прежнему производило и реализовывало спирт, столовые вина и пиво высшего сорта, отмеченные золотыми медалями Сибирско-Уральской торгово-промышленной выставки 1887 г. в Екатеринбурге и научно-промышленной выставки 1890 г. в Казани³⁵, через сеть своих трактиров, ведерных лавок и складов. Только в Ялуторовском и Тюменском округах в 1890-е гг. наследники владели двумя заводами, 93 трактирами и семью складами³⁶, а ведь их число постоянно возрастало!

Ежегодная мощность завода при последних владельцах составляла 150 тысяч ведер 40-градусного спирта³⁷. Как и везде, Поклевские построили здесь для рабочих ясли, душевые, столовую, больницу, клуб. В 1897 г. в Падуне В. А. Поклевским-Козелл была построена деревянная приписная церковь во имя святого Архистратига Михаила. В ней же разместилась и основанная в 1895 г. школа. За церковью без особого штата числились «1 десятина усадебной земли и 60 десятин пахотной»³⁸.

Последним управляющим завода был Антоний Егорович Лазовский, представитель ТД «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл» в Ялуторовском уезде. Принявший в 1910-е гг. в этой же должности асбестовые рудники Поклевских на Урале, в 1919 г. с 5-й дивизией польских стрелков Сибири он отступил на восток, в итоге оказавшись в Польше. Однако в 1924 г. А. Е. Лазовский нелегально приезжал из Польши в Свердловск с целью выяснения возможности взятия в концессию бывших рудников Поклевских. Не добившись результата, он уехал из России навсегда³⁹.

Сами Поклевские-Козелл покинули страну тоже в 1919 г., а еще в 1914 г. вследствие начала войны и введения сухого закона завод встал⁴⁰.

Пущенный в 1920-м, в 1926 г. он вступил в период консервации. В это же время, в 1927 г., уже находясь в Варшаве, В. А. Поклевский-Козелл, в надежде вернуть утраченное добро, обращался с прошением в счетную комиссию, созданную после подписания 18 марта 1921 г. в Риге трактата о мире для лиц, зарегистрированных в Союзе защиты имущества поляков. В прошении бывший владелец перечислял недвижимое и движимое имущество, ранее принадлежавшее ТД «Наследники А. Ф. Поклевского-Козелл». В длинном списке потерь есть и Падунский завод, оцениваемый с домом, конюшнями, коровниками, амбарами и другими строениями в 200 тысяч российских рублей в ценах 1914 г.⁴¹. Как известно, усилия Поклевских вернуть свое имущество оказались тщетными.

В то же время новые пролетарские хозяева производством не занимались. Получая паек, рабочие прогуливали, спирт расхищался, катастрофически не хватало сырья в конце 1920-х – 1930-е гг.⁴². И только с момента реконструкции в 1936 г. завод уже не знал сбоя.

В тот период усадьба управляющего была превращена в избу-читальню (до настоящего времени не сохранилась), из сада исчезла копия античной статуи. Начали засоряться и ручьи в верховьях речки Ук: теперь их только 17 вместо 33. А саму речку зовут Бардянка (от «барда» – гуща, отходы винокурения) – все давно позабыли старое название.

Поменяв не раз ведомственных хозяев за советское время, к середине 1990-х гг. АОТ «Спиртоводочный завод «Заводоуковский» производило ежедневно 2300 дал (то есть декалитров) спирта, две тонны углекислоты, 1000–1300 дал водки. На предприятии работало девять цехов и участков, в которых трудились около 300 человек. Для заводчан были открыты магазин, пекарня, бар.

Преемник Падунского винокуренного завода не забыл своего создателя. С января 1995 г. на предприятии был налажен серийный выпуск водки «Поклевский», ставшей дипломантом двух международных выставок, обладателем золотой медали за высокое качество продукта (1996) и лауреатом Всероссийского выставочного центра в Москве (1999).

Исправив орфографическую ошибку в названии водки на наклейке (первоначально писалось «Паклевский»), я передал администрации акционерного общества, по ее просьбе, портрет Альфонса Фомича, который вскоре стал тиражироваться на фирменных этикетках, заслуженно пропагандируя имя основателя предприятия. Кроме производства водки «Поклевский» коллектив АОТ СВЗ «Заводоуковский» создал небольшой музей по истории завода, получив в дар от Тюменского областного общества польской культуры

и просвещения LATARNIK копии фотографий Поклевских-Козелл и другие материалы о членах этой семьи.

В 1999 г. в результате острой конкурентной борьбы в отрасли завод, пережив банкротство, прекратил производство продукции. Наладить его удалось только в начале 2002 г. Смена учредителей вызвала и смену названия предприятия. Теперь оно именуется ОАО «Заводоуковский спиртоводочный завод». Начав с ежедневного выпуска 500 дал спиртоводочной продукции, завод вскоре вышел на те производственные показатели, что были до закрытия. И, как и прежде, на нем выпускается водка «Поклевский».

Вот так в Падуне, как и в Талице, Белой Холунице Кировской области, где заводы Поклевских в строю, хранят память о бывших владельцах, некогда снискавших широкую славу прогрессивным комплексным подходом к решению производственных проблем, умелым хозяйствованием и уважением к труду рабочего человека и вписавших ярчайшие страницы в историю предпринимательства Урала и Сибири. Смог в этом убедиться и приезжавший в гости к автору этих строк из Лондона в июле 1996 г. правнук Альфонса Фомича и внук Викентия Альфонсовича, тоже Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (родился в 1929 г.), первый из представителей знаменитой фамилии, посетивший Сибирь и Урал после 1919 г.

¹ Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. СПб., 1871. С. ССXXXIV.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 164.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788.

⁴ См. Прим. 1.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 90.

⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 93.

⁷ Там же. Л. 93 (об.).

⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 20–24 (об.); ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 57–59; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 60–61 (об.).

⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1977. Л. 85–86 (об.).

¹⁰ Щеглов И. В. Хронологический перечень... С. 323.

¹¹ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 16.

¹² ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 1319.

¹³ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л. 6; Каталог произведений и изделий Западной Сибири, представленных на Тюменскую выставку 1871 г. Тюмень, 1871. С. 9.

¹⁴ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л. 6–69 (об.).

¹⁵ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 13. Д. 417.

¹⁶ Посемейный список дворян Козелл (НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 446. Л. 400) гласит: «Вдова после Фомы Козелла Анна фамилии Спинков Козеллова 36 лет (обратите внимание! – С. Ф.) жительствует в Лепельском повете. Имеет сыновей Адольфа 26, Викентия 23 и Альфонса 15 лет...». Зная год рождения Альфонса – 1809, можно определить, когда родился его старший брат. Попутно исправим составителя документа: первенцем Анны и Фомы была дочь Адель, а не сын Адольф. См., например: Boniecki A. *Herbarz polski. W-wa*, 1908. Т. XII. S. 76. Дата кончины: 29 августа 1861 г., – высечена на самом надгробии на польском языке.

¹⁷ Карнацевич Юзеф (1837–1918) – в Тюмени с 1869 г., участник Январского восстания 1863–1864 гг. на территории Витебской губернии, фельдшер, один из инициаторов строительства римско-католического костела в Тюмени.

¹⁸ Указанную в тексте информацию о Якимашко сообщает сын Юзефа Карнацевича Станислав (1891–1977) в рукописных «Воспоминаниях о прошлом», датированных октябрем–ноябрем 1976 г. (хранятся в фондах Тюменского областного краеведческого музея). А его имя Людвиг называют «Тобольские губернские ведомости» (№ 66. 20 августа 1895 г. С. 1072).

¹⁹ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 5. Д. 854. Л. 1–36.

²⁰ Janik Michał. *Dzieje Polaków na Syberii. Kraków*, 1928. S. 380–382.

²¹ Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западного края после мятежа 1863 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXVI. С. 96; Участники польского восстания 1863–1864 гг. в тобольской ссылке / Под ред. Д. И. Копылова. Тюмень. 1963. С. 38–39, 42; Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976. С. 94. Borowski K. R. *Na obcym chlebie*, (w:) Kuczyński A. *Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Wrocław. W-wa. Kraków*, 1993. S. 198.

²² ГАРФ. Ф. 95–Т. Оп. 1. Д. 302. Л. 117–120; ГАРФ. Ф. 109–И. 1 Эксп. 1866 г. Д. 217. Ч. III. Л. 5–6.

²³ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

²⁴ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

²⁵ Тобольская губерния... С. ССXLII.

²⁶ Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Выпуск II. Тобольск, 1894. С. 55.

²⁷ Там же. С. 57.

²⁸ ТФ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 8. Л. 94–95, 98; Ермачкова Е. Из истории строительства первой Падунской школы // Заводоуковские вести. № 63. 7 августа 2002. С. 4.

²⁹ Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Выпуск II. Тобольск. 1894. С. 74, 76–78; Указ. соч. Выпуск III. Тобольск. 1895. С. 13–14.

³⁰ Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб., 1908. С. 484.

³¹ Список о семействе дворянки Лепельского уезда Витебской губернии Анны Викентьевны Поклевской-Козелл от 25 мая 1882 г. (НИАБ. Ф. 2512. Оп. 2. Д. 30. Л. 350–351) содержит точную дату ее рождения – 10 сентября 1845 г. По нотариальному завещанию А. Ф. Поклевского-Козелл (ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 235. Л. 11–12 (об.)) от 7 апреля 1889 г. она значится уже умершей. Значит, ее смерть приходится на период 1882–1889 гг. Скупую информацию об Анне Поклевской-Козелл дает и М. Яник: Janik Michał. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. S. 381.

³² ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 235. Л. 11 (об.).

³³ ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 416. Л. 15–20 (об.).

³⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния, СПб., 1905.

³⁵ Об этом сообщают оригинальные бутылочные наклейки продукции заводов Поклевских-Козелл.

³⁶ Список винокуренных заводов Российской империи. 1886/87, 1887/88 гг. СПб., 1890. С. 432.

³⁷ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.

³⁸ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913. С. 189; Черданцев И. На талых ключах. Талица, 1992. С. 41.

³⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 г. Тобольск, 1911. С. 243; Показания Будриса Франциска Францисковича // Архив Тюменского регионального управления ФСБ РФ. Д. 9770 по обвинению Матусяка Иосифа Францевича, Копинского Мартина Альбертовича и др. в количестве 14 человек. Ст. 58-10-11, год производства 1937-й. Т. 2. Л. 32.

⁴⁰ См. примечание 36 ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 434–434 об.

⁴¹ Архив Поклевских-Козелл в Лондоне. Podanie Wincentego Poklewskiego-Kozieł do Mieszanej Komisji Rozrachunkowej w Warszawie. 29 października 1927 r. l. 7526.

⁴² ГАТО. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 19. Л. 26.

АНТОН РУДОБЕЛЬСКИЙ – ВЯТСКИЙ САДОВОД И СЕЛЕКЦИОНЕР

В. С. Жаравин
Киров

Говоря о поляках, живших в Вятском крае, обычно рассказывают о ссыльных. Однако были поляки, которые добровольно приезжали на Вятку и оставили заметный след в ее культуре. Одним из таких замечательных людей был Антон Бенедиктович Рудобельский (1874–1935).

В своей автобиографии он писал о себе: «Родился в 1874 году в местечке Хойники прежней Минской губернии Речицкого уезда Хайнинской волости. Родителями моими были крестьяне той же местности. Имя моего отца Бенедикт Семенович, матери – Маргарита Ивановна (урожденная Кривенчик). Земли у нас не было, и покойному отцу, для добывания средств к существованию, приходилось служить в имении графа Прозора в качестве садовника с месячным жалованием 25 рублей. Семья у нас состояла, кроме отца и матери, из 5 человек детей»¹. Антон Бенедиктович получил начальное образование и в 13 лет начал работать по садоводству вместе с отцом, который в 1895 г. отпустил его на самостоятельную работу. Он стал садовником у помещика Бакуленко. О дальнейшем Рудобельский писал: «В 1898 году, в виду открывшейся в г. Орле школы садоводства в пригороде «Древесный питомник», я вступил в эту школу в качестве руководителя учеников. Жалование было положено 25 рублей в месяц с готовой квартирой. Наконец, в 1901 году я получил патент на звание садовода»². В том же году он устроился городским садоводом в городе Елец Орловской губернии.

В Вятке в это время возникло Общество любителей садоводства под председательством Антона Антоновича Бернацкого, тоже поляка. Общество официально пригласило Рудобельского на должность садовника в садоводстве при Вятской селекционной станции. Жалования ему предложили почти на треть больше, чем он получал в Ельце, и Антон Бенедиктович в 1901 г. приехал в Вятку (ныне Киров).

Обратимся к автобиографии: «В 1904 году я женился на дочери крестьянина Кендзерского (уроженца Волынской губернии) Люции Петровне Кендзерской. Дед ее Презжилевский был сослан царским правительством в Вятку за участие в польском восстании 1863 года. Проработав в обществе садоводства до 1905 года и видя, что поставленное мною дело приносит обществу несомненную пользу, я попросил выделить мне ежегодно 1% садового дохода, так как моя семейная жизнь требовала теперь больших расходов. Однако благодаря наличию в обществе некоторых черносотенцев, ненавидящих меня как поляка, мне было отказано в моей просьбе»³.

Тогда Рудобельский обратился в Вятскую городскую думу с необычной просьбой: сдать ему в аренду Засорный овраг. Этот овраг находится в самом центре города Кирова между современными улицами Ленина, Герцена, Свободы и Горбачева. В начале XX в. овраг представлял собой городскую свалку. Думцы удивились, но согласились. Вятская городская управа заключила договор с А. Б. Рудобельским о сдаче ему в аренду Засорного оврага на 10 лет с оплатой ежегодно 50 рублей⁴.

Взяв кредит в банке, Антон Бенедиктович начал работы в овраге. В течение года он построил парники, теплицы, провел водопровод, соорудил ограду вокруг своей территории, сделал земляной подвал и начал выращивать овощи, зелень, цветы на продажу. Постепенно на краю оврага были построены жилой дом и торговый павильон. Незаметно произошло чудо: заброшенный овраг превратился в цветущий сад. Хозяйство Рудобельского процветало. Вятские газеты тех лет пестрят объявлениями о круглогодичной продаже в магазине Рудобельского зелени и цветов.

Начиная с 1906 г. А. Б. Рудобельский стал проводить опыты по акклиматизации различных растений, по селекции и выведению новых сортов. Он выращивал дыни, виноград, арбузы, чем очень удивлял вятских жителей. Многие диковинные для того времени овощи они впервые видели и покупали у Рудобельского, например, кукурузу, стручковую фасоль. Он вывел новый сорт огурцов, названный им «Подарок Рудобельского».

В 1915 г. подошел срок продления аренды оврага, и А. Б. Рудобельский обратился в городскую думу по этому вопросу. Думцы решили увеличить плату до 500 рублей в год, то есть в десять раз, видя процветание садоводства. Журнал заседания Вятской городской думы показывает нам, какие споры развернулись по этому вопросу. Одни говорили, что «город от сдачи этого участка в аренду Рудобельскому, кроме хорошего, ничего не видит: вместо пустыря всюду зелень, деревья, кустарники»⁵. Другие говорили, что городу от хозяйства Рудобельского нет никакой пользы, что он работает только на себя. После дебатов было принято решение: «Сдать Рудобельскому участок земли в Засорном овраге в новое арендное содержание на 12 лет из платы по 250 рублей в год, обусловив постройку им бетонных теплиц»⁶. Обратим внимание, что плата снижена с первоначальных 500 рублей до 250 рублей, но все же она стала в пять раз больше, чем в 1905 г. Договор с Рудобельским с условиями аренды был рассмотрен думой на другом заседании⁷.

Антон Бенедиктович Рудобельский был по вероисповеданию католиком. Он ходил в вятский костел Пресвятого Сердца Иисуса и был избран членом приходского совета. В семье Рудобельских сегодня хранится уникальная фотография 1916 г., на которой запечатлена святая месса по умершему великому польскому писателю Генрику Сенкевичу. Это единственная на сегодняшний день известная фотография внутреннего интерьера вятского костела.

После Октябрьской революции произошли изменения в жизни Рудобельского. Он стал заведующим садоводством № 1 города Вятки. Так стал называться его собственный земельный участок в Засорном овраге. В архиве сохранился рукописный отчет о работе садоводства за 1919 год. Рудобельский писал: «С переходом садоводства в Совет городского Вятского народного хозяйства с 20 сентября 1918 года садоводство также продолжало свою деятельность и работало без остановки, как и раньше, стремясь к тому, чтобы удержать дело и не погубить того, что было сделано за прошлые 12 лет»⁸. Указал Антон Бенедиктович и на задачи, которые ставил перед садоводством:

«1. Научно-показательное ознакомление с культурой на практике как для экскурсантов, так и равно для интересующихся садовым делом.

2. Дать населению Северного района и школам вполне акклиматизированный и выносливый посадочный материал разных пород деревьев и ягодных кустарников.

3. Снабдить население Северного края лучшими сортами огородных семян и указать их правильную культуру...

4. Иметь возможность дать гражданам цветы в такое время года, когда это становится редкостью, и такие редкие сорта, каких здесь невозможно встретить.

5. Работать и стремиться к тому, чтобы здесь, на севере, граждане могли пользоваться тем же, что имеют люди на юге»⁹.

По существу, это было кредо Рудобельского, задачи были поставлены для себя и решались в течение всего вятского периода его жизни.

В 1922 г. Вятским горсоветом было обследовано садоводство № 1 и составлена опись имущества. В садоводстве имелись: жилой дом, сарай легкого типа, два овощных подвала, 13 теплиц, павильон для продажи цветов и парниковые ящики¹⁰.

В годы НЭПа Рудобельский начал надеяться на возврат к старому. Он снова в 1922 г. взял в аренду свое садоводство, но арендатором была оформлена его жена Люция Петровна. Однако времена изменились, и садоводство не принесло дохода, а иногда расходы даже превышали доходы. Л. П. Рудобельская была вынуждена обращаться в горисполком с просьбой о снижении арендной платы¹¹. Для советской власти Рудобельские были нэпманами, их лишили избирательных прав, и они числились в списках «лишенцев»¹².

Изменилась и духовная жизнь Рудобельских. В 1921 г. вятский ксендз Ибянский уехал в Польшу, а другого католического священника в Вятку не назначили. После некоторого перерыва службы в костеле стал проводить приезжавший из Перми отец Франциск Будрис. Не имея своей квартиры в Вятке, он чаще всего останавливался в доме Рудобельских. По инициативе отца Франциска вятские поляки создали кружок по изучению польского языка, польской культуры, чтобы «сохранить свой нрав и обычай». Кружок

назвали «Едність», в переводе с польского «Единение»¹³. Собирались поляки и у Рудобельских.

В 1930 г. на месте садоводства Рудобельского было образовано кооперативное хозяйство (коопхоз) Вятского центрального рабочего кооператива. Антон Бенедиктович поступил туда работать «специалистом по семеноводству, плодоводству и огородничеству», а в 1934 г. был «переведен на должность консультанта»¹⁴. Рудобельский продолжал свои опыты по выращиванию новых сортов растений. Он вывел новые сорта фасоли «Маньчжурская фасоль» (семена оранжевого цвета), «Триумф» (семена коричневого цвета), «Золотая гора» (семена черного цвета). К 1934 г. в коопхозе фасолью было засеяно четыре гектара (у коопхоза, кроме Засорного оврага, было еще два участка земли за городом). В 1920-е гг. был выведен новый сорт малины «Красавица Вятка», сорт тыквы «Медовая», сорта яблонь и других растений¹⁵.

Много времени Рудобельский уделял выращиванию декоративных растений. Его мальвы и флоксы очень полюбились вятчанам. А выведенные им сорта сирени, туи, боярышника широко использовались в 1930-е годы при озеленении городских садов, парков и бульваров. А. Б. Рудобельский неоднократно принимал участие в выставках цветоводства и плодоводства в Вятке и Горьком (территория Вятской губернии в то время входила в Горьковский край). В 1934 г. его пригласили в город Мичуринск Тамбовской области на Всесоюзную конференцию «Оригинаторы в области плодоводства», посвященную 60-летию деятельности И. В. Мичурина.

Казалось бы, дела у А. Б. Рудобельского шли хорошо. Однако 1 августа 1934 года он был уволен из коопхоза по сокращению штатов¹⁶. По воспоминаниям родных, отлучение от любимого дела было для Антона Бенедиктовича сильным ударом. Он заболел и 8 января 1935 г. умер. Его жена Люция Петровна написала заявление в Кировский горисполком с просьбой назначить ей персональную пенсию, с учетом заслуг ее мужа перед городом. Ответ был отрицательным: «Президиум Кировского горсовета особых заслуг за гр. Рудобельским не находит, считает, что в деятельности гр. Рудобельского почти исключительно преобладали признаки извлечения прибыли из нетрудовых доходов, а поэтому в персональной пенсии гр. Рудобельской отказать»¹⁷.

Об А. Б. Рудобельском вспомнили в 1938 г., когда, выполняя «польский приказ НКВД», арестовали почти всех поляков, проживавших в области. На допросах выяснилось, что арестованный уже к тому времени отец Франциск Будрис жил по приезду в город Вятку на квартире Рудобельского. Это дало повод объявить уже ушедшего из жизни А. Б. Рудобельского «польским шпионом». Был арестован его племянник Станислав Рудобельский, усыновленный Антоном Бенедиктовичем, который провел в заточении несколько месяцев, но был оправдан и освобожден.

Фактически имя Антона Бенедиктовича Рудобельского было вычеркнуто из истории Вятки. О нем нет краеведческих публикаций и биографических исследований. Нет и материальных следов его деятельности. Засорный овраг вскоре после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. снова превратился в мусорную свалку, какой является и сегодня, хотя находится в исторической части города Кирова. Даже специалисты, занимающиеся селекционной работой, не знают имени Рудобельского. Настоящая работа – это фактически первая научная статья о замечательном человеке Антоне Бенедиктовиче Рудобельском, внесшем определенный вклад в культуру Вятки. Автобиография А. Б. Рудобельского, найденная автором в личном архиве семьи Рудобельских, была опубликована ранее¹⁸ и сейчас выложена в Интернете.

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. Р-6810. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 1–2.

⁴ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 628. Оп. 8. Д. 9. Л. 21.

⁵ Там же. Ф. 630. Оп. 5. Д. 168. Л. 28 (об.).

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же. Л. 328–330 (об.).

⁸ Там же. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Д. 198. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 230. Л. 4–7.

¹² Там же. Ф. Р-1258. Оп. 3. Д. 24. Л. 150.

¹³ В. Жаравин, Е. Чудиновских. «Одною связаны судьбой». Киров, 2006. С. 15.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 739. Л. 4.

¹⁵ ГАСПИ КО. Ф. Р-6810. Оп. 1. Д. 204. Л. 5.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 739. Л. 4 (об.).

¹⁷ Там же. Л. 28.

¹⁸ В. С. Жаравин. Садовод-селекционер А. Б. Рудобельский // Вятские записки. 2007. Выпуск 11. С. 81–88.

БОЛЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ ШОСТАКОВИЧ (1845–1919):

страницы его воспоминаний о детстве на Урале

Б. С. Шостакович

Иркутск

Болеслав-Артур Петрович Шостакович (27 января 1845 г., Екатеринбург – 22 января 1919 г., Иркутск) – деятель российско-польского освободительного движения 1860-х гг., ветеран сибирской политсылки, финансист-экономист, публицист, сибирский общественный деятель, активный представитель городского самоуправления Томска и Иркутска. Он доводится дедом по мужской линии великому российскому композитору Д. Д. Шостаковичу.

В исторической литературе имя Б.-А. П. Шостаковича фигурирует преимущественно в связи с его причастностью к российскому и польскому освободительному движению начала 1860-х годов.

Более 30 лет назад автор впервые начал исследование темы по малоизвестным первоисточникам и опубликовал очерк¹.

В Екатеринбурге прошли детские и ранние юношеские годы Б.-А. П. Шостаковича, в зрелый период жизни он жил в Сибири, и на Урал возвратиться ему было не суждено.

Немногое известно об отце Болеслава – Петре Михайловиче Шостаковиче. Он служил ветеринарным врачом на государственной службе, которую исполнял по казенному медицинскому ведомству в тогдашнем Екатеринбургском уезде Пермской губернии.

П. М. Шостакович происходил из обедневшей польской шляхты с пограничья Литвы и Беларуси. В юные годы он, судя по беглому замечанию его сына Б.-А. П. Шостаковича, был причастен к Ноябрьскому польскому восстанию 1830–1831 гг. По всей вероятности, П. М. Шостакович сумел утаить сведения о своей юношеской конспиративно-оппозиционной активности, поскольку ему удалось поступить в Виленскую медико-хирургическую академию в качестве казенного стипендиата и окончить ее ветеринарное отделение. После этого ему полагалась служба по назначению в любых регионах необъятной Российской империи. Один из последующих служебных маршрутов и привел его с семьей на Урал, где родился его сын Болеслав.

В данный момент нет полной информации о жизни и деятельности П. М. Шостаковича на Урале. Существуют данные о том, что в Перми он оставался до конца своих дней.

Б.-А. Шостакович, окончив в Екатеринбурге уездное училище, продолжил обучение в 1-й Казанской гимназии и сблизился там с революционно настроенной молодежью. В 1862–1865 гг. он, уже в Москве, стал фактическим руководителем центральной землевольческой организации, хотя и ослабленной арестами, но продолжавшей свою деятельность. Он поддерживал связи

с другими революционными группами, в том числе с Польским комитетом в Москве, возглавляемым Павлом Маевским. Павел и Болеслав жили на одной квартире, их связывали дружеские отношения. Прослеживаются также его контакты с участниками кружка Н. А. Ишутина, а через П. Маевского – с В. М. Озеровым, представителем петербургского революционного центра, впоследствии известным революционером-эмигрантом, членом Женевской секции I Интернационала. Таким образом, можно говорить о наличии тесных связей польских и российских революционеров середины 1860-х гг. и о том, что Б.-А. Шостакович в указанное время играл немаловажную роль как в российском, так и в польском движении. Он в определенной мере являлся и координатором между обоими течениями общественной жизни.

Власти получили донос о том, что Б.-А. Шостакович – непосредственный организатор побега Ярослава Домбровского, кадрового офицера, революционного лидера подготовки польского Январского восстания 1863 г., из московской пересыльной тюрьмы. Благодаря успеху этой акции Я. Домбровский, приговоренный к ссылке в Сибирь, оказался в эмиграции и впоследствии сделался генералом. В июне 1866 г. Б.-А. Шостакович был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

На допросах Б.-А. Шостакович умело держался и, как отмечал один из следователей, прикрываясь маской «откровенности», не выдал никаких значимых улик. Тем не менее власти обнаружили связи Болеслава-Артура Шостаковича со средой ишутинцев, что повлияло на его привлечение к процессу Н. А. Ишутина – Д. В. Каракозова. Верховным уголовным судом Б.-А. Шостаковича приговорили к каторжным работам (сентябрь 1866 г.). В окончательном виде приговор был смягчен до ссылки «на жительство» в губерниях Западной Сибири. Вначале местом его размещения назначался Мариинск Томской губернии. После дознания в Омске по поводу причастности Б.-А. Шостаковича к неким планам совместного польско-российского восстания в Сибири, так и оставшейся неподтвержденной, его весной 1867 г. отправили на жительство в Томск.

В Томске Болеслав-Артур Шостакович служил писарем в губернском управлении, позднее – бухгалтером в городской управе, проявил организаторские способности и склонности к работе в финансовой сфере. В Томске Б.-А. Шостакович в июне 1869 г. женился на Варваре Гавриловне Калистовой-Шапошниковой, своей соратнице по конспиративной деятельности и подружке жены Н. Г. Чернышевского.

В декабре 1872 г. за встречу с политссыльным Петром Успенским, следовавшим на Нерчинскую каторгу, Б.-А. Шостакович подвергся новой ссылке в отдаленный городок Нарым Томской губернии, с запретом переписки. В Нарыме Болеслав-Артур Шостакович прожил с семьей с декабря 1872 г. по апрель 1877 г. Там он сочетал работу для получения средств к существова-

нию с занятиями самообразованием, просветительством и даже научными исследованиями.

Получив разрешение вернуться в Томск, Б.-А. П. Шостакович служил бухгалтером в конторе торговой компании Петрова и Михайлова, участвовал в городском самоуправлении. В 1883 г. он избирался гласным Томской городской думы и членом городской управы. Ему принадлежали многие общественные инициативы, выступления в местной прессе по вопросам городской жизни и благоустройства Томска (в частности, создание Сибирского музея, выпуск «Известий Томского городского общественного управления» и другие благие начинания). В 1885 г. он был избран городским головой Томска, но остался неутвержденным МВД в этой должности. Местная реакция подняла травлю Б.-А. Шостаковича как поляка-ссыльного, якобы «захватившего власть в городе вместе с иными революционерами». Во избежание рецидива истории своего нарымского изгнания Болеслав-Артур Петрович Шостакович в 1887 г. с семьей (у него тогда уже было пятеро детей) переехал в Иркутск.

В столице Восточной Сибири он вначале служил бухгалтером в местном отделении Сибирского торгового банка, позднее – его же управляющим. Вел разнообразную научную и общественную деятельность: избирался гласным Иркутской городской думы и городской управы (с 1898 г., затем еще на три срока подряд), членом распорядительного комитета Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), состоял в редколлегии газеты «Восточное обозрение». В 1902 г. его избрали иркутским городским головой. По собственному прошению он был уволен от этой должности «по болезни» в августе 1903 г. На рубеже XIX–XX вв. Б.-А. Шостакович стал инициатором-соучредителем и акционером иркутских региональных и внутригородских предпринимательских начинаний.

На склоне лет, оставив службу, Шостакович сделался еще и пионером практического садоводства в Иркутске, занявшись распространением и акклиматизацией в то время еще совершенно не знакомых для местного региона и не принятых ранее в его природно-климатических условиях ягодных и садово-декоративных цветочных культур (1900–1910 гг.).

В публикуемых ниже воспоминаниях Б.-А. П. Шостаковича содержатся примечательные свидетельства, позволяющие связать зарождение у самого мемуариста интереса к указанной сфере деятельности с периодом его екатеринбургского детства.

Земледелец Л. Ф. Пантелеев, сам в прошлом сибирский ссыльный, привел Болеслава-Артура Шостаковича в пример как человека, верного идеалам революционных шестидесятников, как образец нравственной стойкости. «Конечно, – читаем у Пантелеева, – это были уже не те горячие юноши, какими я знал их в начале шестидесятых годов, но никто из них не отрешивался от

своих прошлых увлечений... Все они, наоборот, свидетельствовали, что духовно считают себя связанными с шестидесятыми годами. А некоторым их увлечения обошлись очень и очень дорого. Вспоминается, например, Болеслав Петрович Шостакович, ему было около двадцати двух лет, когда он попал в Сибирь... С Сибирью он сжился настолько, что и теперь в ней остается. Замечательные деловые способности, как и нравственная безупречность, везде выдвигали его и внушали к нему уважение»².

Б.-А. П. Шостакович скончался в Иркутске 22 января 1919 г., похоронен на местном кладбище. Могила его не сохранилась.

В последний период жизни (примерно в 1900-е годы) Болеслав-Артур Петрович Шостакович начал работу над собственными воспоминаниями. Очевидно, первоначальный замысел их написания возник у Шостаковича гораздо раньше. Как явствует из писем Павла Маевского (он находился в ссылке в городе Енисейске) от середины 1870-х гг., какие-то свои записки Болеслав-Артур Петрович в то время пересылал ему для прочтения и критики (при этом он советовал Маевскому также написать свои воспоминания). Можно полагать, что ранние варианты воспоминаний и легли в основу его записок (автор назвал их «Записки Неудачина»), в начале которых имеется обращение к Павлу Маевскому.

Эти воспоминания не были завершены автором. К тому же часть записок, охватывающая период деятельности мемуариста до ссылки его в Сибирь, была утеряна в бурные годы революции и Гражданской войны. Четкую датировку записок провести затруднительно. Очевидно, они писались в течение длительного времени, подвергаясь неоднократным авторским дополнениям и уточнениям. Уже на склоне лет Б.-А. Шостакович переписывал набело «Записки» со своих старых набросков. Частично сохранившаяся рукопись мемуарного произведения Болеслава-Артура Петровича Шостаковича находится в семейном архиве автора данного очерка. Отдельные ее фрагменты были впервые использованы в упоминавшемся научном исследовании жизни Б.-А. П. Шостаковича, его деятельности и оставленного им наследия³.

В первой главе записок Б.-А. Шостакович вспоминает о своем уральском детстве в центре горнопромышленного Урала – Екатеринбурге, где он обучался в так называемой ланкастерской школе и уездном училище. Рассматриваемая глава отразила глубоко врезавшиеся в память и сознание мемуариста наблюдавшиеся им драматичные сцены жестокого обращения с учащимися, детьми и подростками, бытования в указанных образовательных заведениях сплошь и рядом откровенно садистского поведения многих из так называемых «педагогов». Со своей стороны, как свидетельствует мемуарист, таких «наставников» учащиеся «награждали» нелепыми прозвищами и при возможности стремились выместить им нанесенные обиды. Подобного рода описания мемуариста составляют основу содержания указанной главы.

По мнению публикатора, в звучащих в этой главе саркастично-ироничных нотках мемуариста просматривается очевидное влияние стилистики отечественных писателей-сатириков, обличителей тогдашней российской социально-нравственной действительности М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского.

В публикации сохраняются лексические особенности оригинала. Пунктуация мемуариста частично откорректирована для большего удобства чтения и смыслового восприятия публикуемого текста.

Б.-А. П. Шостакович

Записки Неудачина⁴

Глава первая

Первые насаждения добра и зла. Ланкастерская школа. Уездное училище. Коровий Язык. Серафим. Чугунка. Директор.

В моей жизни играет видную роль розга. В самых ранних воспоминаниях детства она всегда занимает место за шкапом; хотя мы с братьями и сестрами и старались извести проклятую березу, но наши усилия остались тщетными. Первый букварь, положенный в основание нашего образования, заключал в себе истину в виршах, утверждающих, что розга учит всему хорошему и ведет прямо к Господу Богу на небо. С тех пор я всю жизнь нахожусь под обаянием ненапряжного страха «хватить березовой лапши»...

В Екатеринбурге – городе, в котором я провел детство, – жили в описываемое время несколько поляков, сосланных «за тридцатый год»: одни из них были переведены сюда, как, например, мой отец⁵, на службу, другие отданы в солдаты; часть последних занималась педагогией; некоторые получили образование в Виленском университете, другие отличались только хорошим четким почерком. К одному из последних я и попал для первоначального обучения.

Здесь была целая куча учеников, школа. Система обучения в этой школе избрана была самая рациональная по своей общеизвестности. Эта система развивала в каждом ученике самостоятельность и ничем не ограничиваемое свободомыслие. Наши занятия состояли в том, что мы или писали с прописей, или читали вслух по разным книгам места, отмеченные ногтем преподавателя. С этим неизбежным в педагогике инструментом я познакомился очень подробно впервые в этой школе. Это орудие чрезвычайно интересное и, как я убедился, совершенно необходимое; много премудр Творец, даровавший ноготь человеку. Преподавателю он нужен, чтобы задавать уроки ученикам, а последние, не будь на свете ногтя, никоим образом не могли бы научиться писать, ибо тогда учитель за дурное чистописание не мог бы линейкой

бить по ногтям. А кто хоть раз испытал эту педагогическую операцию, тот, наверно, умеет чисто писать. Не будь ногтей, и удар по концам пальцев не был бы так дьявольски чувствителен, и на чистописание пришлось бы махнуть рукой.

Ну-с, так, под руководством ногтя и линейки, были насаждаемы в нас первые семена познания добра и зла. Сам учитель присутствовал при уроках только тогда, когда сказывалась надобность в помянутых выше орудиях. В остальное время наблюдала как за щами в печи, так и за безустанным чтением и писанием учащихся неграмотная половина педагога, благоприобретенная им на месте ссылки вместе с домом в заячем порядке, сам же наставник занимался в это время хозяйством во дворе. Несмотря на бдительность классной дамы, мальчуганы успевали бегать из класса на базар, в обжорный ряд, за пряниками и угощать друг друга...

На семейном совете решено было отдать меня в уездное училище. Штатный смотритель распорядился поместить меня по молодости лет – мне было тогда семь лет – не в уездное, а в приходское, именовавшееся, как гласила вывеска на дверях, «ланкастерской школой». Здесь была та же система обучения, только с другими, более усовершенствованными приемами.

Ланкастерская школа состояла в следующем.

В девять часов утра сухощавый, длиннорукий, сдвигающейся взад и вперед кожей на лбу и голове учитель входил в большую классную комнату, средняя которой была занята плотно составленными партами числом, равным чертовой дюжине. На стенах и особых подвижных вешалках красовались таблицы букв, слогов, цифр и т. п. Эти таблицы должны были уместиться в головах мальчуганов, занимавших парты; для чего за дверью и хранилась куча розог.

Первые две парты были несколько ниже остальных и устроены так, что на них держался слой песка, на котором мальчуганы выводили деревянными палочками литеры под диктовку «старшего», выкрикивавшего нараспев: «Пишите аз, пи-ши-те бу-ки» и т. д., – и указывавшего при этом палочкой на буквы, отпечатанные на висящих таблицах. Таким же образом обучались и чтению; только диктовка «старшего» изменялась: вместо протяжных «Пишите аз, пишите буки» раздавалось коротко: «Аз, буки, ве-ди, глаголь».

Следующие две парты насаждены были учениками, изошравшимися над выведением букв на аспидных досках; далее сидели изучившие премудрость первых парт на песке и камне и потому снабженные бумагой; с шестой или седьмой парты начинались слоги и т. д.; последняя парта занималась изучением деления и молитв.

Судьба благоприятствовала мне, ибо я попал сразу на девятую парту, в противном случае можно было при самых лучших «способностях, прилежании и успехах» просидеть тут ровно 13 лет и дойти только до познания деле-

ния простых чисел. Нужно было ждать, когда заблагорассудится господину преподавателю проэкзаменовать вас и перевести на высшую по познанию парту под руководство нового старшего, а то просидишь на одной и той же скамье ровно год, до общих экзаменов. Судя по возрасту некоторых моих товарищей, можно было положительно сказать, что со дня их поступления в школу миновал давно срок земской давности.

Но все-таки самолюбие мое страдало, я рассчитывал непременно поступить в уездное, а не приходское училище, а потому недели через две объявил дома, что я все знаю, чему учат в приходском училище, и что мне нечего в нем делать. Отец отправился к штатному смотрителю и просил перевести меня в первый класс уездного училища, что беспрепятственно, без соблюдения каких-либо формальностей, и было сделано, едва ли не в видах того, что отец мой был в то время единственный чиновник, решившийся отдать своего сына в училище, где были только дети солдат, мещан, разночинцев и горнозаводских урядников и мастеровых. Таким образом, осенью 1853 г. я очутился в первом классе уездного училища, отличавшегося от прочих четырехклассным курсом и преподаванием сверх общих этим училищам предметов физики, латинского, немецкого и французского языков, «коммерческих и горнозаводских наук».

В описываемое время горнозаводской город Екатеринбург имел свою особую физиономию. Во главе местной аристократии стояла тесно сплоченная кучка горных инженеров, дававшая всему тон, гордая в своих отношениях к остальным городским жителям; в полном ее подчинении и рабской зависимости находилась масса мелкого служилого люда, начиная с кондукторов и кончая урядниками третьей статьи. Несмотря на образованность, большинство горных инженеров не различало казенного сундука от своего; управление заводами и хозяйство было ведомо так, что деньги широкой волной шли в карманы заправил; это однако же не мешало донельзя строго относиться им к крепостному заводскому рабочему. Этого несчастного подвергали телесным наказаниям за всякую безделицу. Ежедневная экзекуция рабочих происходила как раз против здания училища, и дети были свидетелями, как били их отцов.

Уездное училище было наполнено преимущественно детьми заводских рабочих. Полосование спин их отцов, конечно, не вселяло им нежных чувств вообще к начальству⁶. Под такими впечатлениями гнета и телесной грубой расправы, порицать которые отцы, разумеется, не стеснялись при своих детях, грубели и озлоблялись сердца и отцов, и детей. Поступив в школу и встретив здесь подобные же беспощадные порки для себя, дети оказывались в тех же условиях, как их отцы. Они тоже протестовали, как могли и умели. Язык их знал только одни грубые, лишенные стыдливости выражения, поступки и действия их отличались цинизмом, игры их носили печать жестоко-

сти. Любимейшим развлечением были войнишки с кутьехлёбами-бурсаками. Разбить морду, своротить скулу – вот заветная цель и стремления уездника⁷.

Каждый из учителей, сверх смотрителя, имел право сечения, уроков ежедневно было четыре, и некоторые товарищи, «не в сорочке родившиеся», в иной день как раз получали порку пятижды. Может показаться невероятным: в состоянии ли мальчик вынести такое истязание, каждый раз оканчивавшееся 20–50 ударами? Смее заверить, что это возможно: хотя и не испытал я это в полной мере, но имел разительные тому примеры в товарищах. Вместе со мной поступил в училище Старков, которого недели через три уже разложили на пол. Сек его учитель немецкого языка, известный у учеников под именем Коровий Язык. Этот педагог замечателен был тем, что в течение года спрашивал «уроки» сознательно не более трех-четырех раз, остальное же время ходил из угла в угол и иногда вслух о чем-то про себя рассуждал. Отвечающие урок ученики произносили что им угодно, так что, несмотря на зверский нрав Коровьего Языка, находились смельчаки и твердили вслух вместо урока вирши, сочиненные в училище и оканчивающиеся словами крайне неприличными.

Но если Коровий Язык принимался не на шутку спрашивать «уроки», то дело оказывалось чрезвычайно печально для учащихся, тем более что никто никогда не готовил уроков, рассчитывая на то, что учитель «не будет заниматься». В какие-нибудь четверть часа весь класс стоял на коленях, приготавливаясь к обыкновенной расправе. Являлся сторож с пучком розог, и все до единого получали порядочную долю лоз.

...Как ни умолял и ни упрашивал бедный мальчик, его разложили. Его непривыкшая к подобным видам кожа не могла долго противостоять ударам. Боль была выше сил. Он не мог улежать на полу и вскочил. Взбешенный непокорностью, Коровий Язык выхватил у сторожа розги, а Старкова разложил снова на пол, усадил на ноги сторожа, а за голову велел держать двум ученикам посильнее. И пошла страшная собственноручная экзекуция. Ни стоны, ни мольбы о помощи, ни эпитеты золотого и серебряного, придаваемые имени свирепого педагога, не могли остановить его ярости; наконец, «высыпав» штук 80, учитель почел себя удовлетворенным; его брюки и сюртук были в крови.

Так вот, этот самый Старков, на долю которого после «крестин», выражаясь языком учеников о первой порке, посыпались многочисленные перуны гнева разного училищного начальства, до того притерпелся впоследствии к этой операции, что, вынеся ее, преспокойно вставал, подстегивал брюки и садился как ни в чем не бывало; ни одной слезы, ни одного крика, только лицо красное. Такая закаленность совершилась на моих глазах. Были и другие, достигшие такого состояния до моего еще поступления.

Система преподавания мало чем отличалась у других учителей от системы Коровьего Языка. Одни драли больше, другие меньше.

Так, география и история преподавалась маленьким, тощеньким человеком, носившим прозвище Серафима. Путь изучения начертался ногтем по учебнику Ободовского, второй – Кайданова. Первая вдобавок преподавалась еще особым образом.

В классе висело по числу стран света пять «немых ландкарт». Ученики разделялись на пять частей, во главе каждой стоял старший, атрибутом которого была палочка для указания на карте. Каждый из таких отрядов шел завоевывать знание какой-нибудь части света по немой карте и образовывал вокруг ее полукруг, в центре становился старший. Это называлось «стояние на Европе, Азии, Африке» и т. д. Изучение начиналось вдруг во всех пяти частях света. В одном углу слышалось: «Альпийские, Аппенинские, Балканские...», в другом – «Борнео, Суматра, Целебос, Нипон, Манилия, Минданао...» С одной стороны раздавалось: «Амазонская, Миссисипи», с другой: «Мадагаскар»... Серафим летал из угла в угол под это оглушительное географическое пение. Порол он меньше других, потому уездники его не боялись и с половины уже урока затягивали в несколько хоров доморощенные песенки, для каждой части света особые.

Но всего замечательнее шло преподавание русского языка чахоточным и злым семинаристом Чугункой.

Изучение русской грамматики по сокращенному курсу Востокова в первых двух классах шло обычным в училище порядком: ноготь, порка, порка, ноготь. Но начиная с третьего класса картина принимала совершенно иной вид. Чугунка в последние два года налегал исключительно на практику. Он постоянно в третьем и четвертом классах первую половину урока занимался диктовкой; вторая посвящалась исчислению ошибок и мероприятиям против оных.

Исправленные учителем тетрадки подкладывались одна под другую, начиная с менее ошибочной. Посол отправлялся за сторожем. Конечно, последний являлся с розгами. Всякий из учеников получал удары наполовину от числа ошибок; сверх того, ученик, коему не посчастливится поставить предлог слитно или раздельно там, где того или другого требует грамматика, получал особо «пятьдесят горячих». Следовательно, было так удобно дело обставлено, что каждый после счета ошибок с достоверностью знал, сколько получит ударов. Так шло дело в течение первого полугодия третьего класса; затем второе полугодие третьего класса и первое четвертого влекли за собою столько ударов, сколько сделано было ошибок, сверх пятидесяти горячих предложных. В течение полугодья пред выпуском порции усиливались: за каждую ошибку причиталось две розги, а пятьдесят горячих за предлоги своим чередом. Таким образом, всякий обучавшийся в уездном училище под-

вергался бесчисленному сечению при изучении русской грамматики и очень хорошо помнит, какую важную роль играют в ней предлоги и чем они управляют.

Преподавание остальных предметов плелось вяло и напоминало то одно, то другое из описанных мною. Единственное исключение составлял преподаватель математики и физики. Этот человек любил свой предмет, увлекался опытами и увлекал отчасти нас, сёк чрезвычайно редко и легонько.

До сих пор я говорил только об учителях и не касался главного начальника училища – штатного смотрителя. Этот толстый, плотный смотритель был в полном смысле начальник. Он был строг, лишнего никогда ничего не говорил, хотя не придерживался этого правила в отношении употребления розог. Всякие разбирательства по жалобам учителей, всякие проступки, совершенные огулом, целым классом, или такие, где нельзя открыть, по крайней мере вначале, главного виновника, составляли предмет его ведомства.

Само собою разумеется, уездники, с своей стороны, старались отплатить начальству чем могли. Рассказывали, например, что за несколько лет перед моим поступлением в училище Коровий Язык был гораздо свирепее и требовал, между прочим, чтобы по окончании классов никто из учеников не смел выходить раньше его. Нужно заметить, что училище помещалось во втором этаже; колокол, возвещавший перемены уроков и выход, висел над лестницей у выходных дверей. Обязанность звонить составляла привилегию учеников 4-го класса, где имелись и часы для этого. Ученики сговорились проучить Коровьего Языка. Набросали перед выходом гороху на лестницу. Ударили в звонок. Коровий Язык медленно и с важным видом оделся и отправился к дверям. Ученики, в числе которых были даже при мне еще великовозрастные мужи лет 24–25-ти, следовали тесной стеной за ним; как только он отворил дверь, стена наперла. Коровий Язык поскользнулся и пошел считать затылком ступеньки. Ученики не дремали; их и след простыл, когда Коровий Язык поднялся на ноги. Никакое разбирательство не могло открыть виновных; а Коровий Язык с тех пор никогда не торопился выходить первым.

Кроме такого, так сказать, активного протеста против начальства был еще протест иного рода, протест пассивный, если можно так выразиться. «Дери, дескать, сколько хочешь, а я все-таки отобьюсь от рук».

Ученики уездного училища любили лес и, хотя многие из них могли просто не посещать классов, оставаясь дома, считали необходимым «бегать» от уроков в лес. Охотников на это всегда было много. Любимым местом таких «бегающих» были так называемые залеvy, т. е. места в разливе реки, потопляемые водою. «Беглец», боявшийся и училищного начальства, и домашнего, утром отправлялся на залеvy (ударение на «е». – Б. Ш.) и возвращался домой в урочный час выхода из училища. Это называлось на языке уездников «открывать Америку». Всякий из Колумбов, рано или поздно, получал

за эту услугу перед человечеством должное возмездие из рук родителей, или наставников, или обоих вместе. Но стремление открывать Америку от этого не прекращалось.

Захвативши с собой ёдова, забравшись на залевы или на один из островов в малиннике, лежишь себе на траве – и весело, и боязно; идешь домой – лихо-радка бьет, а на другой день опять тянет туда же.

Открывая Америку, получая пятьдесят горячих на предлоги и по разным другим не менее уважительным причинам, я добрался, наконец, до 4-го класса и ожидал уже выпуска. Судьбе не хотелось, видно, отпустить меня в свет с одними только наставлениями ближайшего училищного начальства, ей нужно было, чтобы все это было увенчано рукою высшей учебной власти. В феврале 1858 года в Екатеринбург явился директор училищ Г., как говорили, действительный статский советник и кавалер, переименованный в этот чин из военных за злоупотребления по командованию каким-то батальоном. Его превосходительство пожелало ознакомиться с познаниями учеников, в особенности последнего класса. Так как оно, превосходительство, чувствовало себя сильным в русской грамматике, то прежде всего она и выплыла на сцену. Умершего к этому времени Чугунку заменил молодой преподаватель, сын местного чиновника. Началась какая-то диктовка, какой-то разбор; всему этому предшествовала ужасающая душу учащегося суровость взглядов главного начальника, вытянутые физиономии и руки не только учителей, стоявших поодаль, но и самого грозного смотрителя, представлявшегося нам таким чиновником, выше которого нет и который никого в свете не боится, производили на нас необычайное впечатление. В глазах и голове у меня помутилось, я писал, не сознавая, что пишу, наконец, соврал, или это так показалось его превосходительству. Последовал ужасный удар кулаком в доску, какой-то крик, который я не мог разобрать; какой-то вопрос, на который я дал какой-то ответ, вызвавший еще большую бурю, в разгар которой его превосходительство, несмотря на свою старость, подскочил ко мне и начал уснащать плюхами. Я лишился чувств.

Когда я пришел в себя, его превосходительства уже не было; около меня суетились с водой смотритель и учитель русского языка. Мне так были горьки эти плюхи, что я зарыдал, а смотритель начал утешать меня, что это ничего – пройдет, «его превосходительство разгорячились».

Все это как бы нужно было директору, ходившему, как рассказывали, на педагогические советы и в губернскую гимназию в халате и с трубкой в зубах, для того чтобы показать свою власть. Как только он убедился, что его боятся, даже падают в обморок, с него было достаточно. Проверку знаний остальных предметов он почти не производил, посидит минуты три при вопросах учителя и уйдет; только раз задал сам вопрос и сам же на него ответил, ибо спрошенный не сумел ответить. Речь шла о благородных металлах.

– А почему они называются благородными? – задал вопрос директор.

И, не получив ответа, добавил: потому что металлы имеют свой особый запах.

В конце концов его превосходительство осталось довольно всем и даже русской грамматикой, потому что преподаватель ее устроил отличнейший обед, за которым директор рассказывал, как он плюхами угощал ученика, что доставило ему удовольствие немного меньшее, чем самый обед.

Налетевший шквал увезен был в кибитке. При расставании все были довольны: знак, что ревизия сошла благополучно. Столь же благополучно мы, четырехкурсники, окончили курс и получили печатные аттестаты, в коих значилось, между прочим, что на основании такой-то и такой-то статей сво-да законов получивший аттестат освобождается от телесного наказания; значит, училище отсчитало на долю каждого из нас достаточную дозу его на всю жизнь. По крайней мере меня, 12-летнего мальчугана, более всего это занимало и даже действительно послужило однажды к освобождению от порки.

Отец за что-то хотел меня наказать, я энергически воспротивился, ссылаясь на аттестат. Это рассмешило отца, и на этот раз кожа моя осталась целою.

И мнилось мне тогда, что аттестат разделил мою жизнь на две половины: первую – когда меня беспрестанно драли, и вторую – когда меня уже не будут драть⁸.

¹ См.: Шостакович Б. С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII в. – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 175–204. В настоящем очерке предложено краткое изложение истории жизни и деятельности Б.-А. Шостаковича по указанной статье. Далее отдельных конкретных отсылок на нее не дается.

² Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. 1958. С. 347.

³ Шостакович Б. С. Указ. соч.

⁴ Публикуется по рукописи из семейного архива С. В. и Б. С. Шостаковичей... Л. 1 об. – 12.

⁵ Говоря о поляках, сосланных в Екатеринбург за «тридцатый год», Б.-А. Шостакович подразумевал, что такое наказание все они понесли за участие в польском Ноябрьском восстании 1830–1831 гг. При этом же, однако, не до конца ясен смысл поставленного мемуаристом в связь с отмеченным переводом в Екатеринбург по службе его собственного отца. Публикатор высказывает предположение, что едва ли это могло быть простой оговоркой. Видимо, мемуаристу было что-то известно о причастности отца, Петра Шостаковича, в пору его юности к Ноябрьскому восстанию (возможно, по неким не слишком афишируемым семейным сведениям). Данные о службе П. М. Шостаковича по медицинскому ведомству, в том числе и о его перемещениях по этой казенной линии, изучение которых некогда было начато автором этих строк, по-прежнему нуждаются в будущем сводном аналитическом осмыслении и обобщении.

⁶ В данном месте записок имелась следующая фраза, позднее вычеркнутая мемуаристом: «...[полосование спин отцов, конечно, не вселяло им] любви к своему начальству, а, напротив, возбуждало страстное желание напасть на как-нибудь ему; это было делом первой необходимости и нравственного удовлетворения». Л. 4 об.

⁷ Так в обиходной речи именовались ученики уездного училища.

⁸ Текст начальных глав воспоминаний Б.-А. Шостаковича в данном месте обрывается.

Кунгурская земля стала родиной для представителей многих народов, в том числе и для поляков. Одной из страниц истории Кунгура является жизнь и деятельность представителей семьи дворянина Палладия Григорьевича Андрузского (?–1919). Некоторые исследователи считают, что он не относился к категории ссыльных. Его имя не встречается в списках ссыльных поляков, но тем не менее его жизнь и история его семьи интересны для нынешнего поколения.

В 1870 г. Палладий Григорьевич Андрузский служил помощником акцизного надзирателя V округа. В обязанности коллежского асессора П. Г. Андрузского входила выдача патентов для трактирных заведений¹. Благодаря «доносам» унтер-офицера Шумыло и сохранились о Палладии Григорьевиче документы. Так, 13 апреля 1873 г. Шумыло рапортует из села Березовка: «Акцизный надзиратель по Кунгурскому уезду Андруцкий (так указано в документе. – Л. Е.) проездом 16 марта через с. Березовку остановился ночевать в моей квартире. И в продолжительных разговорах, как то: о правительстве, о политике и т. п., – Андруцкий сказал, что в деле бывшем – Нечаевском заговоре – замешан старший сын Великого князя Константина Николаевича – Николай, который отправлен из СПб в Сибирь во время Ирбитской ярмарки через Кунгур под именем какого-то Берга»².

В засыленской части Кунгура, на улице Миннинской, стоял дом, принадлежавший ранее купеческой жене Е. А. Мельниковой. В 1879 г. это домовладение – двухэтажный каменный дом с флигелем и лавкой – приобрел за 5000 рублей П. Г. Андрузский. Особняк, построенный в традициях классицизма, сохранился до наших дней. На усадьбе, во дворе дома, был построен корпус пивоваренного заведения. В 1889 г. все домовладение оценивалось в 2300 рублей. Пивоваренный завод Андрузского производил пиво, которое продавали не только в Кунгуре, но и в Ижевске, Самаре. В 1890 г. П. Г. Андрузский заложил домовладение в Ярославско-Костромской земельный банк сроком на 18 лет и 7 месяцев³.

Женой Палладия Григорьевича стала Франциска, младшая дочь австрийского подданного Александра Краузе.

Австрийский род Краузе стал российским в XVIII в. Один из предков Краузе получил грамоту от Петра I на строительство заводов в России. Но впоследствии русские купцы забрали эту грамоту. В XIX в. братья Краузе – Александр и Иван – уже владеют колбасным, сыроваренным и спиртовым заводами в селе Тюш Кунгурского уезда (ныне Октябрьский район)⁴. В метрических книгах Николаевской церкви Тюшевского завода за 1882 г. есть

запись о смерти «австрийского подданного Ивана Христофоров Краузе, римско-католического вероисповедания», которая случилась 27 апреля 1882 г.⁵. Возможно, это был брат Александра Краузе.

Александр Краузе имел сына Фердинанда (1848–?) и трех дочерей: Терезию (1853–?), Софию и Франциску⁶. Старшая Терезия не была замужем, и в 1881 г. она была крещена в Преображенской церкви Кунгура как Таисия Александровна из римско-католической веры в греко-российскую⁷. Впоследствии она помогала воспитывать свою племянницу Анну Фердинандовну. Все домочадцы ласково называли ее «бабушкой». Сын Фердинанд Александрович был женат дважды. 11 мая 1880 г. он женился на дочери мещанской вдовы Тюшевского завода Екатерине Ивановне Ворониной (1854–?)⁸. У них родились дочь Анна Фердинандовна (старшая) и сын Михаил. Оба они жили и умерли в селе Тюш. От второй жены у него был сын Франц и дочь Анна Фердинандовна (младшая), которая после смерти родителей жила в семье Ивановой Марии Палладьевны⁹. Анна Фердинандовна вспоминала впоследствии: «Ты интересуешься, откуда взялась наша фамилия, напишу тебе, что знаю от моей бабушки (это была старшая сестра моего папы, она была старая дева и всю жизнь жила с папой, а нам была бабушкой). Она говорила, что наши предки при каком-то дворцовом перевороте были вынуждены бежать из Австрии в Россию к Петру I. Он их хорошо принял, дал им какую-то бумагу (на монополию), и они на Урале занимались строительством заводов, но русские купцы эту бумагу у них выкрали, как она говорила. Мои предки управляли заводами в Тюше. Река Тюш течет по равнине меж высоких гор, покрытых лесом. Очень красивая местность. Там были сыроваренный завод, колбасный завод и громадный спиртовой. Спирт продавался по всей России, туда приезжали представители из разных мест, все там были дворяне, и вот однажды приехал в Тюш Палладий Григорьевич Андрузский, познакомился с семейством Краузе и влюбился в одну из дочерей – Франциску (тетю Франю, как мы ее называли). Они поженились и уехали в Кунгур, жили в угловом двухэтажном доме. У них были два сына и четыре дочери. К нам в Тюш многие приезжали, а тетя Франя жила у нас всю революцию и в голод. Я ее хорошо помню, она была очень толстая, а потом, когда мои родители умерли, ее дочь Мария Палладьевна приехала в Тюш и увезла меня в Кунгур. Там я училась и росла вместе с Толей. Когда мы поженились, Толя взял мою фамилию, наверное, ты знаешь почему, вот так и появилась наша фамилия. Вторая дочь тети Франи Александра Палладьевна вышла замуж за Долгушева Д. К., он был учеником в фотографии Анастасия Палладьевича (ее брата), а потом стал владельцем. Почему она вышла за него замуж, долго объяснять...»¹⁰. Сын Фердинанда Александровича Франц Фердинандович имел сына Антония Францевича. Его женой была Матрена Тихоновна Панкова. Супруги имели детей: Виктора (1907–1985), Владимира (1910–?)¹¹, Клавдию (1912–1980). Антоний Франце-

вич был сапожником. В годы первой русской революции 1905–1907 гг. прятал у себя на квартире членов группы социал-демократов, в том числе художника В. В. Журавлева¹²...

Линия Виктора Антониновича прослеживается в Кунгуре. Он был участником войны, работал на кожкомбинате. С женой Анной Сергеевной они воспитали сына Анатолия (1933–2004) и дочерей Ларису (1942–1999), Валентину (1945 г. рождения). У Валентины Викторовны Краузе-Беляевой есть дочь Татьяна, сын Сергей и внуки. Живут потомки Франца Фердинандовича Краузе в Кунгуре, Перми, Барнауле¹³.

Младшая дочь Александра Краузе Франциска (Христина, Фаня) Александровна была женой П. Г. Андрузского. В браке у Палладия Григорьевича и Христины Александровны родились дети: Мария (?–1942), Анастасий (1872–1937)¹⁴, Надежда (1873–?)¹⁵, Александра (1875–1925)¹⁶, Глафира (1877–?)¹⁷, Петр (1879–?)¹⁸, Лидия (1881–1906)¹⁹, Вера (1883–?)²⁰.

Мария Палладьевна Андрузская была замужем дважды. Первым ее мужем был сын осинского купца первой гильдии Ф. П. Чердынцева – Ф. Ф. Чердынцев. В Кунгуре купцы Чердынцевы держали конный трактир, склады для хранения пива, которое они продавали. После смерти мужа Мария Палладьевна вернулась в Кунгур. Здесь она вышла замуж за Иванова Василия Ивановича. Он окончил Московское Строгановское центральное училище технического рисования в звании ученого рисовальщика.

В 1890 г. Иванов В. И. имел звание надворного советника. В этом же году он приехал в Кунгур и преподавал чистописание и рисование в Кунгурской женской прогимназии. А затем с 1897 г. по 1908 г. преподавал рисование и геометрическое черчение в Кунгурском техническом училище²¹.

В 1902 г. П. Г. Андрузский, отец Марии, подарил ей свою усадьбу и дом на Миннинской улице с условием, что долг перед Ярославско-Костромским банком переходит новой владелице. М. П. Иванова и ее наследники сдавали дом в аренду. Владели они особняком до 1930 г. Впоследствии дом муниципализирован с формулировкой «добровольно сданное домовладение» с оценкой в 26 530 рублей²².

В браке Ивановы имели детей: Анну (1896–?), Михаила (1898–?), Веру (1900–?), Александру (1903–?), Владимира (1908–1959). Михаил Васильевич Иванов умер в Китае. Владимир Васильевич Иванов учился в Кунгурском машиностроительном техникуме, был одним из организаторов джаз-оркестра в Кунгуре.

В браке с Конюховой Верой Александровной у них родилась дочь Стелла, ее дети и внуки живут ныне в Приморском крае.

Дочери Анна и Вера Ивановы жили в родительском доме, работали учителями в Кунгуре. Анна Васильевна Иванова имела дочь Мережникову Евгению Борисовну, которая вместе с дочерью Мариной Степановной и внучкой

Анной живет в Оренбурге. У Александры Васильевны Ивановой с мужем Калугиным А. Г. было две дочери. Дочь Нина Анатольевна Петрова живет в Ульяновске и имеет трех сыновей и одну дочь. Один сын умер в младенчестве, второй, Георгий, имеет детей и внуков. Вторая дочь Александры Васильевны Кира имеет сына Сергея Алимовича Муратова и внуков. Вера Васильевна Иванова была замужем за Барсовым П. М. и имела дочь Екатерину²³.

Анастасий Палладьевич Андрузский (1872–1937?) учился в Кунгурском техническом училище. Был исключен с последнего курса за не сдачу экзамена по закону божьему. Вел активную революционную деятельность в первом марксистском кружке технического училища. В 1900 г. открыл фотографию в Кунгуре, где три года работал с сестрой Александрой. Затем пригласил Д. К. Долгушева (1872–1942), тот, женившись на Александре, стал равноправным компаньоном до 1907 г. Затем по состоянию здоровья продал фотографию Д. К. Долгушеву и уехал в Красноуфимск. С 1914 г. по 1917 г. вновь работал в фотографии Долгушева. Впоследствии жил в Ашапе, в деревне Богомолово Уинского уезда. С 1927 г. вновь жил в Кунгуре, работал на ульевом заводе, в фотографии «Объединение» артели инвалидов²⁴. Страдал болезнью Паркинсона. По всей видимости, был репрессирован в 1937 г. С женой Анной Федоровной (в девичестве Елшиной) у них был сын Михаил (1906–1942). Михаил учился в Кунгурском механическом техникуме. Затем он жил в Ленинграде, где умер в блокаду. По воспоминаниям современников, в 1940-х годах Анна Федоровна работала в одном из кунгурских детских садов и имела правительственную награду.

Надежда Палладьевна Андрузская (1873–?) была замужем за учителем Решетовым. Впоследствии он стал комиссаром народного образования в Чердыни и был брошен живым в шахту в Кизеле. В 1930-е гг. жила с дочерью в Перми²⁵. Дочь Надежды Палладьевны Решетовой Лидия вышла замуж за Иосифа Бруевича, и у них родились сын Андрей и дочь Наталья²⁶.

Александра Палладьевна Андрузская (1875–1925) была замужем за Дмитрием Константиновичем Долгушевым (1872–1942), уроженцем Вятской губернии. В Кунгур был привезен четырехлетним ребенком. Начинал учеником в фотографии А. П. Андрузского. В 1913 г. стал главой фирмы «Фотография Долгушева, бывшая Андрузского». Занимался созданием фотопортретов, сюжетных и видовых снимков. Был гласным Кунгурской городской думы в 1910–1914 гг. В 1912 г. был избран членом музейного комитета Кунгура. Он также был членом Комитета по разработке положения деятельности санитарного попечительства, впоследствии был членом этого попечительства²⁷. Д. К. Долгушев имел дом на Преображенской улице. У Долгушева и Александры Палладьевны было четверо детей: Борис (1903–1919?), Мария (1905–?), Ольга (1907–?), Анатолий (1909–1999). Анна Фердинандовна знала семейную тайну женитьбы Долгушева на Александре Палладьевне. Говорили о первой

любви Александры к художнику В. В. Журавлеву. В своих воспоминаниях художник Журавлев писал, что для фотоателье он выполнял заказ, писал панораму города Кунгура. Борис, ученик Кунгурского реального училища, рос крупным мальчиком и трагически погиб подростком. Анатолий Дмитриевич Долгушев был женат на своей дальней родственнице Анне Фердинандовне Краузе и взял ее фамилию. В 1926 г. начались притеснения Д. К. Долгушева. Сыну Анатолию не дают окончить техникум вместе со своей группой в 1930 г. Он сдает выпускные экзамены только через год, сменив фамилию Долгушев на Краузе. У Анатолия Дмитриевича и Анны Фердинандовны было двое детей – Дмитрий и Александр.

У Дмитрия Анатольевича Краузе и его жены Марины Николаевны две дочери: Елена и Наташа. Наталья замужем за немцем по фамилии Брук и воспитывает сына Сергея. Елена вышла замуж за финна Вилен, и у них растет сын Кристиан. У Александра Анатольевича Краузе и его жены Маргариты была одна дочь, но она умерла в детстве. У Ольги Дмитриевны Долгушевой и ее мужа Валерия Александровича Праслова сын Борис Праслов (род. 1929). С женой Ниной Лаврентьевой они воспитали дочь Наталью Борисовну и сына Александра Борисовича.

Мария Дмитриевна Долгушева вышла замуж за Леонида Федоровича Голдобина. У них родились дети Елена и Анатолий. Леонид Григорьевич и Мария Дмитриевна в 1920-х гг. организовали в Кунгуре школу шоферов и преподавали в ней. Леонид Григорьевич как механик участвовал в строительстве Сылвенского моста. В годы Великой Отечественной войны он перегонял американские автомашины, поступающие по ленд-лизу.

Елена Леонидовна (1927–2007) с мужем Михаилом Александровичем Булатовым воспитали сына Игоря и дочь Ольгу. Есть внуки. М. А. Булатов – потомок другого фотографа Кунгура Ф. Е. Бушуева. Голдобин Анатолий Леонидович с женой Ниной Николаевной живут в Кунгуре. У них два сына и внуки²⁸.

Петр Палладьевич Андрузский (1879 – до 1934) тоже окончил Кунгурское техническое училище. Он активный участник Мотовилихинского вооруженного восстания в Перми, сидел в тюрьме. Жил в Казани. Участник Первой мировой войны в чине офицера. Его привезли домой с ногами, пораженными ревматизмом. Работал директором школы по обработке дерева²⁹.

Лидия Палладьевна Андрузская (1881–1905) окончила Кунгурскую гимназию в 1896 г. при отличном поведении, с наградой³⁰. Была народной учительницей. Работала в Филипповской школе. В 1903 г. поступила на Высшие женские курсы в Петербурге. Занималась революционной деятельностью, 9 января 1905 г. принимала участие в шествии к Зимнему дворцу, во время которого была ранена в ногу. По воспоминаниям современников, она получила задание от кунгурских революционеров по уничтожению го-

родского исправника Ширяева. Испугавшись репрессий в отношении родных после исполнения ею приговора, она покончила жизнь самоубийством в апреле 1905 г. Из воспоминаний Марии Дмитриевны Долгушевой: «Лидия Палладьевна поздно вечером ушла в комнату, откуда вскоре раздался выстрел. Д. К. Долгушев увидел, что Лидия падает. Она выстрелила себе в висок. Это было в здании фотографии. Ее хоронили студенты. Всю дорогу ее гроб несли на руках, и хор пел «Иже херувима». По сторонам ехали жандармы на лошадях. На кладбище они стояли коридором. Ее похоронили на Всехсвятском кладбище. В доме Андрузских проходили обыски. Весь дом был оцеплен жандармами. Трехмесячную дочь Долгушевых Марию даже вытряхнули из пеленок, но ничего не нашли. Нелегальную литературу Лидия Андрузская и ее брат Петр Палладьевич прятали в конторке у отца Палладия Григорьевича, где были потайные ящики...»³¹.

Вера Палладьевна Андрузская (1883–?) была замужем за профессором Казанского университета Бабушкиным и жила в Казани³². У нее было два сына.

¹ Журналы Кунгурской городской думы за 1876 год. Кунгур, 1877. С. 6.

² Лапшина С. Т. Кунгур как место ссылки. Пермь, 2009. С. 18.

³ Ренева О. А. Кунгур. Хроники старых домов. Кунгур, 2007. С. 103–104.

⁴ Сведения сообщены М. А. Булатовым.

⁵ Архивный отдел Октябрьского муниципального района. Ф. 87. Оп. 1. Д. 10. Л. 163 (об.) – 164.

⁶ Там же. Л. 209 (об.) – 210.

⁷ Кунгурский государственный архив (далее КГА). Ф. 202. О. 2. Д. 17. Л. 468.

⁸ Архивный отдел Октябрьского муниципального района. Ф. 87. Оп. 1. Д. 11. Л. 180 (об.) – 181.

⁹ Сведения сообщены М. А. Булатовым.

¹⁰ Сведения сообщены А. Ф. Краузе в письме к Б. Праслову.

¹¹ КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 47. Л. 13.

¹² Скрипов М. П. Века под гнетом. Научный архив музея-заповедника № 256. Л. 6.

¹³ Сведения сообщены В. Я. Краузе.

¹⁴ КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 8. Л. 320.

¹⁵ КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 9. Л. 477.

¹⁶ КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 11. Л. 417.

¹⁷ КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 13. Л. 433.

¹⁸ КГА. Ф. 202. О. 2. Д. 15. Л. 388.

¹⁹ КГА. Ф. 202. О. 2. Д. 17. Л. 468.

²⁰ КГА. Ф. 202. О. 2. Д. 19. Л. 456.

²¹ Журавлев В. В. Автобиографические заметки. Научный архив музея-заповедника № 324.

- ²² Ренева О. А. Кунгур. Хроники старых домов. Кунгур, 2007. С. 103–104.
- ²³ Сведения сообщены С. В. Дубина.
- ²⁴ КГА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–4.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Сведения сообщены М. А. Булатовым
- ²⁷ ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 48. Т. 2. Л. 84.
- ²⁸ Сведения сообщены М. А. Булатовым.
- ²⁹ КГА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–4.
- ³⁰ КГА. Ф. 585. Оп. 2. Д. 17. Л. 49 (об.).
- ³¹ Воспоминания М. Д. Долгушевой.
- ³² КГА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–4.

ПОЛЯКИ-ВРАЧИ, СОСЛАННЫЕ НА УРАЛ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863 г., И ИХ ПОТОМКИ

Л. В. Рябухо
Екатеринбург

Восстание 1863–1864 гг., охватившее территории Царства Польского, Литвы, Западной Украины и Белоруссии, является одним из важнейших событий как российской истории, так и истории соседних, ныне независимых государств, в первую очередь Польши.

Основным видом репрессий по отношению к участникам восстания 1863–1864 гг., или, как его называли, Январского восстания, стала ссылка в отдаленные места Российской империи, которая достигла самых больших размеров после подавления восстания. По разным источникам, в Сибирь за три года было отправлено от 18 до 22 тысяч польских патриотов, а всего с территории Царства Польского и западных губерний было выслано свыше 40 тысяч участников Январского восстания. Многие из них так и не вернулись на родину, их судьба остается неизвестной потомкам.

В зарубежной и отечественной исторической науке давно наметился интерес к «микроистории», когда «героями» исследования становятся не народы, классы или социальные группы, а «простые» люди, находящиеся на разных ступенях общественной лестницы.

Во второй половине XIX в. на Урале и в Сибири было недостаточно людей, которые могли бы работать врачами, учителями, чиновниками высшего ранга. Сосланные поляки, среди которых было много интеллигентных, образованных людей, существенно повлияли на развитие края. Известный специалист по истории Польши, доктор исторических наук Владимир Дьяков в одной из своих статей писал: «Заметный след в сибирской жизни и благодарную память у местного населения оставили в XIX в. ссыльные врачи». По разным причинам врачи оказались сосланными на Урал. О некоторых из них удалось найти интересную информацию в уральских, а также в польских источниках. Собранный материал представлен в виде словника.

Барановский Антон(ий) Викентьевич (1821?–1874)¹, врач, окончил Вильненский университет. После польского мятежа поселился на Урале, с 1870 г. работал в Красноуфимске земским врачом. С 1872 г. был заведующим Нижнесергинским санитарным участком, сформированным во время эпидемии чумы, слыл в округе «большим любителем ботаники»². Со 2 сентября 1873 г. становится членом Уральского общества любителей естествознания³.

В 1873 г. он познакомился с О. Е. Клер, который в своем отчете так описал их первую встречу: «Квартира его была настоящим музеем... Особый интерес вызвал гербарий, собранный преимущественно в окрестностях Красноуфимска, а также в дачах Михайловского и Нижнесергинского заводов. Он

содержит значительное число таких растений, которые никогда не встречались мне на восточном склоне Урала. Этот гербарий представляет драгоценный материал, имеющий важное научное значение»⁴.

Тогда, на встрече, А. В. Барановский и выразил желание стать членом УОЛЕ. Он подарил обществу свой гербарий красноуфимской флоры, состоявший из 1000 видов растений. В конце 1873 г. он прислал для напечатания в «Записках УОЛЕ» свою статью о пещере Дружба. Неизвестно, увидел ли Барановский опубликованной свою статью. Перед смертью он завещал весь свой «минералогический, хирургический и ботанический кабинет, а также книги и рисунки Красноуфимскому реальному училищу»⁵. Красноуфимское земство выплатило семье покойного 3200 рублей за его уникальные материалы.

Вышинский Владислав Сильвестрович (1835–1894), из дворян, врач, сын врача. В 1862 г. он окончил Киевский университет. За участие в подготовке Январского восстания 1863 г. был выслан в Енисейскую губернию на жительство. В Тобольск прибыл 20 июля 1864 г. Позже был выслан в Бронниковскую волость Тобольского округа. Из-за болезни переведен в Пермскую губернию, где с 1866 г. снова стал работать у А. Поклевского-Козелл в Талице Камышловского уезда. В летние месяцы 1867–1868 гг. из-за подорванного здоровья выезжал в киргизские степи на лечение кумысом⁶.

С 1870 г. он – земский врач Камышловского уезда⁷. В Журнале Камышловского уездного собрания за 1877 г. приведен его доклад, состоящий из трех отчетов, о которых в выводах собрания написано: они «...не только удовлетворяют требованиям, какие могут относиться к терапевту, но и представляют также несомненное доказательство того, что г. Вышинским обращено внимание на многое, что должно относиться к обязанностям чисто санитарного врача». Также в докладе он уделил место медицинскому образованию женщин. В приложении к своему докладу он пишет, что «для обобщения явлений соматической и психической жизни вверенного моему санитарному надзору народа не проведены анализы воздуха, воды, почвы и т. д.». Чтобы уметь работать с разными приборами при проведении этих анализов, необходимо поработать в гигиенических университетских лабораториях. Решено было отправить ценного специалиста в командировку на три месяца с сохранением содержания.

В. Вышинскому принадлежит открытие Курьинских и Алапаевских минеральных вод. С 20 сентября 1873 г. он был членом УОЛЕ. Известный в то время химик А. Дрездов в докладе, опубликованном в Журнале УОЛЕ за 1878 г., писал: «На Курьинские источники серьезное внимание обращено было лишь доктором В. С. Вышинским. В 1880 г. сам врач опубликовал результаты лечения в журнале «Вестник минеральных вод»⁸.

В 2004 г. московский ученый Владимир Васильевич Литовский в своей работе на соискание ученой степени доктора географических наук «История исследований географической оболочки на Урале» написал: «В 1870 году доктором В. С. Вышинским был проявлен повышенный интерес к терапевтическим свойствам Курьинских и Алапаевских минеральных вод. По классификации немецкого бальнеолога Зеемана (Seemann), вода была отнесена к разряду железисто-кислых минеральных вод и по составу оказалась очень близка к бельгийским водам «Ша» и баварским водам «Штебен»⁹. В Курье он также проводил лечение кумысом.

В 1875 г. В. С. Вышинский переехал в Екатеринбург, где три года работал земским врачом¹⁰. В 1882–1886 гг. он переехал в Варшаву и там организовал фирму по изготовлению кефира на основе грибков, получаемых с Кавказа. Но лечение кефиром не привилось, а однажды кто-то из недоброжелателей опубликовал под его именем статью, что кефиром он лечит и дифтерию, и многие другие болезни. В следующем номере редактор извинился за опубликование этой статьи, но В. Вышинский, возмущенный клеветой, решил вернуться в Россию и стал работать главным врачом Уральской железной дороги в Перми¹¹.

В январе 1890 г. в Екатеринбурге открылось Уральское медицинское общество. И снова Владислав Сильвестрович – активный член общества. В «Записках общества» за 1892 г. опубликована его статья о ходе борьбы с холерой. Во время эпидемии холеры в 1892 г. он не жалел своих сил в борьбе с ней и сам тяжело заболел. Умер В. С. Вышинский в 1894 г.

«Во вторник, 29 марта, в г. Перми скончался... полный еще силы и энергии старший врач Уральской железной дороги Вышинский В. С. Как врач он пользовался большим авторитетом среди своих коллег-медиков, и как администратор и человек... и для всех, кто имел случай обращаться к нему за помощью и советами... Главною же его заслугою мы считаем постройку по его инициативе и под его же непосредственным наблюдением образцовой больницы на ст. Чусовой и открытие Курьинских минеральных вод, целебная слава которых возрастает с каждым годом. Покойный, будучи польского происхождения и католиком, любя и уважая искренне свой народ, проживши долгое время в среде русских, относился к ним с полным уважением... отдавая им полную справедливость за благородство характера, душевное и сердечное отношение к ближним, и на смертном одре завещал своим детям относиться к русскому народу справедливо, без фанатизма, любить и уважать его. Вынос тела из квартиры покойного в католический костел совершен в четверг, 31 марта. Похоронное шествие было весьма торжественно... хор певчих, певший по-русски «Святыи Боже»... При отпевании присутствовали: его превосходительство г-н начальник губернии П. Г. Погодин,

начальствующие лица Уральской железной дороги и других ведомств, врачи и многочисленная публика»¹².

После В. С. Вышинского уездным врачом того же земства работал *Миссуно Франц Аполлинарьевич* (1834–1892), по-польски Франтишек Миссуна¹³. После окончания Московского университета он работал на Украине в имении Браницких.

За участие в восстании 1863 г. Ф. А. Миссуно был сослан в Усолье Иркутской губернии. Благодаря родственнику А. Ф. Поклевскому-Козеллу он оказался на Урале, в Талицком заводе Камышловского уезда, работал земским и заводским врачом. Как врач-практик он «пользовался широкими симпатиями и любовью среди местного населения... Сила его была не столько в знаниях, сколько в умении обращаться с больными... Было в нем и еще характерное качество, которое сильно выделяло его из ряда земских врачей и за которое должно быть признательно ему местное земство... Земское собрание не однажды предлагало ему за его труды довольно крупные денежные награды, но он или отказывался от них, или жертвовал на приобретение каких-либо новых инструментов для своей участковой больницы. В 1887 г. земство сократило содержание врачам, сравнивая его с соседними земствами... И один только Миссуно, к его чести, не выразил никакого недовольства»¹⁴.

Франц Аполлинарьевич Миссуно скончался весной 1892 г. от пятнистого тифа. О нем как о враче и человеке долго помнили люди в уезде.

Михальский Иван Игнатьевич (1834–1899)¹⁵ работал врачом в Шадринске. «В город он прибыл не ранее 1868 г. В этом году умерла его первая жена Анна. Она похоронена на Фроловском кладбище, упраздненном в 1928 г. В 1890 г., будучи уже в преклонном возрасте, женился на молодой девице Ядвиге, жившей в г. Кургане. Она болела туберкулезом и умерла в Шадринске в 1896 г. По словам знавших Ивана Игнатьевича людей, он был чистокровным аристократом, похоронен в Шадринске. Надпись на высоком чугунном памятнике сделана по-польски»¹⁶.

Из формулярного списка о службе шадринского городского врача, лекаря, коллежского советника И. Михальского следует, что он «имеет орден святой Анны 2-й и 3-й степени, святого Станислава 3-й степени, серебряную медаль в память царствования императора Александра III, получает 600 рублей в год из доходов города Шадринска. Окончил полный курс наук в Императорском Дерптском (Тартуском. – Л. Р.) университете со степенью лекаря 25 апреля 1859 г. Утвержден уездным врачом 5 мая 1859 г., определен шадринским уездным врачом в ноябре 1871 г. Государь император соизволил пожаловать орден святой Анны 2-й степени в 1894 г.»¹⁷. Михальский был сослан за участие в польском восстании 1863 г., но материалов о том, за что и куда был выслан, не удалось найти.

Окинчиц Людвиг (Сигизмунд Фаддей) Фаддеевич (1835–1903) – дворянин Гродненской губернии, врач. О нем немало написано в современных пермских материалах, посвященных сосланным полякам. Хотелось бы привести несколько слов из некролога, опубликованного в 1903 г.: «...В 1863 г. он (Окинчиц. – Л. Р.) вместе со многими своими соотечественниками разделил общую участь – потерю Отечества... С 1870 г. он заведовал лечебными курортами, устроенными ранее доктором Щербаковым. Приобретя в собственность эту лечебницу, развил в ней лечение разных болезней чистым природным, а также сгущенным и разреженным воздухом, минеральными ваннами, кумысом и т. п. <...> Но не этим одним покойный снискал себе широкую известность. Он в течение 15 лет оказывал заводскому населению безвозмездную медицинскую помощь во всякое время. Поводом к новому взрыву теплых чувств послужил отъезд Людвиг Фаддеевич в Пермь в 1887 г. В поднесенном ему адресе можно прочесть: «Расставаться со знакомым, уважаемым человеком вообще тяжело, а в вас... мы утрачиваем... нашего благодетельного друга врача!..» И действительно, всякий, у кого еще не зачерствело сердце, скажет, что недаром прожита эта достойная всякого подражания жизнь! Наш долг подражать ей, что будет лучшим памятником незабвенной памяти Л. Ф. Пусть же будет... легка та земля, которая покроет его прах!.. Хотя эта земля и неродная для него, но и она будет уметь ценить людей, указывающих своею жизнью и целью, и смысл самой жизни!»¹⁸.

Похоронен Л. Ф. Окинчиц на Егошихинском кладбище в Перми рядом со старшим братом титулярным советником Владиславом Виктором Окинчицем, также сосланным за причастность к событиям 1863 г. и служившим врачом в Шадринске, позже – в Перми, где он и умер в 1891 г. в возрасте 63 лет.

Своим детям ссыльные старались давать хорошее образование – и, как правило, имели для этого возможности.

Адам Владиславович Окинчиц (?–1903), сын Л. Ф. Окинчица, также служил врачом¹⁹.

Людвиг Владиславович Окинчиц (1874–1942), старший сын Л. Ф. Окинчица, служил врачом в Суксунском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии. Он был известным врачом в России и за рубежом. Скончался в Ленинграде.

Сенкевич Эмиль Марьянович (1882–1953). В Красноуфимске и поныне известно имя этого врача²⁰. В ОМИМ (Областной музей истории медицины в Екатеринбурге) хранился фонд Э. М. Сенкевича, переданный женой его сына Зигмунда. Его отец Марьян Анастасьевич Сенкевич, дворянин Волынской губернии, был сослан за причастность к восстанию 1863 г. Сохранилось дело, произведенное в полевом военном суде, учрежденном в Житомире, о дворянине Марьяне Сенкевиче, осужденном за принятие содействия в мятеже. Часть материалов о нем собрала его внучка Кинга Эмильевна²¹.

Эмиль Марьянович – хирург-уролог, с 1946 г. – доктор медицинских наук. Он окончил Омскую гимназию, в 1905 г. – медфак Варшавского университета. Свой варшавский диплом подтвердил сдачей экзамена на «отлично» в Казанском университете. Стажировался во Франции. До 1909 г. работал объездным врачом в Пелыме, на севере Урала, где не только лечил вогулов, но и производил попутно их антропометрические измерения²².

С 1909 г. до 1918 г. Э. М. Сенкевич работал главным врачом в Красноуфимской земской больнице. Основываясь на опыте проведения 6000 операций, сделанных в Пелымской сельской и Красноуфимской земской больницах, написал интересную и полезную книгу для молодых врачей, не имеющих клинической подготовки по хирургии. Его ежегодные отчеты перед земской управой были настолько впечатляющими, что их публиковал Московский университет. Когда вспыхнула Гражданская война, он добровольно вступил в Красную армию, став полковым врачом. С 1930 г. и до конца жизни он работал в Екатеринбургской клинической больнице № 1²³.

Э. Сенкевич – автор 44 научных работ, 11 из которых изданы за рубежом на многих языках мира, имел музыкальное образование, возглавлял общество охотников в Красноуфимске. В журнале «Уральский охотник» опубликовано более 20 его охотничьих очерков, рассказов и статей, в которых Сенкевич открылся совсем с другой стороны²⁴.

В зданиях бывшей земской больницы Красноуфимска создан филиал Областного музея истории медицины (ОМИМ), где одна из комнат посвящена Э. Сенкевичу. Ежегодно летом в Красноуфимске проходит День памяти медицинских работников – уникальное мероприятие, которое отмечается с 1998 г. только в этом городе России. В десять часов утра в музее земской медицины зажигаются поминальные свечи и начинается молебен.

Сломовская Янина-Фелиция (1877–1952), врач Верх-Исетской больницы в Екатеринбурге, приехала в Россию ребенком и прожила здесь всю жизнь²⁵. В Енисейскую губернию был сослан ее отец. В 1924 г. в своей автобиографии она писала: «Отец был служащим страхового общества от огня, из дворян Киевской губернии, был поселенцем в Енисейской области в Сибири, куда был сослан в административном порядке с лишением всех прав за участие в польском восстании 1863 г. После многих амнистий он получил право въезда в Россию и в 1875 г. местом жительства избрал Екатеринбург». Ее мать – дочь Миткевича Здислава Иванова, дворянина Ново-Оршанского уезда Могилевской губернии, который участвовал в подготовке восстания, был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на 15 лет на каторжные работы в рудниках.

Далее Я. Сломовская пишет: «В раннем детстве я лишилась матери, пришлось зарабатывать уроками, и, наконец, сделав некоторые сбережения, в 1899 г. удалось выехать в Ленинград. В силу материальных условий и вслед-

ствие студенческих волнений только в 1909 г. окончила повивальный институт и женский мединститут, поступила врачом в Верх-Исетскую больницу. В 1913 г. получила от земства научную командировку и в течение трех месяцев была в Берлине. В 1914 г. – снова Верх-Исетская больница, в 1915 г., во время русско-германской войны, с подвижным хирургическим Горноуральским лазаретом выехала на юго-западный фронт... Через полгода вернулась опять в больницу... Работала ординатором хирургического отделения и амбулаторным врачом. Удочерила двух девочек-полек, которым в 1924 г. было 15 лет и 5 лет»²⁶.

Шишковский Иосиф (Теофиль) Феликсович (1854–1916), врач-ветеринар, ребенком приехал в Тобольскую губернию. Его отец Феликс Осипов 64 лет, из дворян, не утвержденных Геральдией. Он с семьей – женой Елизаветой, 61 года, и их детьми – был выслан после мятежа в 1864 г. в административном порядке из Гродненской губернии Брест-Литовского уезда за участие в политических делах.

И. Шишковский окончил Казанский ветеринарный институт со степенью ветеринара в 1878 г. По предложению пермского губернатора с 1 января 1881 г. утвержден земским ветеринарным врачом Соликамского уезда с правами службы по чинопроизводству. Позже он был переведен из Соликамского уезда и работал земским ветеринарным врачом Пермской губернии (жил в Талице. – Л. Р.). С 1895 г. служил в Тобольской губернии, в Семипалатинске. С 1896 г. – надворный советник.

И. Шишковский – автор публикаций в «Пермских губернских ведомостях» и «Тюменских губернских ведомостях», гласный Тюменской городской думы²⁷.

Оржешко Флорентин Феликсович, врач. Сослан «за бытность в шайке мятежников, лишен всех прав состояния и отправлен на водворение в Томскую губернию под гласный надзор полиции». Вместе с ним добровольно в ссылку последовала его невеста Хелена Милкевич, с которой он по дороге в ссылку обвенчался²⁸.

С 1870-х годов весомый вклад в развитие земской медицины Урала внесли польские врачи. Наша земская медицина только зарождалась, местных врачей было мало. Поляки, несмотря на потерю родины, до конца жизни были верны клятве Гиппократата. Девизом их жизни и работы были слова «Света другим, сгораю сам».

¹ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 34.

² Журналы Красноуфимского земства за 1874 г. Кунгур, 1880. С. 54.

³ Записки УОЛЕ, 1874. Т. 1. Вып. 2.

⁴ Журналы Красноуфимского земства... С. 54.

- ⁵ Записки УОЛЕ, 1874. Т. 1. Вып. 2. С. 153.
- ⁶ ГАПК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7243 б.
- ⁷ Записки УОЛЕ, 1873. Т. 1. Вып. 1. С. 141.
- ⁸ Szalejko P. Słownik lekazów. T. 5. Warszawa, 2000. S. 12.
- ⁹ Литовский В. В. История исследований географической оболочки на Урале: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. г. н. 53 с., библиогр. М., 2004. С. 49–53.
- ¹⁰ Журнал Камышловского земства за 1878 г. Ирбит: Тип. Е. С. Хитровой.
- ¹¹ Szalejko P. Słownik lekazów. T. 5. Warszawa, 2000.
- ¹² ПГВ, 1894. № 46. С. 5; Екатеринбургская газета. 1894. 3 апр.
- ¹³ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 148 (об.).
- ¹⁴ Екатеринбургская газета. 1892. № 16.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 12.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 790. Оп. 7. Д. 65.
- ¹⁷ ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1290.
- ¹⁸ Пермский край. 1903. № 644.
- ¹⁹ Труды Пермской ученой архивной комиссии за 1903 год. Вып. 6. Пермь: Типолитография губернского правления.
- ²⁰ ГАТО: Филиал в Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1010. Л. 4.
- ²¹ РГВИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 338.
- ²² ГАТО: Филиал в Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1010. Л. 29.
- ²³ ОМИМ. Ф. Сенкевича Э. М.
- ²⁴ Уральский охотник. 1924–1931.
- ²⁵ ГАПК. Ф. 37. Д. 610. Оп. 95. Л. 82.
- ²⁶ ГАСО. Ф. р-159. Личное дело Я. Л. Сломовской.
- ²⁷ ГУ ГАТО: Филиал в Тобольске. Ф. И-342. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.
- ²⁸ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1097. Л. 1.

ПОЛЯКИ НА УРАЛЕ

в советский период

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА в Прикамье в 1917–1920-е гг.¹

М. С. Каменских
Пермь

Реализация государственной национальной политики в России советского и досоветского периодов, как правило, была направлена на ассимиляцию и русификацию всего нерусскоязычного населения. Общественные инициативы, нацеленные на сохранение и развитие этнических культур, всегда либо подавлялись, либо находились под жестким контролем государства.

Практически единственный период в отечественной истории XX в., когда этнические сообщества имели свободу, относится ко времени 1917–1920 гг., когда в стране государственная власть была ослаблена. Как проходил процесс институционализации сообществ по этническому признаку и чем он завершился, можно проследить на примере польской этнической общности.

Принятое в 1917 г. постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» позволило регистрировать общества, не имеющие целью извлечение прибыли².

На основании этого документа польские беженцы, оказавшиеся в Пермской губернии, создали Филантропический польский комитет помощи беженцам, главными целями которого являлись помощь соотечественникам и организация возвращения беженцев на родину.

Установление советской власти, на первый взгляд, открыло новые возможности для различных этнических сообществ. С одной стороны, развал Российской империи вызвал полемику по поиску новых идентичностей для различных социальных групп (в том числе идентичность по этническому признаку); с другой стороны, пришедшие к власти политические силы, следуя принципам интернационализма, активно поддерживали инициативы по созданию лояльных национально-культурных сообществ³.

Большевики, делавшие в своей политике упор на работу с малыми национальностями, вели в таких организациях пропагандистскую работу и постепенно захватывали в них власть. Этот же процесс проходил среди поляков. На уровне страны в Петрограде при Совете народных комиссаров был создан Польский комиссариат и Союз беженцев, в состав которого вошли «три польские социалистические партии, рабочие клубы и левая часть военных

польских организаций»⁴. Этот орган, поддерживавший большевиков, вел координирующую работу с польскими беженцами по всей стране.

К сожалению, источников по данному периоду в Прикамье почти не сохранилось, отдельные сведения содержатся лишь в главном печатном издании того времени – «Известиях Пермского государственного исполнительного комитета». Судя по этим данным, большевики пришли к руководству Польским комитетом в январе 1918 г. На митинге 28 января, собранном сторонниками большевиков, членами Польской партии социалистов (ППС), разбирались вопросы перевыборов членов правления комитета и организации выезда на родину. На митинге присутствовало 200–250 человек.

Председателем комитета был избран лидер местного отделения ППС Кулешинский. Выступавший с докладом о бедственном положении поляков в Прикамье Грабовский предложил «довыбрать членов комитета на места выбывших и, по возможности, от рабочих, так как массы недовольны настоящим комитетом и обвиняют его в злоупотреблениях»⁵. Уже эта цитата свидетельствует о наличии борьбы представителей большевистской власти в польской общине с предыдущим руководством.

На митинге Кулешинский призывал признать власть Советов, а также создать в Перми польский комиссариат и совет беженцев по аналогии с Петроградом. «Когда у нас будет польский комиссариат и совет беженцев при губернском исполнительном комитете, мы выясним все злоупотребления, и если таковые будут, то виновные ответят перед судом (имеется в виду бывшее руководство комитета. – М. К.); не имея в руках никаких данных, мы тратим лишь попусту дорогое время», – сообщал в своем докладе Кулешинский. В результате позиция Кулешинского на митинге была поддержана большинством голосов, в комиссариат вошли социалисты Гузик, Цыранек, Мадуй, Вонсович, Грабовский и сам Кулешинский. Автор статьи о митинге сообщал, что по ходу события были те, кто «желали во что бы то ни стало сорвать митинг, как раз решающий дела в их пользу»⁶. Но серьезного противостояния все-таки не получилось. В результате по итогам митинга была принята резолюция следующего содержания: «Мы, принужденные беженцы Польши, Литвы, Белоруссии и Галиции, приветствуем 3-й съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от имени всех беженцев. Ввиду тяжелого экономического положения просим съезд помочь нам вернуться на родину и просим Совет народных комиссаров о приближении срока нашего возвращения»⁷.

Как видно, основная проблема, которая волновала польских беженцев в это время, была проблема их возвращения на родину. Большевики, пообещавшие им заняться этим вопросом, смогли завоевать их доверие и поддержку в период начавшейся Гражданской войны. Резолюция, предложенная на митинге, была «принята всеми голосами против двух кадетствующих студентов», – сообщается в публикации о митинге⁸. Подчинив на первом этапе сво-

ему влиянию возникшие общественные инициативы, на втором большевики вписали их в существующие органы власти.

Известно, что специально для решения проблем национальностей в структуре советского правительства был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) – единственный комиссариат, не дублировавший аналогичную структуру в царском правительстве, а принятая 3 ноября 1917 г., в соответствии с интернациональной идеологией большевиков, «Декларация прав народов России» уравнила в правах и статусе (вплоть до отделения) все народности страны. На местах национальные комитеты и отделы Наркомнаца имели разветвленную сеть местных национальных комиссариатов и отделов, организованных при губернских, уездных и городских советах, через которые Наркомнац осуществлял национальную политику. К концу 1918 г. в стране было создано уже более 100 отделов по делам национальностей в 20 губерниях.

На Урале, как и по всей России, в 1920-е гг. советская власть активно сотрудничала с различными национальными меньшинствами (нацмен). С 1918 г. в структуре губкомов, а с 1923 г. – окружкомов, существовали агитпропотделы, в которых действовали бюро нацменьшинств⁹. На этот орган возлагались функции по работе среди этнических сообществ¹⁰.

В начале 1920-х гг., как свидетельствуют данные архивов, при агитпропе Пермского губкома существовало и реально функционировало Польское бюро (Польбюро). Его деятельность также наиболее активно проходила в 1920–1921 гг.

По данным центрального Польбюро, в начале 1920-х гг. в Прикамье существовали польские секции в Перми и Кунгуре. В Перми функционировали один польский клуб, библиотека, две школы и детский сад с общим количеством обучающихся 70 человек¹¹.

В 1920 г. работа местных властей в отношении поляков, судя по всему, велась неудовлетворительно, поскольку агитпропотдел при исполкоме РКП(б) в 1920 г. требовал от Пермского губкомпарта «разъяснить, в чем причина препятствий, чинимых работе среди польских коммунистов и военнопленных»¹². Указанные ошибки в 1921 г. были исправлены. Так, в «Докладе пропотдела о работе бюро нацмен при Пермском губернском отделении РКП(б) за май-июнь 1921 г.» сообщалось, что в Польбюро «ведется распределение литературы по пароходным и железнодорожным пунктам, проведено три беседы для военнопленных поляков. Организован учком среди детей коммуны, проведено две беседы»¹³. Также сообщалось, что за 1921 г. Польбюро провело два общих собрания, три партийных, три заседания бюро и два митинга. Собрания коммунистов-поляков проводились еженедельно в 17 часов¹⁴.

Центральное Польбюро за 1921 г. выслало пермской секции 43 экземпляра литературы на польском языке¹⁵. Пермское Польбюро в начале 1921 г. от-

правило в Москву своего представителя Рута, «как знакомого с положением работы среди населения до организации бюро и после организации такового»¹⁶. Кроме Рута в протоколах Польбюро упоминаются секретарь Собинская и председатель Ютшенко. К сожалению, других сведений о работе Польбюро в Пермской губернии не сохранилось.

В 1923 г. работа бюро нацмен по всей стране практически была прекращена. В 1924 г. они были ликвидированы в связи с передачей вопросов внутренней национальной политики от Народного комиссариата по делам национальностей (сам комиссариат был расформирован) к Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК, который уже не имел необходимых ресурсов для ведения скоординированной национальной политики в рамках всей страны.

Данный исторический эпизод свидетельствует, что уже в первые годы советской власти многие стихийно возникшие общественные организации, сформированные по этническому признаку, быстро попадали под контроль органов власти и фактически становились подконтрольными ей, в связи с чем их дальнейшее развитие из-за отсутствия инициативы останавливалось.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX – начале XXI вв.».

² Постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» // Вестник Временного правительства. 1917. 21 июля.

³ Мاستюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI вв. М., 2013. С. 168.

⁴ Митинг польских беженцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. 1918. 17 февраля. С. 3–4.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь, 2001. С. 25; ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 577. Оп. 2. Д. 168. Л. 5.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 980. Л. 87.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 3. Л. 30.

¹³ ПермГАНИ. Ф. 577. Оп. 1. Д. 169. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 64–65.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 980. Л. 17.

¹⁶ ПермГАНИ. Ф. 577. Оп. 1. Д. 169. Л. 66.

УЧЕНЫЙ-СЛАВИСТ А. И. КОССОВСКИЙ В РОССИИ И ПОЛЬШЕ

А. В. Шилов

Пермь

Александр Иосафатович Коссовский принадлежал к числу представителей последней генерации дореволюционной российской научной интеллигенции, работавших на рубеже 1910–1920-х гг. в Пермском университете.

В этот период на процесс становления и развития Пермского университета, формирования его профессорско-преподавательского состава большое влияние оказал Петроградский (Санкт-Петербургский) университет. 12 июля 1916 г., по представлению министра народного просвещения Н. П. Игнатьева, Совет министров тогда еще Российской империи принял знаковое для России решение «в качестве подготовительной меры к созданию самостоятельного Пермского университета открыть с осени того же года отделение Петроградского университета в городе Перми»¹.

В течение 1916/1917 учебного года в Пермском отделении Петроградского университета при активном участии столичного учредителя были открыты 32 кафедры. Пермское отделение само выступало своеобразным «Петроградским мини-университетом»: те же факультеты – физико-математический, юридический и историко-филологический (за исключением факультета восточных языков). Комплектование пермского вуза преподавателями шло, главным образом, также за счет научно-педагогических кадров из Петрограда. По данным на середину 1917 г., из зачисленных в штат Пермского отделения 44 профессоров и приват-доцентов 26 человек были из Петроградского университета². Это была плеяда блестящих ученых и преподавателей с огромным творческим потенциалом: Б. Д. Греков, Н. П. Оттокар, Б. Л. Богаевский, С. П. Обнорский, А. А. Генкель, А. А. Заварзин и другие. Во второй половине 1917–1918 гг. их число пополнилось за счет прибывших из Петроградского университета приват-доцентов Г. В. Вернадского, В. Н. Беклемишева, Д. В. Болдырева, В. В. Вейдле, А. С. Ященко³. В июле 1918 г. в штат Пермского университета был зачислен приват-доцент Петроградского университета А. И. Коссовский, который стал первым в ПГУ историком-славистом, зарекомендовавшим себя глубоким знатоком истории Польши и славянских стран, польской литературы и языка.

Однако имя А. И. Коссовского и поныне остается малоизвестным для исследователей. Причины этого заключаются, с одной стороны, в том, что в 1924 г. он покинул СССР и эмигрировал в Польшу (имена эмигрантов, как мы знаем, в советское время предавались забвению). С другой стороны, в период

пребывания в России Коссовским не было опубликовано крупных научных трудов, которые могли бы привлечь к нему внимание специалистов.

Отметим еще одно обстоятельство, но уже иного порядка. Изучение жизни и деятельности А. И. Коссовского затрудняет ограниченность доступных для исследователей материалов. В частности, в качестве источников нами были использованы документы, хранящиеся в фондах Пермского государственного университета (Ф. р.-180) и отдела народного образования исполкома Пермского городского совета депутатов трудящихся (Ф. р.-478) Государственного архива Пермского края (ГАПК) и в фонде Пермского губкома РКП(б) (Ф. 557) Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ). Для освещения деятельности Коссовского в Польше были привлечены данные «Польского биографического словаря» (*Polski słownik biograficzny*. Т. XIV. Wrocław, 1968–1969). Знакомство с этими материалами позволяет с определенной долей полноты заполнить лакуны в биографии А. И. Коссовского.

Александр Иосафатович Коссовский родился 18 января 1886 г. в польской дворянской семье Иосафата (Юзефата) Коссовского и Хелены Янковской в имении Саблуково Арзамасского уезда Нижегородской губернии, где отец Александра, агроном по профессии, был, по-видимому, управляющим. В 1904 г. Александр окончил реальное училище в Смоленске, следующие полгода учился в Варшавском политехническом институте, затем перешел на химический факультет Львовского политехнического института. Однако будущего ученого привлекали гуманитарные науки, что и определило выбор профессии. В 1906 г. Коссовский поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1912 г. с дипломом первой степени. Тогда же он был оставлен при кафедре всеобщей истории университета «по группе истории славян» для подготовки к профессорскому званию⁴.

Как отмечал научный руководитель А. И. Коссовского, выдающийся историк-славист профессор Н. В. Ястребов, основанием для принятого кафедрой решения послужили «усердие» и неординарные знания начинающего исследователя, его плодотворные занятия в руководимых Ястребовым семинариях⁵. Еще в студенческие годы определилась и основная тема научных изысканий Коссовского – религиозно-философские воззрения польского мыслителя XVI в. Анджея Фрыч-Моджевского. Позднее в сферу творческих интересов Александра Иосафатовича вошли также историографические проблемы древней и средневековой истории Польши, история религиозных движений в Речи Посполитой, общественные отношения в Сербии XIV в. и ряд других тем.

Во время подготовки к магистерским испытаниям, по словам Н. В. Ястребова, Коссовский «должен был много заниматься не только историей славян,

но и историей романо-германской Европы в Средние века и Новое время; должен был работать и по истории славянских литератур, отчасти и по славянскому языкознанию. Сосредоточив свои научные занятия главным образом на истории западного славянства, он работает и по истории южных славян»⁶.

В мае 1917 г. после успешной сдачи магистерских экзаменов и прочтения пробных лекций А. И. Коссовский был зачислен в состав приват-доцентов Петроградского университета по кафедре всеобщей истории, где приступил к чтению курса «История Реформации в Польше». Но после событий октября 1917 г., как сообщается в «Польском биографическом словаре», он «потерял это место», а его деятельность свелась к преподаванию истории в городской польской гимназии и истории Польши XIX в. на Высших польских курсах в Петрограде⁷. Кроме того, Коссовский вел занятия по всеобщей истории в Польском народном университете.

Летом 1918 г. А. И. Коссовский был приглашен в качестве приват-доцента на кафедру всеобщей истории Пермского университета. Положительную роль в решении вопроса о зачислении Коссовского на новое место службы сыграл ранее упомянутый профессор Н. В. Ястребов, давший ему прекрасные рекомендации. В заключительной части отзыва, направленного руководству ПГУ, Н. В. Ястребов писал о своем ученике: «Поляк по происхождению, русский по школьному образованию и культурной среде, хороший словесник, г. Коссовский будет и прекрасным академическим работником в полном и лучшем значении этого слова»⁸. Из этого документа выясняется и следующий любопытный факт: кандидатура А. И. Коссовского на должность преподавателя-слависта в Пермском отделении Петроградского университета намечалась еще в 1916/1917 учебном году, но в ту пору его приезд в Пермь не состоялся, вероятно, из-за предстоящих вскоре магистерских экзаменов.

23 июля 1918 г. на заседании историко-филологического факультета Пермского университета было заслушано заявление А. И. Коссовского «о включении его в число приват-доцентов Пермского университета», и, ознакомившись с содержанием предложенных им курсов и практических занятий, его, недавнего магистранта из Петрограда, зачислили на указанную должность. Сам Коссовский приехал в Пермь лишь в конце августа, а 1 ноября 1918 г. перед широкой аудиторией сотрудников и студентов факультета прочел вступительную лекцию «Славянский мир и Западная Европа в истории человечества»⁹, вскоре оформленную в виде научной работы.

Кафедра всеобщей истории ПГУ, на которую был зачислен Коссовский, отличалась в то время чрезвычайно сильным преподавательским составом. Здесь трудились ученые высокой, европейской образованности и культуры, такие как профессора Б. Л. Богаевский – знаток истории Древнего мира, А. П. Дьяконов – крупный специалист в области изучения древней и

средневековой истории Сирии и Византии, В. Э. Крусман – широко известный исследователь истории Англии и Франции эпохи Просвещения, а также Н. П. Оттокар – выдающийся историк западноевропейского средневекового города. Так что молодому приват-доценту было у кого учиться, набираясь опыта, и с кем общаться.

Между тем обстановка в Перми в условиях набравшей обороты Гражданской войны была беспокойной. После занятия города белыми в конце декабря 1918 г. университет практически не работал. Хотя Коссовский, оставшийся в это время в Перми, стремился быть вне политики, что было ему свойственно как прежде, так и в дальнейшем, все же полностью устраниться от происходивших событий он не смог. В этом отношении примечательна его позиция во время заседания Совета Пермского университета 17 февраля 1919 г., на котором был принят текст приветствия «Верховному правителю, адмиралу Колчаку». В документе звучали, в частности, такие слова: «Совет Пермского государственного университета приветствует в Вашем лице возрождающуюся великую и свободную русскую государственность», «желает Вам во имя Родины дальнейших успехов в деле воссоздания государства и нации», – и другие приветствия¹⁰. Среди присутствовавших на заседании совета и единогласно одоббивших обращение к Колчаку были 20 профессоров университета и два приват-доцента – Д. В. Болдырев, активный участник белого движения, и А. И. Коссовский.

При белых А. И. Коссовский уже не опасался написать в формулярном списке: «Звание – дворянин. Вероисповедание – римско-католическое»¹¹.

В конце июня 1918 г. в связи с контраступлением красных войск Александр Иосафатович в числе других профессоров и преподавателей Пермского университета был эвакуирован в Томск. 4 сентября того же года распоряжением министра народного просвещения правительства Колчака А. И. Коссовский откомандирован в Иркутский университет, где вел занятия по истории славянских народов и Польши. Находясь в эвакуации в Сибири, 1 октября 1919 г. он был избран профессором кафедры всеобщей истории Пермского университета¹².

После возвращения в середине 1920 г. в Пермь А. И. Коссовский продолжил свою деятельность в университете. Человек европейской образованности и культуры, знавший помимо русского и польского еще десять языков (немецкий, французский, итальянский, греческий, болгарский, сербский и другие), Александр Иосафатович Коссовский – представитель Петербургской научной школы славистов – в своей практической работе в Пермском университете стремился использовать лучшие ее достижения, справедливо полагая, что в изучении славяноведения, как и других дисциплин, благотворные результаты дают не только научные разработки, но и творческое общение со студенческой аудиторией. В ПГУ он читал курсы по истории славян,

истории Польши в Средние века и эпоху Реформации, введение в славяноведение, по истории Западной Европы в XVII–XVIII вв., истории западноевропейской культуры в Новое время; вел просеминарии и семинарии по истории гуситского движения, религиозной свободы в Польше XVI–XVII вв., истории славян (разбор сочинения Кромера *Polonia*), польской литературы, на кафедре заведовал семинарием славянских культур¹³. Кроме того, занимался со студентами польским и чешским языками.

В личном деле А. И. Коссовского и в некоторых других архивных документах, имеющихся в Госархиве Пермского края, есть упоминания и о выполнении им административных обязанностей: недолгое время – декана факультета общественных наук (с 4 июля 1920 г.), секретаря ФОНа (в конце 1920, 1921 гг.)¹⁴.

К сожалению, большая учебная нагрузка, а самое главное – отсутствие в Перми необходимой научной литературы и источников для продолжения тех исследований по истории Польши и Сербии, к которым А. И. Коссовский приступил еще в бытность в Петербурге (Петрограде), становились препятствием в реализации ученым тех планов, которые были связаны с защитой им магистерской диссертации и завершением работы над несколькими крупными научными трудами. Хотя в конце августа или в сентябре 1920 г. Коссовский привез из Петрограда в Пермь свою библиотеку с книгами «преимущественно по истории Польши» (среди них, например, такой ценный источник, как три тома серии *Biblioteca Fratrum Polonorum*), все же она была сравнительно небольшой и в целом проблемы не решала. Поэтому не случайно Коссовский дважды, в 1922 и 1923 гг., просил руководство факультета и Пермского университета направить его на временный срок в зарубежную командировку в Польшу для работы в архивах Варшавы, Кракова, Львова¹⁵, но положительного ответа со стороны Главпрофобра, ведавшего высшей школой, не получил.

Приведем в этой связи выдержку из заявления А. И. Коссовского в президиум педагогического факультета ПГУ от 20 апреля 1922 г. о командировании его в Польшу. «Научная работа по изучению истории Польши, – писал автор заявления, – возможна в пределах России лишь при условии периодически предпринимаемых поездок в Польшу, так как крайняя скудость имеющихся в пределах России источников и монографий по истории Польши лишает исследователя возможности какую бы то ни было тему изучить так, чтобы достигнутые результаты можно было бы представить на суд ученой критики.

Труды мои, посвященные разработке отдельных вопросов по истории Польши, могут быть напечатаны лишь после того, как мною будут использованы и те источники и монографические исследования, которые я смогу найти лишь в Польше»¹⁶. Далее Коссовский конкретизировал, какие сочине-

ния польских мыслителей ему необходимо изучить при работе в польских университетских центрах, и ходатайствовал о трехмесячной поездке в Польшу с 1 августа 1922 г.

Что же касается научных трудов ученого, то сведения, содержащиеся в архивных делах, позволяют, по крайней мере, воссоздать их список и уточнить названия. За 1912–1922 гг. им было написано 12 работ, 10 из которых не были опубликованы и сохранялись в виде рукописей¹⁷. Назовем наиболее крупные из них.

Основной труд А. И. Коссовского – «Религиозно-философские воззрения Анджея Фрыч-Моджевского, польского писателя XVI в.», к работе над которым автор приступил еще в студенческие годы в Петербурге. В начале 1920-х гг. эта рукопись насчитывала до 300 страниц текста. Коссовским были написаны также труды «Общественный строй древней Польши в новой польской исторической литературе», «Общественные отношения в Сербии в эпоху Стефана Душана», «Заселение Волыни в XVI в. в связи с развитием фольварков и татарскими опустошениями» и другие научные работы.

В России же были опубликованы лишь две статьи А. И. Коссовского: «Молдавия» в «Новом энциклопедическом словаре» и «Определение в научной литературе сущности и исторической роли польского протестантизма» в «Сборнике трудов профессоров и преподавателей Иркутского госуниверситета» (Иркутск, 1921. Вып. 2). Из всего комплекса трудов исследователя удалось выявить в Перми лишь одну статью «Молдавия», рассматривающую в виде краткого очерка историю страны с IX в. и до 1861 г., когда в результате объединения Молдовы и Валахии образовалось единое государство Румыния. Особое внимание в очерке было уделено взаимоотношениям Молдавии с Польшей, Турцией и Россией. Другие работы, оставшиеся в рукописях, всего вероятнее, были вывезены Коссовским в Польшу.

О профессиональном уровне А. И. Коссовского как историка-слависта можно судить по отзывам на его работы «Сербское село в эпоху Стефана Душана» и «Заселение Волыни в XVI в. в связи с развитием фольварков и татарскими опустошениями», данным профессором юридического факультета Пермского университета А. Н. Круглевским во второй половине 1918 г. Характеризуя содержание первой рукописи, рецензент отмечал «тщательность приемов исторической работы автора, неизменно основывающего свои выводы на анализе первоисточников». Он же подчеркнул, что сделанные ученым обобщения и выводы «свидетельствуют о его способности разбираться в трудных исторических вопросах. Знакомство с этой работой А. И. Коссовского позволяет ее признать чрезвычайно полезным вкладом в историко-юридическую литературу, еще крайне небогатую исследованиями этого рода»¹⁸.

Положительная оценка была дана А. Н. Круглевским и другому труду Коссовского – о заселении Волыни в XVI в. Отмечая актуальность темы и слабую изученность ее в научной литературе, Круглевский заметил, что в центре внимания автора исследования оказались две проблемы: с одной стороны, губительные последствия разорительных татарских набегов на Волынь, с другой – возрождение материальной культуры края во второй половине XVI в. в условиях ослабления могущества татарских ханов и свертывания опустошительных набегов. По мнению рецензента, А. И. Коссовскому с помощью привлечения богатого исторического материала удалось доказать, что «это возрождение Волыни не приводило к реставрации старого общественно-го и экономического уклада ее жизни: возвращаясь к интенсивной жизни, Волынь испытывала крупные перемены в своем общественном строе». Как следствие, «происходило разложение старой системы дворищного хозяйства и замена ее хозяйством фольваркового типа... распространение на Волыни крупных хозяйств, пригодных для успешной организации производства сельскохозяйственных продуктов».

«Рассматривая в своей работе ряд принципиальных научных вопросов, автор обнаружил большую способность к тщательному анализу и показал свое умение разбираться в сложных исторических процессах», – так писал А. Н. Круглевский, подводя итоги исследования деятельности ученого А. И. Коссовского¹⁹.

Нами уже говорилось о том, что условия Перми не позволяли А. И. Коссовскому в тот период продолжать активно заниматься научной деятельностью. Тем не менее даже при «стесненных местных обстоятельствах» он не прекращал научные занятия. В этом отношении примечательна составленная в 1923 г. справка (или отчет) о научной работе ученого. В ней он сообщал, что в его ближайшие планы входит дальнейшее изучение социальных отношений в Польше в XVI в., расширение и пополнение новыми материалами труда об Анджее Фрыч-Моджевском. Особенно примечательно то, что в число ближайших задач Коссовский включал ознакомление с документами о польской политической ссылке, хранящимися в Историческом архиве Перми²⁰, вероятно, в расчете на разработку данной научной проблемы.

А. И. Коссовский был членом Пермской губернской ученой архивной комиссии, в феврале 1919 г. избран правителем дел ПГУАК, состоял также членом Общества исторических, философских и социальных наук (ОФИС) при Пермском университете. Участники общества собирались на публичные заседания, на которых читали и обсуждали доклады по кругу вопросов, определенных, в частности, в названии общества. Деятельность ОФИСа, как и равно кружка по изучению Северного края при Пермском университете, вызывала обеспокоенность и пристальное внимание к ним со стороны чекистских органов, ставивших задачей искоренение инакомыслия в универси-

тетской среде. В докладе начальника секретно-оперативной части Пермского губотдела ГПУ в январе 1923 г. отмечалось, что пермская профессура выступает как «явно враждебный элемент пролетарскому государству». В информационном письме начальника Пермского губотдела ГПУ уполномоченному представителю Главного политического управления по Уралу 20 марта 1923 г. в разделе «Об антисоветской деятельности» сообщалось, что в деятельности обществ при Пермском университете «проглядывают совершенно чуждые науке цели». Через осведомителей были составлены характеристики на членов этих обществ, на учет в ГПУ было поставлено 150 человек, из них 35 профессоров и пять студентов, «тяготеющих к кадетам»²¹. Вполне вероятно, что среди поставленных на учет губотделом ГПУ было и имя А. И. Коссовского.

На заседаниях ОФИСа Александр Иосафатович выступал с докладами: в июне 1921 г. – «О социальных учениях и этнических воззрениях польских братьев (антитринитариев)»; в феврале 1923 г. – «В. Э. Крусман как историк эпохи Просвещения»²². Последнее выступление было посвящено памяти Владимира Эдуардовича Крусмана, крупного историка-медиевиста, профессора Пермского университета. Кроме того, Коссовский участвовал в обсуждении докладов своих коллег В. В. Вейдле, Н. П. Оттокара, рассматривавших ранне- и средневековые аспекты европейской истории.

Отметим еще одну сторону деятельности А. И. Коссовского, которая протекала уже вне стен университета. В архивных источниках встречаются упоминания о его связях с польской диаспорой в Перми. В начале 1920-х гг. университетский профессор преподавал польский язык на вечерних курсах для взрослых, вел занятия «по польскому языку на дому», читал полякам лекции по истории Польши²³. Удалось также выяснить, что вплоть до своего отъезда в Польшу он безвозмездно заведовал Пермской польской библиотекой. В Госархиве Пермского края сохранилось несколько отчетов А. И. Коссовского о работе польской библиотеки за 1921–1923 гг.²⁴. Среди сведений, содержащихся в них, интересны, например, данные о составе библиотечного фонда. Так, на 1 января 1922 г. библиотека насчитывала около двух тысяч томов. Преобладали художественные произведения (1257 книг), главным образом сочинения классиков польской литературы: А. Мицкевича, Ю. Словацкого, С. Красинского, Ю. Крашевского, М. Конопницкой, Г. Сенкевича и др. В библиотеке имелись книги по истории на польском языке (147 книг), географии (142), по общественным наукам, философии, психологии, педагогике (127 книг) и другим областям знаний. В числе читателей (161 человек) были преимущественно служащие (66), учащиеся (36), лица, занимавшиеся домашним хозяйством (25 человек). Сам Коссовский, как это видно из отчета о работе библиотеки за март 1922 г., был сторонником ее передачи в ведение факультета общественных наук Пермского университета. Он писал: «Такая передача, создавая непосредственное, тесное общение библиотеки с учебно-

вспомогательным учреждением факультета, ставя внутренний распорядок и рост библиотеки под контроль такого авторитетного учреждения, каким является факультет общественных наук, содействуя расширению сферы деятельности Польской библиотеки, вместе с тем, после улучшения материального положения ВУЗ[ов] вообще и Пермского университета в частности, предоставит Польской библиотеке возможность пополнять свой книжный состав из общеуниверситетских средств наравне с учебно-вспомогательными учреждениями факультета общественных наук»²⁵.

Таким образом, радуя за данный вариант, А. И. Коссовский рассчитывал не только создать благоприятные условия для деятельности Пермской польской библиотеки, о чем он немало заботился, но и, как можно предположить, предотвратить существовавшую угрозу свертывания ее работы и даже ликвидации (что, впрочем, и произошло в 1930-е гг.).

В 1923 г., не получив положительного ответа на свое ходатайство о предоставлении ему научной командировки в Польшу, А. И. Коссовский начал хлопотать о получении польского гражданства. К этому побуждало не только его желание вернуться на историческую родину и продолжить там научно-педагогическую деятельность, но и внешне активно не проявлявшаяся оппозиционность по отношению к тем переменам, которые происходили в стране в послеоктябрьский период, и просто опасение за свое будущее.

К концу 1923 г. А. И. Коссовский фигурировал в документах уже как оп-тант²⁶. По Рижскому мирному договору 1921 г., заключенному между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, к оптантам были отнесены уроженцы Польши, оказавшиеся в силу тех или иных причин на территории России и Украины и изъявившие желание вернуться на родину. Эти условия распространялись также на потомков участников борьбы за независимость Польши в 1830–1860-е гг. и потомков тех поляков, которые когда-то проживали на территории Царства Польского. В последнем случае, однако, оговаривалось, что право на оптацию имеют потомки данных лиц, но не далее третьего поколения, если они своей деятельностью, знанием польского языка и «воспитанием своего потомства ясно засвидетельствовали свою приверженность к польской нации»²⁷. Перечисленные условия давали А. И. Коссовскому, поляку по происхождению, прекрасно владевшему родным языком, реальную возможность получения польского гражданства.

28 марта 1924 г. декан педфака ПГУ П. А. Будрин сообщал в правление университета, что профессор Коссовский «прекратил чтение лекций и ведение практических занятий и выбыл за границу». 1 апреля того же года он был отчислен из Пермского университета²⁸. В Польшу Александр Иосафатович приехал вместе с женой Анной Василенко, на которой женился незадолго до отъезда из Перми.

Польша приняла Коссовского на первых порах без особого радушия. Более того, произошло временное понижение социального статуса ученого. По приезду, в 1924 – начале 1926 гг., А. И. Коссовский смог устроиться лишь учителем истории в гимназию и торговую школу Ковеля, до революции небольшого уездного города Волынской губернии. Затем в феврале 1926 г., после неоднократных ходатайств, он был назначен заместителем профессора кафедры всеобщей истории нового времени Люблинского университета, в 1928 г. переименованного в Люблинский католический университет. В нем Коссовский трудился вплоть до выхода на пенсию в 1960 г., получив в 1938 г. звание надзвычайного, а в 1947 г. – звычайного (заслуженного) профессора. В 1949–1952 гг. Александр Иосафатович Коссовский являлся заместителем декана и деканом гуманитарного факультета университета, с 1950 г. читал лекции по истории народов СССР²⁹.

Одновременно с конца 1920-х гг. А. И. Коссовский занимал должность архивиста, а затем и хранителя Государственного архива города Люблина. Напомним, что еще в Перми он состоял правителем дел губернской ученой архивной комиссии. Работа в Люблинском архиве дала ему возможность овладеть не только профессиональными знаниями в этой сфере, но и широко использовать архивные материалы в научно-исследовательской деятельности. При этом, как и в России, в центре внимания Коссовского была история Польши в эпоху Средневековья и Нового времени, главным образом история религиозных движений. Самым крупным трудом исследователя, опубликованным до войны, явилась книга «Протестантизм в Люблине и Люблинском воеводстве в XVI–XVII вв.» (Люблин, 1933), «которая, – как было отмечено в «Польском биографическом словаре», – хотя и была оценена критически <...>, имела большое значение в сфере региональных наследований и до сих пор сохранила свою ценность».

В 1930-е гг. Коссовским были написаны и опубликованы работы о положении униатского и католического духовенства в Польше в XVII–XVIII вв., несколько генеалогических исследований, посвященных отдельным родовитым польским фамилиям (Замойским, Оржеховским). Он участвовал также в работе научных сообществ польских ученых-историков. Так, в 1935 г., выступая на IV съезде польских историков в Вильно, А. И. Коссовский «критично оценил состояние имеющихся трудов по истории протестантизма в Великом княжестве Литовском и очертил план дальнейших исследований» этой проблемы.

С 1939 г. А. И. Коссовский состоял членом Научного общества Люблинского католического университета, выступал на заседаниях общества с докладами «по интересующим исследователя темам». В послевоенный период был членом Комиссии по истории Польской академии наук.

С оккупацией Польши Германией Александр Иосафатович был арестован и вместе с группой профессоров университета находился в качестве заложника в тюрьме в Люблинском замке. После своего освобождения в 1940 г. он вновь вернулся к научной и преподавательской деятельности, продолжил работу в Люблинском архиве. В послевоенные годы им были опубликованы ценные архивные документы «о жизни иноверцев польских» в XVII в., по истории Брестской унии 1596 г. и ее влиянии на религиозную жизнь в Польше, а также статьи о Люблине и Люблинском воеводстве в годы войны Речи Посполитой со Швецией в середине XVII столетия. По неполным данным, Коссовским было опубликовано в Польше до 20 работ, в том числе несколько книг.

А. И. Коссовский умер в Люблине 24 июня 1965 г. в возрасте 79 лет. Уже находясь на пенсии, он вплоть до своей кончины привлекался к чтению лекций в университете, оказывал помощь местным архивистам. Своими трудами ученый продолжил традиции российской и польской научных школ в области славяноведения, внесших весомый вклад в европейскую историографию в целом.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1657. Л. 43.

² Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916/1917 учебном году. Пермь, 1918. С. 7–14.

³ ГАПК. Ф.р.-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 2, 5; Д. 62. Л. 7; Д. 419. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 148. Л. 3.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 227. Л. 105.

⁶ Там же.

⁷ *Polski słownik biograficzny*. Т. XIV. Wrocław, 1968–1969. S. 308. Материалы словаря, содержащие сведения об А. И. Коссовском, любезно предоставлены и переведены на русский язык профессором кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета М. А. Булахтиным.

⁸ ГАПК. Ф.р.-180. Оп. 1. Д. 227. Л. 106.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 148. Л. 23.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 35 (об.), 36 (об.).

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 148. Л. 46 (об.).

¹² Там же. Л. 52.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 531. Л. 21, 24, 24 (об.), 31; Д. 691. Л. 8, 9; Д. 1082. Л. 33.

¹⁴ Там же. Д. 532. Л. 59, 60; Оп. 2. Д. 148. Л. 53.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 148. Л. 12, 13, 72.

¹⁶ Там же. Л. 12, 12 (об.).

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 207. Л. 70 (об.); Д. 227. Л. 106; Оп. 2. Д. 148. Л. 6, 84 (об.).

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 148. Л. 11 (об.).

¹⁹ Там же. Л. 9, 10.

²⁰ Там же. Л. 94.

²¹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 32. Л. 95.

²² ГАПК. Ф.р.-180. Оп. 1. Д. 207. Т. 1. Л. 31, 32, 33, 39, 41.

²³ Там же. Л. 70; Оп. 2. Д. 148. Л. 83, 92.

²⁴ Там же. Ф.р.-23. Оп. 1. Д. 69. Л. 184. Ф.р.-478. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–10.

²⁵ Там же. Ф.р.-478. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

²⁶ Там же. Ф.р.-180. Оп. 2. Д. 148. Л. 83, 92.

²⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. М., 1965. С. 525.

²⁸ ГАПК. Ф.р.-180. Оп. 2. Д. 148. Л. 87.

²⁹ Здесь и далее сведения о деятельности А. И. Коссовского в Польше взяты из кн.: Polski słownik biograficzny. Т. XIV. Wrocław, 1968–1969. S. 308–309.

ОБРАЗ ПОЛЬШИ В МАТЕРИАЛАХ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ СССР накануне и на первом этапе Второй мировой войны

Д. М. Гусельников
Пермь

Период накануне начала Второй мировой войны в отношениях СССР со своими союзниками и противниками – один из самых неоднозначных в советской дипломатии. Для него характерна частая смена внешнеполитического курса. Советская пропаганда широко освещала все предвоенные события. Для руководства советского государства было необходимо сформировать в глазах населения всего Союза соответствующий образ «друга» или «врага» в лице той или иной державы для оправдания выбираемого курса внешнеполитических действий. Формируемый образ был рассчитан на широкомасштабное внедрение через органы официальной пропаганды населению всего Союза, в том числе и жителям Уральского региона.

Немаловажную роль в контенте официальной пропаганды занимал образ соседа СССР – польского государства. Материалы «рупора» официальной советской пропагандистской машины – газеты «Правда» – наглядно отражают все перипетии дипломатических отношений треугольника Польша – Германия – СССР.

Предвоенный период с августа по сентябрь 1939 г. в советских дипломатических отношениях делят, в свою очередь, на три четко исторически очерченных периода: до подписания СССР и Германией пакта Молотова – Риббентропа, период с момента подписания пакта и до вступления Красной армии на территорию Польши и период после военных действий Красной армии в Польше. Материалы же, обращенные к населению СССР, размещенные в газете «Правда», дают более многообразный и неоднородный спектр взаимоотношений ведущих авторов внешнеполитических игр на дипломатическом поле. В отличие от упрощенного понимания предвоенных отношений треугольника Польша – Германия – СССР материалы советской печати отражают все тонкости и нюансы игры советских и преимущественно немецких дипломатов.

23 августа 1939 г. СССР и Германия подписывают договор о ненападении. По поводу подписания документа В. Молотов заявляет, что пакт «является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы». Вслед за ним А. Гитлер говорит в рейхстаге о том, что он «может присоединиться к каждому слову, прозвучавшему в речи русского народного комиссара иностранных дел Молотова»¹.

Согласно подписанным секретным протоколам, «в случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан»². Иными словами, в сферу территориальных интересов СССР в Польше вошли территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Как следствие этих договоренностей создавался опасный прецедент участия СССР в агрессии против Польши.

Уже 1 сентября, около пяти часов утра, самолеты люфтваффе нанесли удары с воздуха по польским аэродромам, начав массированные военные действия против Речи Посполитой³. Англия и Франция объявили войну Германии, СССР на этой стадии войны уклонился от четкого определения своей позиции⁴.

17 сентября Советский Союз присоединился к агрессии Германии против Польши. В два часа ночи Сталин принял Шуленбурга и сообщил, что Красная армия перейдет границу с Польшей на всей ее протяженности. Он прочитал ему текст ноты советского правительства Польше, в окончательном варианте которого было сказано: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР»⁵.

Таким образом, материалы советской прессы кануна и первого этапа Второй мировой войны традиционно делят на три периода. Своеобразными реперными точками выступают пакт Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г. и вступление Красной армии СССР на территорию Польши 17 сентября 1939 г.

Первый период, до подписания пакта Германии и СССР, продолжается на всем протяжении «Данцигской проблемы» между Германией и Польшей. В августе 1939 г. проблема вольного города достигла своего апогея. В немецкой и польской прессе, а также на дипломатическом поле, все жестче звучала критика в адрес друг друга из-за желания Польши и Германии либо сохранить, либо изменить статус Данцига.

По итогам Версальского мирного договора город Данциг входит в таможенную зону Польши. На территории города действует польская таможня. Однако исторически эти земли вместе с городом принадлежали Германии. От того, какую позицию в данцигском конфликте занимает та или иная держава, зависит, чью сторону она поддерживает – историческое право Германии на территории Восточной Пруссии либо юридическое состояние вольного города Данцига по итогам Версальского договора.

На периоде с 1 по 23 августа можно рассмотреть, как конструируется образ Польши официальной советской пропагандой в первый из обозначенных периодов.

Необходимо отметить тот факт, что «Правда» подробно освещает польско-немецкий конфликт. В каждом номере газеты «Правда» есть материалы, посвященные либо подготовке обороны в Польше, либо милитаризации Данцига, либо маневров немецкой армии на польской границе.

В одном из первых августовских номеров выходит статья с заголовком «Военные приготовления в Данциге», в которой дается краткая характеристика довоенного состояния города и его сегодняшней милитаризации. Газета говорит читателю о нарушениях Германией международных договоренностей, согласно которым на территории вольного города не должно быть вооруженных формирований. В частности, газета заявляет, что «...над «вольным городом» нависла германская угроза. Данциг опоясан лентой окопов, блокаузов и траншей. На причалах многочисленных пристаней по обоим берегам Вислы разгружаются транспорты военного снаряжения. Данциг лихорадочно милитаризуется по заранее разработанному германскому плану»⁶. Также рассказывается о том, что в город прибывают под видом туристов германские штурмовики легиона «Кондор», все солдаты упражняются в стрельбе, не прячутся на улицах города, для них демонстративно строятся казармы. Все это противоречит договоренностям, однако уже рядом с флагом вольного города развевается фашистский флаг.

В статье также упоминается о том, что данцигская пресса ведет активную прогерманскую пропаганду, в театрах и кино показывают только немецкие фильмы.

В целом газета «Правда» позволяет себе использовать весьма саркастический тон, говоря о немецких солдатах, прибывающих в город. Также советская пропаганда активно использует характеристику Германии как фашистского государства. Так, в заключительной части статьи говорится об антигерманских листовках, появившихся в городе, которые «призывают всех друзей народного фронта крепить единство для борьбы против фашизма и войны».

В «Правде» за 19 августа помещена статья с названием «Попытка второго Мюнхена», посвященная проблеме присоединения Данцига к Германии. В названии статьи уже содержится осуждение Германии и претензий этого государства на вольный город. В тексте самой статьи говорится о том, что Германия решила на присоединение и единственным вопросом остается вопрос об успокоении общественного мнения капиталистических держав, прежде всего Англии и Франции. По вопросам урегулирования этой проблемы предлагается создать конференцию пяти держав, которая «будет не

вторым Мюнхеном, а шагом в направлении восстановления доверия и устранения препятствий для международной торговли»⁷.

В статье косвенно осуждается решение ведущими державами о присоединении Данцига к Германии. Статья говорит о попытке Англии и Франции оправдать умиротворительную политику в отношении Германии. Однако никаких резких высказываний на счет поддержки СССР той или иной стороны в статье не содержится, повествование ведется как бы со стороны, с небольшой толикой осуждения.

Нужно отметить еще одну особенность: каждый августовский номер, до 23 числа, выходит с рубриками антипольской кампании в германской печати. Так, можно выделить наиболее характерные заголовки: «Усиление антипольской кампании»⁸, «Разгул антипольской кампании в фашистской печати»⁹, «Яростная антипольская кампания в Германии»¹⁰. В статьях подробно говорится о том, как немецкая пресса запугивает Польшу, чтобы склонить ее к уступкам в данцигском вопросе. Через осуждение антипольской пропаганды в Германии «Правда» формирует образ Польши как государства, постоянно подвергаемого агрессии. При этом советская печать регулярно называет германский режим фашистским.

Такая риторика советской пропаганды заканчивается с опубликованием в газете «Правда» советско-германского торгового соглашения. В статье, в частности, отмечается, что «новое торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, родившись в атмосфере напряженных политических отношений, призвано разрядить эту атмосферу. Оно может явиться серьезным шагом в деле дальнейшего улучшения не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией»¹¹. Как видно из статьи, Советский Союз признает отношения с Германией напряженными, однако выражает надежду на их улучшение.

С публикации советско-германского договора рубрики о военном положении в Данциге, приготовлениях Германии к войне, а Польши – к обороне, не исчезают. Однако их содержание становится намного беднее. Материал становится уже не статьей, а заметкой, получаемая информация сокращается в два-три раза. Отсутствует явный выбор стороны конфликта Советским Союзом. Также перестает использоваться термин «фашистская» по отношению к Германии.

В целом Польша в материалах газеты «Правда» до 23 августа 1939 г. изображается как объект агрессии со стороны Германии. Противопоставление рубрик – «Военные приготовления Германии» и «Оборонительные приготовления Польши» – должно способствовать формированию у населения той точки зрения, в которой Германия будет агрессором в отношении Польши. Отсутствие в материалах газеты упоминаний о польских вооруженных силах, а тем более о каких-либо военных маневрах поляков, способствует ин-

терпретации Польши как сторонника мирного урегулирования конфликта. Советский Союз, однако, не выступает открыто на стороне Польши, скорее он занимает позицию защитника или сторонника сохранения Версальской системы международных отношений. Хотя и косвенно, но через постоянное освещение нарушений Германии в отношении Данцига советская пресса придерживается польской стороны в данцигском конфликте.

19 августа стало известно о том, что СССР согласился принять министра иностранных дел Германии И. Риббентропа. Однако ввиду неопределенности в том, состоится подписание договора или нет, антигерманская направленность материалов газеты «Правда» сохраняется, хотя частично становится мягче. Так, с 21 августа материалы газеты выдают лишь краткие заметки о происходящем в данцигском и германо-польском конфликтах.

23 августа министром иностранных дел Германии И. Риббентропом и председателем Правительства СССР подписывается договор о дружбе, известный как пакт Молотова – Риббентропа. К пакту приложено несколько протоколов разной степени секретности. О секретных протоколах широким кругам неизвестно. Однако риторика советской пропаганды после 24 августа – даты опубликования в «Правде» договора – заметно меняется.

Подписание пакта Германии и СССР широко освещается газетой. В частности, приведен не только сам текст договора, но и в нескольких последующих номерах приводятся отзывы иностранной прессы на подписание пакта. На фоне этого риторика советской пропаганды в отношении Польши заметно меняется.

Уже 25 августа в газете появляется лишь пара небольших информационных заметок, в которых говорится о военных приготовлениях Польши. В частности, на границе Польши и Данцига «сооружаются пулеметные гнезда и проволочные заграждения, роются окопы. Вблизи тоннеля построен пороховой склад»¹².

Газета от 27 августа выходит с более характерной для этого периода статьей, в которой говорится о «больших передвижениях польских войск к данцигской границе... к данцигской границе непрерывно идут польские поезда с пехотой и кавалерийскими частями»¹³.

В номере от 28 августа нарастание антипольской кампании в советской печати чувствуется сильнее. Так, в номере говорится об «участившихся случаях обстрела германских самолетов польскими военными кораблями... Германский самолет регулярной пассажирской линии, летевший из Данцига в Берлин, был обстрелян в открытом море польскими военными кораблями»¹⁴. Также в номере говорится о концентрации польских вооруженных сил на данцигской границе.

Секретные протоколы, естественно, оставались закрытыми для населения СССР, читающего газету «Правда». Однако смена тона материалов газеты с

антигерманского на антипольский явно свидетельствует о договоренностях, которых достигли Германия и СССР. Более того, с 30 августа по материалам газеты «Правда» достаточно очевидно можно говорить о скором конфликте между Польшей и СССР.

Так, в номере от 30 августа публикуется специальное сообщение ТАСС, в котором говорится о будто бы передислокации 200–300 тысяч советских солдат с западной границы на восточную. ТАСС приводит опровержение этого факта: «Наоборот, в виду обострения положения в восточных районах Европы и в виду возможности всяких неожиданностей, советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»¹⁵.

Какие неожиданности имеет в виду ТАСС, становится понятно из номера «Правды» от 31 августа. В номере приводится заметка с характерным говорящим заголовком «В последний час». В ней говорится о начале всеобщей мобилизации в Польше с 31 августа. Вооруженный конфликт на польской территории становится очевидным.

В целом недолгий период после подписания пакта Молотова – Риббентропа 23 августа и до начала германо-польского вооруженного конфликта характеризуется сменой риторики советской печати. Антигерманская направленность материалов газеты «Правда» сменяется антипольской, вызванной подписанием пакта. Все восемь дней в материалах газеты преобладают сообщения о польских военных приготовлениях, нарушениях договоров польской стороной. Тон достаточно сдержан, но по нему, особенно по нескольким приведенным последним публикациям, очевидно, что приоритеты СССР в Европе сменились: от сторонника Версальской системы (или, скорее, противников политики «умиротворения») СССР переходит на позиции будто бы нейтрального наблюдателя, симпатизирующего Германии.

Материалы советской пропаганды после вступления германских войск на территорию Польши 1 сентября 1939 г. вызывают недоумение. Казалось бы, СССР после 23 августа становится очевидным союзником Германии, однако какой-либо прогерманской или антипольской направленности в материалах газеты «Правда», в особенности после 1 сентября, не наблюдается. Вплоть до 14 сентября в газете публикуются лишь небольшие сводки о состоянии боевых действий Германии на территории Польши. В свою очередь, эти сведения состоят из републикаций «Правдой» зарубежных польских, шведских, американских, английских и французских статей и материалов по германо-польскому конфликту. Все сообщения выходят под маркерами «Германо-польская война» или «Военные действия между Германией и Польшей».

В материалах этой рубрики ведется непредвзятое повествование о действиях Германии в Польше. Никаких материалов, оправдывающих военную агрессию союзника СССР, газета не приводит.

Единственной любопытной в этом контексте статьей является публикация от 8 сентября с заголовком «Что захвачено Германией в Восточной Силезии». И хотя заголовок говорит об открытом факте агрессии Германии, содержание статьи отчасти оправдывает факт агрессии, называя ее «экономическим значением занятия германскими войсками Восточной Силезии»¹⁶.

С другой стороны, хотя этот фактор по большей части объективен, заметки постоянно говорят о военных неудачах Польши в борьбе с германскими войсками. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на восприятие ситуации читателем газеты «Правда», уверяя его в том, что Польша не может эффективно обороняться. С этой же целью в каждом номере издания публикуются карты с обозначением продвижения германских войск к Варшаве, столице Польши.

14 сентября в «Правде» на первой странице выходит статья с названием «О внутренних причинах военного поражения Польши». В этой статье продекларированы те принципы, на которых будет строиться вся последующая пропаганда агрессии СССР против Польши.

В статье заявляется, что хотя «с момента начала военных действий между Германией и Польшей прошел какой-либо десяток дней, уже можно утверждать, что Польша потерпела военный разгром, приведший к потере почти всех ее политических и экономических центров», «нельзя привести фактов сколько-нибудь серьезного сопротивления польских войск наступлению германской армии, фактов какого-либо частичного успеха поляков» и, наконец, «польское государство оказалось настолько немогущим и недееспособным, что при первых же военных неудачах стало рассыпаться»¹⁷.

В развернутой статье анализируются причины такой скорой неудачи польских войск в борьбе с германской армией. Одной из главных причин названа «внутренняя слабость польского государства». Под этим понимается преобладание непольского населения на территории Польши и неспособность поляков обеспечить существование многонационального государства: «Польские правящие круги оказались неспособными понять это элементарное условие существования и жизнеспособности многонационального государства и сделать какие-либо практические шаги по осуществлению этого условия. Более того, польские правящие круги сделали все возможное для того, чтобы ухудшить отношения с национальными меньшинствами и довести их до крайнего напряжения.

<...> Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств, и особенно – украинцев и белорусов. Западная Украина и Западная Белоруссия – области с преобладанием украинского и белорусского населения – являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков.

Положение украинцев и белорусов характеризуется режимом национального угнетения и бесправия. Правящие круги Польши, кичащиеся своим якобы свободолюбием, сделали все, чтобы превратить Западную Украину и Западную Белоруссию в бесправную колонию, отданную польским панам на разграбление».

В газете также отмечается тот факт, что украинцам и белорусам не предоставлено образование на национальном языке, закрыты все национальные школы, меньшинствам закрыт доступ к государственным должностям, что в целом проводится политика полонизации.

В неспособности поляков обеспечить внутреннее единство страны через предоставление широких прав национальным меньшинствам и кроется, по мнению официальной советской пропаганды, главная причина военного поражения Польши.

Начиная именно с этой публикации, советская пропаганда избирает тактику антипольской пропаганды в отношении белорусов и украинцев на территории Польши. Иными словами, негативный образ страны в последующих выпусках будет создаваться через призму угнетения национальных меньшинств на территории Польши. Основой для оправдания агрессии Советского Союза послужит не военная угроза Германии, а необходимость взять под защиту родственное белорусское и украинское население Польши.

В этом же номере публикуется информация о нарушении польскими самолетами государственной границы СССР. Однако это сообщение, целью которого является дополнительное оправдание агрессии, полностью теряется на фоне приведенной выше статьи.

Уже 15 сентября в «Правде» появляется большая статья, посвященная обзору зарубежной прессы, в которой анализируются причины поражения Польши в войне с Германией¹⁸. Интересно отметить, что ни одно зарубежное издание не выделяет национальную разрозненность Польши как основную причину военного поражения поляков. Практически вся зарубежная печать сходится во мнении о том, что Германия имела численное и техническое превосходство вкупе с отсутствием действий союзников на Западном фронте. В этой же статье по адресу польских военных употребляются провоцирующие характеристики, наподобие отсутствия у поляков патриотизма, дезертирства командного состава и истощенного физического состояния солдат национальной армии.

В целом до 18 сентября газета «Правда» печатает материалы, повествующие о военных неудачах польской армии и трудностях в снабжении населения питьевой водой и продуктами.

17 сентября 1939 г. В. М. Молотов вручает польскому послу в Москве ноту, в которой говорится о начале советско-польской кампании Красной армии¹⁹,

в это же время войска переходят границу. Уже утром 18 сентября номер газеты «Правда» на первой полосе выходит с речью В. М. Молотова, произнесенной по радио²⁰. Речь Молотова – кульминация антипольской риторики советского правительства, однако только лишь правительства, газета «Правда» выбирает другую стратегию.

В речи В. М. Молотова говорится о том, что «события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства», «нет больше и Варшавы как столицы польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать». Также комиссар иностранных дел отмечает, что все договоры между СССР и Польшей в связи с развалом польской государственности прекратили свое существование. В этой же речи В. М. Молотовым произнесена и известная, оправдывающая военные действия СССР против Польши фраза: «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР».

В речи В. М. Молотова как бы вскользь говорится о том главном мотиве, на котором газета «Правда» в последующих материалах построит свою пропаганду: «От советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу».

В самой речи В. М. Молотова антипольская пропаганда доходит до своего предела. В частности, он говорит, что «польские правящие круги обанкротились» и ситуация выявила «внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства». Эти обороты речи, в отличие от предыдущей кампании советской прессы в отношении Польши, являются примером прямой, конкретной, неприкрытой антипольской пропаганды. Если до этого газета «Правда» вела прогерманскую риторику, то речь В. М. Молотова – это пример уже антипольской риторики.

Однако, кроме публикации речи В. М. Молотова, газета никак не выдает антипольских лозунгов. Ее пропаганда снова входит в привычное русло: основа антипольской пропаганды – помощь братьям-белорусам и братьям-украинцам. И уже в этом номере от 18 сентября можно встретить заголовки «Помочь угнетенным братьям – наш священный долг», «Одобряем мудрую сталинскую политику», «Красная Армия с честью выполнит свой долг», «Трудящиеся Страны Советов подают руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу» и «Вся страна одобряет мудрое решение советского правительства».

В номере встречаются такие характерные высказывания, как «освобождая от польских панов» и «задавленные кабалой тягчайшего национального угнетения», однако в целом риторика «Правды» не носит яркий антипольский характер. И после 18 сентября 1939 года материалы официальной советской пропаганды имеют скорее не антипольский характер, а продолжают линию помощи западным белорусам и западным украинцам, братьям советского народа.

В итоге в первый из рассматриваемых периодов, с 1 по 19 августа, советская пропаганда не имеет ярко выраженного антипольского характера, а наоборот, характер антигерманский. Советский Союз предстает как нейтральное государство – противник войны в Европе. В этот период пресса называет германское государство фашистским, допускает саркастический тон в отношении немцев и немецкой армии, формирует у читателя мысль о Германии как об агрессоре в Европе. СССР призывает к единству в борьбе с фашизмом, выступая в роли поборника Версальской системы в Европе, однако при этом стараясь не осуждать то или иное государство. В целом пропаганда выдерживает нейтральный тон.

Следующий период, с 19 по 23 августа, характеризуется как особо нейтральный. В этот период ведутся советско-германские переговоры, и из материалов советской пропаганды исчезают какие-либо оценочные факты. Так, в этот короткий период сокращаются статьи по «данцигской проблеме», по отношению к Германии не употребляется определение «фашистская». Однако пропольских материалов, существовавших ранее, не публикуется – исчезает рубрика об антипольской кампании в Германии.

В период с 23 августа по 1 сентября в материалах советской пропаганды преобладает не антигерманская риторика, она сменяется антипольской, вызванной подписанием пакта Молотова – Риббентропа. Все восемь дней в материалах газеты преобладают сообщения о польских военных приготовлениях, нарушениях договоров польской стороной. Тон достаточно сдержан, но очевидно, что приоритеты СССР в Европе сменились: от сторонника Версальской системы (или, скорее, противников политики «умиротворения») СССР переходит на позиции нейтрального наблюдателя, симпатизирующего Германии.

С 1 по 14 сентября советская пропаганда берет паузу в освещении польско-германского конфликта. Материалы газет не носят ярко выраженный союзнический характер по отношению к Германии, но и в отношении Польши никаких сведений пропагандистского характера не приводится. Газеты публикуют лишь достаточно объективные сводки германо-польского вооруженного конфликта.

С 14 сентября в материалах официальной советской пропаганды начинается массированная антипольская кампания. Однако эпитет «антипольская» в этом случае не совсем корректен, поскольку газета выбирает стратегию, ко-

торию можно охарактеризовать как «помощь братьям-украинцам и братьям-белорусам». В нескольких первых материалах содержится ярко выраженная антипольская пропаганда, в частности Польша характеризуется как «панское государство, угнетающее национальные меньшинства», подчеркивается неспособность политической элиты польского государства, ее неспособность наладить диалог между поляками, украинцами и белорусами. Антипольская риторика в чистом виде существует недолго, с 14 по 18 сентября, и характеризуется всего двумя публикациями. Уже в последующих публикациях тон пропаганды переходит на позиции защиты западных белорусов и украинцев. Советская пресса публикует материалы, посвященные угнетению рабочих Западной Украины и Западной Белоруссии, создавая у читателя впечатление о необходимости защиты кровнородственного населения, подготавливая почву для оправдания агрессии СССР в отношении Польши.

Материалы газеты «Правда» опровергают излишнюю схематичность непростого периода кануна и первого этапа Второй мировой войны. В отличие от устоявшейся схемы деления рассматриваемого периода на три временных отрезка с разной внешнеполитической направленностью, материалы прессы реконструируют неоднозначные пласты дипломатических отношений Польши, Германии и СССР. В итоге при рассмотрении материалов официальной пропагандистской машины советского государства выявляется многообразие образов Польши в рассматриваемый период, их трансформации от образа союзника СССР до полностью противоположного образа фактического врага. За неполные два месяца образ соседа поменялся кардинально, очевидно, не только в материалах официальной пропаганды, но и в умах жителей СССР, в том числе и уральцев.

¹ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. Аспект Пресс. С. 204.

² «Вестник литовского движения за перестройку “Саюдис”». Тайные документы пакта Риббентропа – Молотова // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://dhost.info/newbabylon/pact39/index.html>.

³ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. Аспект Пресс. С. 204.

⁴ Там же.

⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 178.

⁶ Правда. 5 августа. 1939 г.

⁷ Правда. 19 августа. 1939 г.

⁸ Правда. 16 августа. 1939 г.

⁹ Правда. 15 августа. 1939 г.

¹⁰ Правда. 14 августа. 1939 г.

¹¹ Правда. 21 августа. 1939 г.

¹² Правда. 25 августа. 1939 г.

¹³ Правда. 27 августа. 1939 г.

¹⁴ Правда. 28 августа. 1939 г.

¹⁵ Правда. 30 августа. 1939 г.

¹⁶ Правда. 8 сентября. 1939 г.

¹⁷ Правда. 14 сентября. 1939 г.

¹⁸ Правда. 15 сентября. 1939 г.

¹⁹ Нота Правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/wwar.php>.

²⁰ Правда. 18 сентября. 1939 г.

ПОЛЬСКИЕ ГРАЖДАНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. А. Моргунов
Оренбург

В конце 1939 г. на территорию Южного Урала стали прибывать польские беженцы. 31 декабря 1939 г. на заседании Чкаловского облисполкома было принято закрытое постановление, которым регламентировалось размещение семей польских беженцев в совхозах области, снабжение их предметами домашнего быта, оказание врачебной помощи и организация учебы для польских детей¹.

После присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии Наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией была принята специальная инструкция «О порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР». Все недвижимое имущество, сельскохозяйственный инвентарь и скот осадников² поступали в распоряжение местных управлений НКВД. Всего, по данным на сентябрь 1941 г., из западных областей Украины и Белоруссии было арестовано и выслано в тыловые районы СССР 389 382 поляка. Из них 120 962 человека попали в тюрьмы, лагеря и места ссылки, еще 243 106 поляков получили статус спецпереселенцев (осадники и другие категории высылаемых) и 25 314 человек находились в лагерях для военнопленных³. На территорию Южного Урала на спецпоселение было направлено 2539 осадников, в том числе в Чкаловскую область – 614 человек, в Челябинскую – 1646 человек, в Башкирскую АССР – 279 человек⁴.

Уже на следующий день после вторжения фашистской Германии на территорию СССР премьер-министр польского эмиграционного правительства генерал-полковник Владислав Сикорский, выступая по радио, обратился к советскому правительству с предложением установить сотрудничество в борьбе против гитлеровской Германии. 30 июля 1941 г. в Лондоне, в здании Британского министерства иностранных дел, послом Советского Союза И. М. Майским и В. Сикорским было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений, в пункте 4 которого говорилось о создании на советской территории польской армии, командный состав которой назначался польским правительством, а общее руководство осуществлялось советским Верховным командованием. В качестве приложения к соглашению был принят протокол «О предоставлении амнистии всем польским гражданам, находившимся на территории СССР в качестве военнопленных или на других основаниях». В соответствии с военным соглашением, подписанным в Москве представителями советского и польского

командований 14 августа 1941 г., общая численность польской армии должна была составлять 30 тысяч человек. Первоначально сроком готовности армии было определено 1 октября 1941 г.

Польские граждане после принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии были освобождены из мест заключения. Польским гражданам было дано право свободно покинуть спецпоселения, места ссылки и высылки. Кроме того, им выдавались бесплатные билеты на проезд по железной дороге или на водном транспорте до выбранного места жительства, а также по 15 рублей суточных на питание⁵. Подобные льготы предоставлялись не всем бывшим польским гражданам, а только полякам, освобожденным из мест заключения⁶. Местные органы власти получили предписание оказывать содействие освобожденным полякам, в первую очередь женщинам с детьми, в трудоустройстве и жилищном обустройстве. Польские граждане могли получить вид на жительство, гражданство СССР или получить паспорт для лиц без гражданства. Всего, по данным на сентябрь 1941 г., из тюрем и лагерей было освобождено 50 295 человек, из спецпоселков, мест ссылки и высылки – 265 248 человек, и еще были освобождены 26297 военнопленных⁷. В целом же после принятия указа от 12 августа 1941 г. были амнистированы 389 041 человек.

Основным районом формирования польских частей стала Чкаловская область (за исключением 5-й дивизии, которая дислоцировалась в Татищеве Саратовской области). Неудивительно поэтому, что значительная часть бывших польских граждан устремилась в Чкаловскую область и непосредственно в город Бузулук, где разместился штаб польской армии. Отдельные подразделения размещались также в Тоцке (запасной полк) и близ села Колтубанка (резервный полк). Сюда же прибывали и семьи польских солдат. В сентябре-октябре 1941 г. ежедневно с куйбышевского и ташкентского направлений в Тоцк и Бузулук прибывали от 200 до 1500 человек. Многие из поляков, прибывающих в Чкалов по железной дороге, попадали в эвакупункт, организованный на вокзале. В нем царила «...невообразимая скученность, завшивленность и эпидемии»⁸. Здесь же, на вокзале, размещалась и комендатура по обслуживанию польских граждан. Заместитель начальника отдела железнодорожной милиции Кокуев был вынужден просить предоставить отдельное помещение для польских граждан, прибывающих в Чкаловскую область с целью вступления в польскую армию, а также перевести из здания вокзала управление польской комендатуры.

При формировании польской армии использовались как призывной, так и добровольческий принципы. К числу польских граждан, подлежащих призыву, относились лица, призванные в польскую армию в 1939 г., солдаты и офицеры Войска Польского, размещенные в лагерях для интернированных, бывшие польские граждане, эвакуированные в 1941 г. и другие. Остальные

могли вступить в польскую армию, добровольно обратившись в советские райвоенкоматы по месту жительства. О стремительном росте численности польской армии свидетельствуют данные, приводимые А. В. Федоровой. Если на 29 августа 1941 г. было призвано и зачислено в польскую армию более 8,6 тысячи человек, то к 31 августа количество зачисленных составляло уже более 20,7 тысячи человек, а по данным на 25 октября – 41,5 тысячи солдат и офицеров⁹. При этом следует отметить, что около 20% личного состава созданных польских частей составляли евреи и, кроме того, незначительный процент военнослужащих польской армии составили лица украинской и белорусской национальности.

На начальном этапе формирования польской армии имелись и определенные сложности с дисциплиной. Поляки в поисках продуктов питания и спиртного свободно ходили по близлежащим селам. Имели место случаи пьянства и воровства польскими солдатами вещей у населения. Сообщая эти факты, секретарь Тощкого обкома В. П. Рылеев в своей докладной записке от 16 сентября 1941 г., направленной в военный отдел Чкаловского обкома, акцентировал внимание на антисоветской настроенности значительной части польских солдат. В записке приводятся следующие высказывания: «На фронте мы будем бить не только немцев, но и коммунистов», «Мы будем бить коммунистов и евреев», «Наши семьи находятся под властью немцев, поэтому по приезде на фронт перейдем в плен и увидимся со своими семьями...»¹⁰.

Командующим польской армией был назначен освобожденный из Лубянской тюрьмы в августе 1941 г. В. Андерс. Шестую польскую дивизию возглавил генерал-майор М. Токажевский-Карашевич, его заместителем был назначен генерал Е. Волковицкий, а начальником штаба – полковник Л. Домань. Запасной полк, который первоначально расположился в Колтубанке, возглавил полковник Я. Галадык. После перевода полка в Тощкое его командиром был назначен полковник Коц, а его заместителем – полковник Б. Раковский. В сентябре 1941 г. в городе Бузулуке начал действовать штаб польской армии, который возглавил Л. Окулицкий.

Вместе со штабом 10 сентября 1941 г. прибыл в Бузулук В. Андерс. На здании, которое было выделено местными властями для размещения штаба, уже развевался польский флаг. 14 сентября В. Андерс выехал в Тощкое и встретился с солдатами формирующейся 6-й пехотной дивизии.

Руководство армии в ходе ее формирования сталкивалось с многочисленными трудностями, связанными с финансированием, зимним расквартированием, перебоями в снабжении, недостатком строительных материалов. Первоначально планировалось, что 6-я дивизия и запасной полк будут составлять 14 600 человек. Еще 1400 человек должны были размещаться непосредственно при штабе армии. На это количество и было рассчитано обеспечение постельными принадлежностями и инвентарем. Однако количество

прибывших было более чем в два раза выше запланированного. К тому же при принятии решения о формировании польской армии не было дано указаний о зимнем расквартировании. В результате солдаты были размещены в палатках летнего типа, а офицерский состав – в летних, неутепленных помещениях. К октябрю 1941 г. для 10 тысяч польских солдат вообще не было каких-либо укрытий, и они вынуждены были ночевать под навесами или в сене.

Поляки, прибывающие к месту формирования польской армии, чаще всего не имели никаких средств к существованию и были плохо одеты. Офицерский состав также не был обеспечен обмундированием. Многие прибывали без сапог, шинелей и верхней одежды. Для исправления этой ситуации польской армии было отпущено 44 тысячи комплектов теплого обмундирования. Многие из прибывших были больны простудными, желудочно-кишечными заболеваниями и цингой. В октябре 1941 г. при госпитале № 1662 в городе Бузулуке было открыто специальное отделение на 50 коек для польских военнослужащих. После того как 30 ноября 1941 г. Государственный комитет обороны рассмотрел вопрос о состоянии польских формирований, начальнику тыла Красной армии генерал-лейтенанту Хрулеву было поручено проверить положение в польской армии и принять все необходимые меры к устранению существующих недостатков.

Было принято решение о строительстве землянок для размещения на зиму всего состава частей. Для этого требовались строевой лес, топливо и лесозавод. Поэтому было принято решение о переносе земляночного городка под Колтубанку. Из местных ресурсов были выделены инструменты (300 пил, 300 топоров, 1000 лопат), предоставлен гужевой транспорт (до 500 подвод). В Бузулуке, кроме ранее отведенных помещений для размещения штаба и офицерского состава, были выделены дополнительные помещения для размещения 100 офицеров и два барака на 3400 солдат¹¹.

В декабре 1941 г. инспекционную поездку по польским военным лагерям совершил глава польского эмигрантского правительства В. Сикорский. Специально к этому событию было приурочено проведение парада польских войск, выпущен первый номер газеты «Ожел Бялы» («Белый орел»). Глава польского правительства посетил палатки, в которых размещались солдаты, принял участие в общем богослужении. Итоги поездки В. Сикорский подвел в письме, адресованном У. Черчиллю, где давалась подробная характеристика состояния польской армии, а также положения поляков в целом на территории Советского Союза и Южного Урала в частности¹²; 4 декабря 1941 г., во время пребывания В. Сикорского в СССР, была подписана советско-польская декларация, в которой польская сторона подтвердила обязательство о совместной борьбе против гитлеровской Германии. Вместе с тем В. Сикорский заручился согласием советского руководства на эвакуацию 25 тысяч

польских солдат из еще не сформированных частей на Ближний Восток, а также переброску польских летчиков и моряков в Великобританию. Кроме того, была достигнута договоренность об увеличении численности армии Андерса до 96 тысяч человек.

Советское руководство указывало на необходимость отправки на советско-германский фронт хотя бы одной дивизии армии Андерса, отмечая принципиальное политическое значение этого факта. Однако в феврале 1942 г., с одобрения В. Сикорского, В. Андерс отказался выполнять взятые польской стороной обязательства. Остальному контингенту польских войск было дано разрешение на эвакуацию в Иран. 19 марта 1942 г. последовал приказ командующего польской армией о начале эвакуации. В течение марта-апреля 1942 г. туда выехало порядка 43 тысяч человек. В мае была прекращена мобилизация в польскую армию, а уже 10 июня польское эмигрантское правительство официально отказалось от планов использования польской армии на советско-германском фронте и приняло решение об эвакуации оставшихся подразделений польской армии в Иран. В связи с принятием этого решения 16 июня 1942 г. Чкаловский облвоенкомат дал указание всем городским военкоматам окончательно прекратить направление польских граждан в польскую армию. Второй этап эвакуации армии Андерса прошел в течение июля-августа 1942 г. Всего же в 1942 г. в Иран было эвакуировано 119 855 польских граждан, в том числе 76 100 военнослужащих армии Андерса и 43 755 членов их семей. Следует отметить, что группа солдат и офицеров вышла из состава армии Андерса, в том числе и полковник Зигмунд Берлинг, ставший впоследствии во главе 1-й Польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко. В мае 1943 г. после обращения антифашистского Союза польских патриотов в Селецких лагерях под Рязанью начала формироваться Польская дивизия имени Т. Костюшко¹³. 6 мая 1943 г. принято постановление ГКО «О формировании на территории СССР Польской стрелковой дивизии имени Т. Костюшко». Из состава армии Андерса было передано в Польскую дивизию Берлинга 36 510 поляков¹⁴. Продолжилась и мобилизация польского населения в ряды нового воинского формирования. Так, в августе 1943 г. в дивизию были направлены Кировским райвоенкоматом города Чкалова 37 поляков. Из Магнитогорска были мобилизованы и направлены еще 30 поляков. Прошедшие в Магнитогорске медкомиссию 31 человек из числа бывших польских граждан были возвращены облвоенкоматом. В Кусинском районе Челябинской области медкомиссию прошел 21 поляк. Из них в распоряжение облвоенкомата были направлены восемь человек. Также на медкомиссию были направлены и бывшие польские граждане других национальностей: евреи – 37 человек, украинцы – 23 человека, белорусы – три человека. Из их числа заявления о добровольном зачислении в польскую армию подал 21 человек. Из Копейска в дивизию были направлены семь поляков¹⁵.

В Чкаловской летной школе в годы войны прошли обучение 46 будущих летчиков польских ВВС. Еще 72 польских летчика были выпущены 30 ноября 1944 г. Сорочинской летной школой¹⁶.

Значительное число поляков и бывших польских граждан после завершения формирования польских воинских формирований остались проживать на территории Южного Урала.

15 января 1943 г. СНК СССР было принято решение о проведении паспортизации бывших польских граждан, проживающих на территории Советского Союза. На территории Чкаловской области кампанию по паспортизации поляков планировалось начать с 10 марта 1943 г. Предполагая, что часть бывших польских граждан попытается уклониться от получения советских паспортов, секретарь Чкаловского обкома ВКП(б) Г. Денисов дал указание всем секретарям горкомов и райкомов области оказывать необходимое содействие органам НКВД и милиции в обеспечении явки поляков в районные отделы НКВД. Туда же предписывалось направлять всю информацию о лицах, уклоняющихся от паспортизации, а также принимать меры к их задержанию и принудительной доставке в райотделы НКВД.

Поляки, не подлежащие мобилизации, обеспечивались работой, средствами к существованию и местом жительства наравне с остальными советскими гражданами. Большинство из них были направлены для работы в совхозы и колхозы. Только в период с апреля до сентября 1942 г. отделом по хозяйству эвакуации Чкаловского облисполкома на сельхозработы было направлено 1378 польских граждан. Из них в Буртинский район – 143 человека, Адамовский – 98, Павловский – 79, Халиловский – 50, Новоорский – 48, Кваркенский – 41, Чкаловский – 33, Сольбицкий – 11, Покровский и Троицкий – по три, Буранный, Саракташский и Сорочинский – по одному человеку. Кроме того, польские граждане были направлены в города и райцентры: в Орск – 48 человек, Акбулак – 90, Бузулук – 11 человек. Остальные 717 польских граждан были распределены по отраслевым трестам, которые направляли временных работников в районы по своим путевкам. В распоряжение треста молмясосохозов были переданы 327 человек, в овцесовхоз – 133, в зерносовхоз – 143, в свиновхоз – 48 и в облместпром – 66 человек¹⁷.

Некоторая дополнительная помощь польским гражданам оказывалась за счет благотворительных грузов, получаемых по линии польского посольства. Еще в начале 1942 г. было образовано уральское представительство (делегатура) польского посольства с центром в Челябинске¹⁸. В условиях крайнего дефицита товаров и продуктов одной из основных функций этой организации стала финансовая, продуктовая и вещевая помощь бывшим польским гражданам. На местах для распределения поступающих грузов был сформирован институт доверенных лиц. Однако неконтролируемая благотворительная деятельность польского посольства не устраивала советское руководство.

Уже осенью 1942 г. делегатура в городе Челябинске была упразднена. Доверенные лица или непосредственно бывшие польские граждане вынуждены были связываться напрямую с польским посольством в городе Куйбышеве. Так, в феврале 1943 г. поляки, проживающие в Сольилецком и Акбулакском районах, обратились в свое посольство с просьбой об оказании им материальной помощи. К заявлению прилагались списки поляков, удостоверенные председателем колхоза «Ащебутак» Гильденбрантом и начальником строительства Акбулакского мелового завода Бугаецом, и письменное подтверждение последними добросовестного отношения поляков к работе, а также их крайней нуждаемости в одежде и обуви. Это было расценено областным руководством как грубая политическая ошибка, как проведение антисоветской деятельности и клевета на советскую власть¹⁹.

После принятия 21 мая 1943 г. постановления СНК СССР «О мерах улучшения материальной помощи полякам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР» распределение всех благотворительных грузов было передано в систему Наркомторга, где было создано специальное Управление особой торговли (Упрособторг). В распоряжение Упрособторга были переданы все 11 торговых баз польского посольства, существовавших в СССР, в том числе и в городе Чкалове. Вся работа по руководству снабжением польского населения возлагалась на уполномоченных Наркомторга, в ведении которого находился базовый склад благотворительных грузов, поступающих из-за границы. Летом 1943 г. в районы Чкаловской области было отправлено закрытое письмо за подписью секретаря обкома ВКП(б) и председателя облсовета, в котором говорилось о передаче всех благотворительных грузов, ранее находившихся в ведении польского посольства, в систему Наркомторга²⁰. На чкаловскую базу Упрособторга первоначально возлагалась задача обслуживания всех бывших польских граждан, проживающих в Чкаловской и Актюбинской областях, а также в Башкирской АССР²¹. Позднее помимо этих регионов за чкаловской базой были закреплены Куйбышевская, Ульяновская, Кзыл-Ординская, Западно-Казахстанская (Уральская) и Гурьевская области²².

Наркомторгом был распространен приказ, в соответствии с которым предписывалось создание на местах из числа бывших польских граждан комиссий содействия. В задачи этих комиссий входило осуществление помощи уполномоченным Наркомторга в работе по распределению благотворительных грузов. Предписывалось членов комиссий содействия избирать на общих собраниях поляков, прямым и открытым голосованием. Комиссии создавались по принципу межрайонного кустового обслуживания. От каждого района в комиссию должно было избираться по одному представителю. Всего в Чкаловской области к июню 1943 г. проживали 5928 поляков (по другим данным, 5999 человек)²³. В таблице 1 приведены сведения о кустовании

районов Чкаловской области по организации обслуживания польского населения.

Таблица 1

**Кустование районов Чкаловской области по организации
обслуживания польского населения**

Куст, район	Количество обслужива- емого населения, чел.	Куст, район	Количество обслужива- емого населения, чел.
Куст № 1	311	Куст № 5	917
Бугурусланский район	110	город Чкалов	72
Асекеевский район	35	Чкаловский район	433
Краснопартизанский район	7	Павловский район	162
Секретарский район	4	Сакмарский район	37
Сок-Кармалский район	6	Октябрьский район	17
Мордово-Боклинский район	5	Белозерский район	37
Абдулинский район	98	Александровский район	8
Пономаревский район	29	Троицкий район	11
Матвеевский район	17	Екатериновский район	14
Куст № 2	867	Буртинский район	126
Бузулукский район	529	Куст № 6	520
Державинский район	9	Сольилецкий район	330
Грачевский район	56	Буранный район	105
Курманаевский район	127	Тепловский район	85
Тоцкий район	98	Куст № 7	483
Андреевский район	48	Акбулакский район	483
Куст № 3	854	Куст № 8	578
Сорочинский район	477	Кувандыкский район	35
Свердловский район	88	Саракташский район	109
Ташлинский район	223	Зиянчуринский район	31
Люксембургский район	66	Медногорский район	338
Куст № 4	449	Гавриловский район	65
Покровский район	54	Куст № 9	949
Переволоцкий район	92	Орский район	181
Ново-Сергиевский район	68	Халиловский район	122
Мустаевский район	125	Новопокровский район	133
Краснохолмский район	54	Новоорский район	38
Илекский район	56	Кваркенский район	255
		Домбаровский район	87
		Адамовский район	133
ИТОГО		5928	

Вопросам формирования комиссий содействия придавалось большое политическое значение. Местные власти допускали возможность «попы-

ток отдельных вражеских элементов, из числа бывших польских граждан, в состав комиссий содействия проташить нежелательных лиц»²⁴. Чкаловский исполком облсовета и обком ВКП(б) приняли решение возложить ответственность за непосредственное руководство проведением общих собраний бывших польских граждан и за осуществление выборов комиссий содействия непосредственно на райсоветы и районные комитеты ВКП(б). Последним рекомендовалось немедленно приступить к подбору лояльно настроенных к советской власти кандидатур членов комиссий, положительно проявивших себя на работе в совхозах и колхозах, на промышленных предприятиях. Поощрялось включение в списки польских граждан – участников Отечественной войны, демобилизованных по ранению из рядов советской армии, постоянно проживающих до 1939 г. на территории Западной Украины или Белоруссии. Кроме того, рекомендовалось ввести в состав комиссий выходцев из Польши, состоящих в рядах ВКП(б) или ВЛКСМ, а также членов семей поляков, мобилизованных в дивизию имени Т. Костюшко. Параллельно ход формирования комиссий содействия контролировался районными отделами НКГБ. Чтобы намеченные кандидаты не были провалены общим собранием, предписывалось обязать поляков, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, принять активное участие в проведении агитации участников собрания за голосование за намеченных кандидатов, а также выступить на собрании в их защиту. Численность поляков в областной парторганизации значительно выросла в годы войны. Если на период начала войны в парторганизации числилось 50 поляков, то к началу 1943 г. их было уже 137 человек (108 членов партии и 29 кандидатов)²⁵. Само собрание рекомендовалось созывать только после тщательной подготовки и по всему межрайонному кусту в один день. Это, по мнению областного руководства, не даст антисоветски настроенным полякам возможности сориентироваться и выработать общую тактику поведения, для того чтобы «...отрицательно повлиять на исход дела»²⁶. Вместе с тем общие собрания по всем районам предписывалось провести не позднее 10 июля 1943 г.

В большинстве районов выборы в комиссии содействия состоялись именно 10 июля. Не везде они прошли по запланированному сценарию. Например, в Буранном районе гражданин Гидермат потребовал проведение выборов закрытым голосованием, а гражданин Городнюк выступил с предложением сделать перерыв, для того чтобы подготовить предложения по альтернативной кандидатуре. Эти действия в информации, представленной в обком партии, были обозначены как враждебные²⁷. В таблице 2 обобщены данные о лицах, избранных в комиссии в некоторых районах Чкаловской области. Эти данные еще раз подтверждают, что среди бывших польских граждан достаточно велико было представительство евреев, которые принимали самое активное участие в общественной жизни.

**Бывшие польские граждане, избранные 7–10 июля 1943 г.
в комиссии содействия по Чкаловской области**

Район	Ф.И.О	Биографические данные
Абдулинский	Карженевский Александр Емельянович	Бывший участник партизанского отряда
Адамовский	Высоцкий Павел Флорионович	Рабочий Гильдинского мясосовхоза
Акбулакский	Арбайтман Яков Ушеревич; Медведь Исаак Моисеевич; Шпигель Елияш Израилевич	Электрик мельзавода (1914 г. р., национальность – еврей); Шлакоуборщик на ж/д станции Акбулак (1917 г. р., национальность – еврей); Рабочий колхоза «Степная Правда» (1914 г. р., национальность – еврей)
Александровский	Сообщено, что бывших польских граждан нет	
Андреевский	Вербинский Пантелеймон Иванович	1913 г. р., национальность – поляк
Город Бугуруслан	Гутенбаум Иосиф Яковлевич	Учитель с/ш г. Бугуруслана (1908 г. р., национальность – еврей)
Буранный	Зренячный Хаим Абрамович	Рабочий к/х имени Персиянова
Державинский	Шмур Шмэкэр Янкелевич	1920 г. р., национальность – еврей
Домбаровский	Сидорчук Василий Абрамович	Забойщик на шахте № 1 (1918 г. р.)
Краснохолмский	Бойко Семен Абелевич	Учитель черчения и рисования
Кувандыкский	Эльстер Сарра Фраимовна	Работает в детдоме Краснознаменского с/с
Люксембургский	Замаринский Степан Николаевич	Проживает в селе Яшкино (1919 г. р., национальность – украинец)
Медногорский	Крицун Святослав Иванович	Подземный рабочий Блявинского рудника (1903 г. р.)
Новопокровский	Сотковская Геня Александровна; Ганишер Данута Францевна; Манжос Нина Михайловна	Работница к/х «Новый Быт» (1923 г. р., национальность – полька); Работница к/х «Мотор» (1925 г. р.); Операционист на Саринском элеваторе (1918 г. р.)
Павловский	Нусгель Лейзер Ушеревич	Бригадир полеводческой бригады к/х имени К. Либкнехта
Пономаревский	Минешко Владислава Мечиславовна	Учительница Пономаревской с/ш (1908 г. р., национальность – полька)
Ташлинский	Ходыш Исаак Израилевич	Парикмахер Ташлинского м/совхоза (1909 г. р., национальность – еврей)
Тепловский	Вень Франц Иосифович	Рабочий на ферме с/х имени Володарского (1895 г. р., национальность – поляк)
Халиловский	Левен Евгения Ивановна	Работница к/х «Волна революции» (1907 г. р., национальность – полька)
Чкаловский	Лец Отто Моисеевич	

В целом по стране, по данным на июнь 1944 г., через базы Упрособторга обслуживалось 329 225 польских граждан, в том числе через чкаловскую базу 34 150 человек²⁸. За весь период своего существования, с 1 июля 1943 г. по 1 июня 1946 г., чкаловской базой было распределено промышленных и производственных товаров на сумму 3 983 233 рублей²⁹.

При распределении продуктов в первую очередь учитывались нужды польских детей. Только в польской школе, располагавшейся в городе Соль-Илецке, на начало 1943/1944 учебного года обучалось 52 ребенка. Еще 123 ребенка в возрасте до 14 лет находились в городе Орске; 26 польских детей обучались в школе в селе Кваркено³⁰. В польской школе (улица Орджоникидзе, 81) города Чкалова учились 68 детей³¹. По данным областного правления Союза польских патриотов на август 1944 г., в Чкаловской области было учтено 478 детей польских граждан школьного возраста и 160 детей дошкольного возраста. На территории области была организована деятельность восьми начальных школ для польских детей: в Чкаловском районе две школы на 59 детей и по одной школе в городе Медногорске (107 учащихся), Орске (91), Новотроицке (35), в Кваркенском районе (50), Сорочинском (56), Сольилецком районе (44). Таким образом, учиться в польских школах в 1944 г. должны были начать 442 польских ребенка. Остальные, по-видимому, обучались в общих школах. При каждой польской школе планировалась организация интернатов на 15–40 человек. Также в этот период велась работа по организации детского дома для польских детей на 100 человек. В Чкалове, Орске, Медногорске и Соль-Илецке организовывались детские сады на 25 детей каждый³².

Однако эта помощь не всегда была достаточна. Местные власти, несмотря на многочисленные трудности, вынуждены были оказывать полякам, находящимся в бедственном положении, дополнительную помощь. Так, 1 июля 1944 г. для голодающих поляков была открыта в городе Оренбурге раздаточная кухня, способная обслуживать 150–200 человек. В период с 1 июля 1944 г. по 1 июня 1946 г. на этой кухне приготовили и отпустили 199 400 блюд на сумму 195 100 рублей. В основном продукты для кухни поступали по линии благотворительных грузов. Топливо для работы кухни выделяли в незначительном количестве, и приходилось покупать его на рынке.

Нормы снабжения бывших польских граждан, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии, были установлены приказом Наркомторга СССР № 3202/825 от 11 апреля 1944 г. Кроме того, приказом народного комиссара торговли СССР А. В. Любимова было принято решение о выдаче в июле и августе 1944 г. дополнительных пайков эвакуированным полякам³³.

В июне 1944 г. для трудоустройства польских граждан была организована ремонтно-починочная мастерская, состоящая из двух цехов: портняжного и сапожного. Правда, помещение для мастерской состояло всего из одной комнаты, арендованной у частновладельцев, и не могло уместить всех работаю-

ших. В результате было принято решение о переводе части из них на работу на дому. За период с июля 1944 г. по июнь 1946 г. в этой мастерской было сшито 135 новых пальто, 100 костюмов, брюк и пиджаков, а также 132 других вещи. Также было изготовлено 235 пар обуви, отремонтировано еще 1363 пары, связано 262 кофты и свитера и 10 носков³⁴.

Несмотря на то что местные органы власти старались создать для поляков хотя бы самые необходимые бытовые условия, заботились об их трудоустройстве, сам факт того, что эти люди проживали в буржуазной Польше, вызывал определенные опасения и стремление ограничить контакты бывших польских граждан с местными жителями. Так, руководство некоторых колхозов и совхозов просто запрещало молодежи общаться с поляками. 14 мая 1943 г., выступая на партийном собрании в совхозе имени В. М. Молотова, инструктор обкома ВКП(б) Шавдонина отметила: «Польские граждане у вас больше влияют на рабочих, чем ваша парторганизация»³⁵.

Идеологическая работа в русле пропаганды советско-польской дружбы с приближением к границам Польши все усиливалась. Было принято решение о создании специальной организации по учету, опеке и контролю над польским населением, находящимся на территории СССР. В первой половине 1943 г. был создан Союз польских патриотов (СПП), и только в конце этого года отделения этой организации стали появляться на местах³⁶.

Был разработан устав СПП, в соответствии с которым высшим (в документе – «верховным») органом союза являлся съезд, а постоянно действующим руководящим органом – главное правление и выделенный им президиум, который должен был располагаться в Москве.

Основными целями деятельности СПП, в соответствии с уставом, являлись: 1) помощь польскому народу в освобождении Польши от немецкого ига; 2) вооруженная борьба вместе с Красной армией против гитлеровских захватчиков; 3) борьба за восстановление суверенных прав и независимости польского государства; 4) борьба за восстановление парламентарно-демократического строя; 5) удовлетворение материальных, культурных и других нужд поляков в СССР; 6) укрепление дружеских связей между польским народом и народами СССР.

Для достижения указанных целей СПП брал на себя функции по организации вооруженных польских частей, по оказанию всевозможной помощи борющейся с немецкими захватчиками Польше. Кроме того, СПП планировал проведение широкой пропагандистской деятельности с точки зрения национальных польских интересов «...для восстановления в результате победоносного окончания войны независимой и демократической Польши, свободной и сильной»³⁷. Более того, союз возложил на себя полномочия выступать как представитель духовных и материальных интересов Польши в СССР. В сфере удовлетворения духовных запросов поляков, проживающих

в СССР, союз предполагал организовать сотрудничество с советскими властями в вопросах организации и обеспечения деятельности польских школ, культурно-просветительских организаций, а также организации общественной помощи. СПП планировал издание польской литературы, культурно-просветительных брошюр, учебников, художественной литературы. Издание «Вольна Польша» объявлялось центральным органом печати СПП.

Согласно разработанному уставу, членом СПП мог стать каждый поляк, проживающий в Советском Союзе, солидаризующийся с целями деятельности союза и платящий членские взносы. В обязанности каждого члена входило содействие своим участием в вооруженной борьбе или самоотверженной, производственной или общественной работой победе в освободительной войне с «гитлеровскими варварами».

Вполне объяснимо, что далеко не все пункты данного устава могли удовлетворить советское и партийное руководство, поэтому широкого развития деятельность Союза польских патриотов не получила. Однако местные отделения продолжали свою деятельность.

В начале 1944 г. в Чкаловской области было организовано областное правление Союза польских патриотов (СПП), которое располагалось в городе Чкалове по адресу: улица Цвиллинга, 51. Председателем областного правления был избран Крынский, ответственным секретарем стал Крупко. К июню 1944 г. в районах области насчитывалось уже девять местных правлений: в Чкалове, Бугуруслане, Бузулуке, Орске, Соль-Илецке, Краснохолме, Ново-Троицке, Сорочинске и Покровке.

Летом 1944 г. состоялась областная конференция представителей польского населения в Чкаловской области, на которой рассматривался вопрос «О работе Союза польских патриотов в области». На конференции было принято решение организовать там, где сконцентрировано большое количество поляков, местные правления СПП. В местах, где польское население было немногочисленно, предлагалось организовать кружки СПП. В культурно-просветительной сфере было решено организовать общеобразовательные курсы и курсы для ликвидации неграмотности, польские уголки и клубы, библиотеки, хоровые и драматические кружки, устраивать литературные вечера. Кроме того, на местах, где имеются соответствующие условия, предлагалось связаться с отделами народного образования с тем, чтобы организовать польские школы, детские сады и ясли. Национальные праздники предлагалось проводить массово, с приглашением советских граждан. Для популяризации идей СПП рекомендовалось использовать стенные газеты, фотомонтажи, плакаты с польскими лозунгами. Дружескую связь с советскими людьми предлагалось устанавливать путем самоотверженной работы на предприятиях, а также с помощью активного участия во всех общих советских мероприятиях. Члены областной конференции рекомендовали всем полякам «...неустанно разобла-

чать антипольскую враждебную деятельность клики Сосновских, Андерсов и т. н. Лондонского правительства»³⁸ и окружить всеобщей любовью вождей борющегося народа и вождей Советского Союза.

Другой вопрос, который рассматривался на этом совещании, касался организации деятельности областной комиссии общественной помощи, которая, по мнению участников конференции, должна была формироваться на общих собраниях поляков. Институт районных уполномоченных, таким образом, предлагалось ликвидировать. На предприятиях, где работало значительное количество поляков, предлагалось создавать еще и бытовые комиссии для обследования материального положения поляков. Комиссии общественной помощи должны были следить за тем, чтобы все виды общей помощи, предусмотренные советскими органами власти для семей военных инвалидов и эвакуированных, охватывали и всех имеющих право пользоваться этой помощью поляков. Для организации медицинской помощи предлагалось активнее использовать врачей-поляков.

В октябре 1944 г. состоялись районные совещания СПП в городах Бузулуке, Орске и Чкалове, на которых был дан обзор международной обстановки, а также были заслушаны отчеты местных правлений СПП.

Политико-воспитательное направление деятельности СПП заключалось в проведении различных мероприятий: лекций и бесед по вопросам укрепления советско-польской дружбы и международного положения, массовых митингов и торжественных мероприятий, посвященных юбилейным датам в польской истории: годовщины битвы под Грюнвальдом, 150-летию восстания Т. Костюшко, дней конституции и независимости. Организовывались кружки, проводились различные семинары. Повсеместно поляками торжественно отмечалось освобождение Варшавы³⁹.

По данным на 1 января 1944 г., в Чкаловской области проживало 8200 поляков. Через год их численность сократилась до 7800 человек. Первая конференция представителей Союза польских патриотов из республик и областей Уральского региона прошла в Челябинске 16–20 марта 1945 г. На конференции присутствовали 80 делегатов из шести регионов: Курганской, Молотовской, Свердловской, Челябинской областей, Башкирии и Удмуртии⁴⁰.

После окончания войны советское руководство приступило к выстраиванию новой системы взаимоотношений с польским государством. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1945 г. устанавливалось, что лица польской и еврейской национальностей и члены их семей, переселяющиеся из СССР в Польшу, признавались вышедшими из советского гражданства с момента их выезда из Советского Союза. 10 ноября 1945 г. СНК СССР было принято специальное секретное постановление, направленное на упорядочение взаимоотношений СССР и Польши. В нем предусматривалась возможность возвращения бывших польских граждан к

себе на родину. Была создана Советско-польская комиссия по эвакуации, в состав которой вошли по три представителя от каждого государства. Постановлениями этой комиссии от 14 декабря 1945 г. и 6 января 1946 г. были разработаны и утверждены инструкции о порядке приема, рассмотрения заявлений и утверждения на выезд из СССР в Польшу польских граждан, а также указание по организации отправки в Польшу принудительно переселившихся⁴¹. Советско-польское соглашение, заключенное 6 июля 1946 г., разрешало репатриацию бывших польских граждан. На местах, при исполкомах, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 10 ноября 1945 г., были созданы специальные комиссии, которые занимались составлением списков польских граждан, желающих переселиться в Польшу, оформлением эвакуационных удостоверений, были разработаны графики их отправки на родину⁴².

СНК СССР было установлен окончательный срок регистрации польских граждан, желающих выехать в Польшу, – 31 декабря 1945 г., а срок их выезда на родину – до 15 июня 1946 г. Наркомпросу СССР было дано поручение обеспечить в период с 1 ноября 1945 г. по 15 июня 1946 г. эвакуацию поляков в Польшу. По состоянию на 1 ноября 1945 г., только по Украинской, Белорусской и Литовской ССР было записано 1 439 759 польских граждан, желающих выехать в Польшу, из них 734 729 человек уже выехали. Параллельно шел процесс переселения из Польши в СССР украинского, белорусского и литовского населения⁴³.

С 11 по 17 июня 1945 г. в городе Чкалове проходило заседание областного совещания работников Союза польских патриотов, на которое были приглашены представители из 44 районов области. На совещании обсуждался вопрос о реэвакуации, которую рекомендовалось осуществить спокойно, без «горячки»⁴⁴.

К началу 1946 г. численность польского населения в Чкаловской области сократилась до 5114 человек. Списки польских граждан, утвержденные комиссией к переселению в январе 1946 г., увеличились до марта того же года почти в два раза. Из Чкаловской области в этот период было отправлено четыре эшелона, состоящие в общей сложности из 200 вагонов, в которых отбыли в Польшу 4250 человек⁴⁵. При этом, по данным на сентябрь 1946 г., в Чкаловской области на учете состояли 4418 бывших польских граждан, 2727 человек из которых подали заявления о возвращении в Польшу. Комиссией по переселению был утвержден список, включающий в себя персоналии 1661 взрослого и 657 детей до 14 лет⁴⁶, то есть всего 2318 человек.

Всего же в СССР, по состоянию на середину августа 1946 г., было учтено 247 460 польских переселенцев. Часть из них впоследствии отказалась от выезда в Польшу (1273 человека) или не получила эвакуационных удостоверений (2748 человек). 3471 человеку в выходе из советского гражданства и

выезде из Советского Союза в Польшу было отказано как не подпадающим под действие советско-польского соглашения. На родину было отправлено в общей сложности 228 814 бывших польских граждан. На всю процедуру переселения было израсходовано 8 777 000 рублей⁴⁷. По данным на июнь 1945 г., в лагерях и тюрьмах НКВД СССР находилось 25 047 польских граждан, в том числе: в лагерях интернированных – 12 280 человек, в пунктах фильтрации – 9185, в лагерях ГУЛАГа – 2285, во фронтовых лагерях и тюрьмах – 1297 человек. Кроме того, в лагерях НКВД для военнопленных находились 3273 поляка, служивших в немецкой армии и попавших в плен в составе немецких частей, а также еще 7202 человека, мобилизованных в рабочие батальоны из немецкой Силезии и считающих себя поляками⁴⁸.

Летом 1946 г. союзы польских патриотов прекратили свою деятельность. Они выполнили свои основные функции, заключавшиеся в учете польских граждан, оказании им гуманитарной помощи, проведении культурно-просветительской и политико-идеологической работы.

¹ ГАОО. Ф. 804. Оп. 2. Д. 2. Л. 20.

² За особые заслуги в советско-польской войне 1920 г. бывшие военнослужащие польской армии получили землю в районах с преобладающим украинским и белорусским населением, где, кроме всего прочего, осуществляли и определенные полицейские функции по отношению к местному населению.

³ ГАРФ. Ф. Р.-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 379–380.

⁴ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. С. 78.

⁵ Федорова А. В. Армия Андерса на Урале // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сб. материалов (статей и тезисов). Оренбург: «Димур», 1996. С. 70–71.

⁶ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 116. Л. 434.

⁷ Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сб. научных трудов. Оренбург, 1994. С. 47.

⁸ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л. 128.

⁹ Федорова А. В. Народы Южного Урала: этнический взгляд на историю. Оренбург: Пресса, 2001. С. 104.

¹⁰ Из докладной записки секретаря Тоцкого райкома ВКП(б) В. П. Рылеева в военный отдел Чкаловского обкома ВКП(б) о настроениях и поведении польского военного соединения в Тоцких лагерях // Место эвакуации – Чкаловская область / Под общей редакцией С. М. Муромцевой. Оренбург: «Димур», 2010. С. 72.

¹¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 118. Л. 30–31.

¹² Федорова А. В. Армия Андерса на Урале // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сб. материалов (статей и тезисов). Оренбург: «Димур», 1996. С. 77.

- ¹³ Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сб. науч. трудов. Оренбург, 1994. С. 49.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 382–384.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 272. Л. 6–8.
- ¹⁶ Шпинева Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2002. № 3 (22). С. 45; Она же. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Автореферат на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2004. С. 19.
- ¹⁷ ГАОО. Ф.р-2144. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.
- ¹⁸ Чевардин А. В. Поляки в Свердловской области в 1939 – конце 1940 гг. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Челябинск, 2009. С. 18 (24 с.).
- ¹⁹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 1.
- ²⁰ Судоргина Т. В. Гриф «секретно» – снят // Великая Отечественная и Южный Урал (1941–1945 гг.). Сб. статей и материалов / Под ред. А. В. Федоровой. Оренбург: «Димур», 1995. С. 7.
- ²¹ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 155. Л. 9.
- ²² Дьяконова Н. Ю. Поляки в Чкаловской области (1939–1946 гг.) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сб. материалов (статей и тезисов). Оренбург: «Димур», 1996. С. 60.
- ²³ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 42–43.
- ²⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 4.
- ²⁵ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 4. Д. 154. Л. 76; Оп. 6. Д. 90. Л. 1; Оп. 7. Д. 81. Л. 41.
- ²⁶ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 154. Л. 4 об.
- ²⁷ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 145. Л. 2, 26.
- ²⁸ Решетова О. И. Выполнение правовых актов о поляках в годы Великой Отечественной войны // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сб. материалов (статей и тезисов). Оренбург: «Димур», 1996. С. 66.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 82. Л. 1 об.
- ³⁰ Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сб. науч. трудов. Оренбург, 1994. С. 51.
- ³¹ ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 55. Л. 362.
- ³² Информация заместителя заведующего облоно А. Е. Агibalова в Наркомат просвещения об организации начальных школ для польских детей в Чкаловской области // Место эвакуации – Чкаловская область / Под общей редакцией С. М. Муромцевой. Оренбург: «Димур», 2010. С. 80–81.
- ³³ Приказ народного комиссара торговли СССР А. В. Любимова о дополнительной выдаче пайков эвакуированным полякам // Место эвакуации – Чкаловская область / Под общей редакцией С. М. Муромцевой. Оренбург: «Димур», 2010. С. 80.

³⁴ Из отчета уполномоченного Министерства торговли СССР по Чкаловской области П. А. Дроздовой о снабжении эвакуированного польского населения с 1 июля 1943 по 1 июня 1946 г. // Место эвакуации – Чкаловская область / Под общей редакцией С. М. Муромцевой. Оренбург: «Димур», 2010. С. 82.

³⁵ Цит. по: Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сб. науч. трудов. Оренбург, 1994. С. 52.

³⁶ Чевардин А. В. Деятельность Свердловского областного правления Союза польских патриотов в 1944–1946 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 1/2 (63). С. 224 (223–230).

³⁷ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 4–5.

³⁸ 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 6.

³⁹ Пиримкулов Ш. Д. К вопросу о политико-воспитательной работе Союза польских патриотов в СССР в республиках Средней Азии и Казахстана (1943–1946) / Ш. Д. Пиримкулов // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 18–19 (С. 17–22).

⁴⁰ Чевардин А. В. Деятельность Свердловского областного правления Союза польских патриотов в 1944–1946 гг. / А. В. Чевардин // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 1/2 (63). С. 228 (С. 223–230).

⁴¹ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. С. 163.

⁴² ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 175. Л. 1–2.

⁴³ ГАРФ. Ф. р.- 9401. Оп. 2. Д. 100. Л. 481–482.

⁴⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 11.

⁴⁵ По другим данным, в период с марта 1946 г. по август 1947 г. четыремя эшелонами на родину были отправлены 4513 польских граждан (ГАОО. Ф. р.-1014. Оп. 14. Д. 16. Л. 24).

⁴⁶ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 175. Л. 9, 126.

⁴⁷ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. С. 165.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.р.-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 343–344.

**СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)**

А. В. Чевардин
Екатеринбург

Вторая мировая война оказала влияние на деятельность Свердловского областного отдела народного образования (облоно). В сентябре 1939 г. учителя в местных школах провели беседы с учениками о том, «как Красная армия освободила народы Западной Белоруссии и Западной Украины от панского гнета». Уральская пионерия активно отреагировала на сентябрьские события. Во Дворце пионеров в городе Свердловске и в Доме пионеров города Серова был организован сбор подарков и писем для «освобожденных от ига капитализма» детей¹.

К этому времени в Свердловской области насчитывалось 2 095 школ: 1 526 были городскими, 569 – сельскими. Из них лишь 180 школ – средними. Общее количество учащихся составляло 432 700 человек. С этим количеством учеников справлялось 12 199 учителей. Только 8 809 человек из них имели высшее образование².

Несмотря на внушительность приведенных цифр, имевшегося количества школ все равно не хватало. Как известно, в эти годы Советский Союз переживал культурную революцию. Руководством страны был провозглашен курс на всеобуч. Партия и правительство требовали от облоно охвата обучением всех детей, проживающих на территории области. Однако с этой задачей уральские чиновники к началу Второй мировой войны еще не справились. По оперативным данным на 15 сентября 1939 г., «недоохват детей обучением составил по области 9229 чел.»³.

Более того, ситуация со всеобучем к концу 1939/1940 учебного года только обострилась: число детей, не охваченных системой образования, возросло почти в два раза. Как оказалось, причины этого увеличения крылись в работе другого советского ведомства – народного комиссариата внутренних дел. В течение 1940 г. на территорию Свердловской области «в порядке специального переселения» прибыли около 27 тысяч депортированных польских граждан, примерно треть из которых составляли дети⁴.

В докладной записке об итогах работы школ Свердловской области за 1939/1940 учебный год заведующего Свердловским облоно А. Шарца изложена причина срыва работы по всеобучу: «...Значительная часть недоохвата и отсева за последнее время была за счет нерусских детей, плохо владеющих русским языком, которые прибыли в ряде районов области из других

областей и республик страны, особенно из Западной Украины, Белоруссии и др., которых не смогли охватить учебой». Таким образом, Свердловскому облоно досталось «значительное количество (до 7000 человек) нерусских детей, преимущественно поляков», которые в ряде районов «не составляли компактных групп», а были «распыленные по отдельным школам района». Кроме этого, «в связи с оказанием помощи в освобождении от ига капитализма братским народам Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в связи с победой нашей славной Красной армии над белофиннами в порядке промпереселения» в регион прибыли около двух тысяч детей переселенцев – евреев, поляков, белорусов и финнов⁵.

Перед Свердловским облоно была поставлена задача включить в местную систему образования польских детей, депортированных в Свердловскую область в 1940 г. Местные чиновники имели на этот счет следующее мнение: «Временное включение в русские школы невозможно, т. к. дети, особенно поляки, финны, совершенно не владеют русским языком». Необходимо было обеспечить детей обучением на их родном языке. Отсутствие педагогических кадров и учебников не позволяло в короткие сроки разрешить этот вопрос. Однако конкретные шаги все же последовали. Заведующий облоно просил из Москвы санкцию на расширение школьной сети для охвата прибывших на Урал детей: «...Вызывается необходимость... в Ирбитском районе, в связи со спецпереселением, строительства 3-х школьных зданий на лесоразработках»⁶.

О том, как Свердловский облоно за год справился с охватом польских детей советским образованием, становится ясно из следующего документа. 29 ноября 1940 г. вышло решение за № 2345/18с исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по обслуживанию спецпереселенцев-осадников в спецпоселках Свердловской области». В нем отмечалось, что прежнее решение исполкома облсовета за № 6 от 23 апреля 1940 г. некоторыми руководителями хозяйственных организаций так и не было выполнено. Поэтому исполком их обязывает в течение декабря 1940 г. предоставить и оборудовать помещения под медпункты, школы, столовые, детучреждения там, где это необходимо. Исполком обязывал лично заведующего Свердловским облоно Шарца в течение декабря 1940 г. обеспечить полный охват начальным обучением детей спецпереселенцев, обеспечить все школы спецпоселков учебно-наглядными и методическими пособиями и школьно-письменными принадлежностями, установить контроль над качеством учебно-воспитательной работы, «обратив особое внимание на политическое воспитание»⁷. Однако и это решение не было выполнено.

Весьма интересны воспоминания самих бывших ссыльных о школьном образовании на Урале в годы войны. В польском спецпоселке Новоницин-

ское Ирбитского района в 1940/1941 учебном году была открыта школа. Казимир Омахель стал ее посещать, однако после того как он спел отцу заученную в школе песню: «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны красноармейские наши штыки...», отец запретил сыну ходить в такую школу. Живший в Режевском районе Станислав Пасынkevич не имел возможности посещать школу в спецпоселке, так как ее там не было. Ему приходилось ходить в обычную советскую школу на расположенную неподалеку железнодорожную станцию Костюсово⁸.

В связи с тем что местное облоно плохо справлялось с поставленными перед ним задачами по опеке над польскими детьми, на помощь пришло польское эмигрантское правительство. Это стало возможно после начала Великой Отечественной войны, когда Польша из врага превратилась в союзника СССР.

Согласно документам, на территории Свердловской области в период с осени 1941 г. по декабрь 1942 г., на деньги польского правительства и иностранных благотворительных организаций, открылись следующие учреждения, зарегистрированные в Посольстве Республики Польша в СССР. В Березовском районе: два детских сада на 220 человек, в Сосьве – детский сад на 60 человек, в Красноуральском районе – три детских сада (300 человек), детдом (15 человек), дом инвалидов, пункт дополнительного питания (100 человек), амбулатория с персоналом пять человек. Город Красноуфимск получил санитарный пункт, Верхняя Тура – детский дом (22 человека), Пышма и окрестности – два детских сада, две школы, санитарный пункт, Режевской район – шесть пунктов дополнительного питания (630 человек), город Ревда – детский сад на 160 человек⁹.

Не всегда такого рода учреждения открывались по согласованию с местными органами власти. Об одной такой «нелегальной» школе рассказывала в НКВД советский школьный инспектор С. В. Шубникова: «Около 20 июля 1942 года мне... было поручено обследовать подготовку школ к зимнему сезону по Режевскому району. Приехав на 46-й квартал... я узнала, что там функционирует школа для детей польских граждан. Районо на открытие такой школы разрешение не давало... Из разговора с учительницей Квятковской я узнала, что дети польских граждан обучаются польскому языку, истории Польши, географии, арифметике... Перед началом и концом урока все дети молятся Богу, произносятся молитвы. Во время обучения детей польскому языку читаются книги религиозного содержания. Иначе говоря, воспитание детей в религиозном духе проходит красной нитью через всю программу школы». Встретившись с польским представителем В. Мерником, школьный инспектор спросила, почему в школе ведется религиозное воспитание, запрещенное в Советском Союзе. «Мерник стал мне доказывать, что Бог существует и поэтому детей нельзя оставить без религиозного воспитания»¹⁰.

Однако большинство этих детских учреждений работало очень недолго. Во-первых, на Урале в 1942–1943 гг. начинается острая нехватка продовольствия, что прямым образом повлияло на их работу: «Основных причин выбытия учащихся из школ три: первое – с конца марта продуктовые фонды, отпускавшиеся в зимние месяцы на питание учащихся, в ряде школ торговцами были сильно сокращены, в сельских районах совсем сняты, а школьные запасы были израсходованы, поэтому горячие завтраки сильно сократились; второе – это тяжелое материальное положение семьи, главным образом из-за недостатка хлеба: учащиеся или уходили на работу, или вынуждены оставаться дома для замены старших членов семьи в хозяйстве, уходивших на работу в производство, совхозы, колхозы. И третья, основная причина: в истекшем учебном году новая школьная обувь на места почти не поступала. Старая обувь, которую ремонтировали в предыдущие годы, поизносилась...»¹¹. Таким образом, многие польские подростки, так же как и советские, вместо школ отправились на производство, чтобы получить продовольственные карточки.

Второй причиной свертывания польской системы детских учреждений стал разрыв советско-польских отношений весной 1943 г. Сеть представителей польского посольства в Свердловской области была упразднена, многие активные деятели этой системы арестованы, что окончательно парализовало работу школ, детских садов и других полонийных учреждений. Вновь полная ответственность за детей переселенцев перешла к Свердловскому облоно.

После коренного перелома в Великой Отечественной войне, начала быстрого продвижения советской армии на запад (лето-осень 1943 г.) из столицы вновь пришли директивы об активизации работы облоно с польскими детьми. Из «Годового отчета о работе школ Свердловской области за 1943/1944 учебный год» следует, что в регионе действовало две школы с польским языком преподавания. Школа в поселке Дегтярка Ревдинского района была открыта в сентябре 1943 г. Контингент учащихся состоял из 80 человек. Из них: 1-й класс – 30 учащихся, 3-й класс – 25; 4-й класс – 25. Вторая школа находилась в поселке Крутояры Пышминского района. Она была переведена на польский язык преподавания в декабре 1943 г. Контингент учащихся состоял всего из 67 человек. Из них: 1-й класс – один учащийся, 2-й класс – 21, 3-й класс – 16, 4-й класс – 16. В области также появились русские школы с польским языком как предметом: школа № 24 в поселке Первомайском Березовского района и одна школа в Исовском районе¹².

О преподавателях данных учебных заведений облоно отзывалось следующим образом: «В школах работают учителя-поляки с большим педстажем работы в Польше. С советской системой школы они незнакомы. Никто из учителей, работавших в польских школах, не состоял членом СПП (Союза польских патриотов. – А. Ч.) в СССР». «Некоторые учителя проводят старую

официальную воспитательную линию польских школ на родине. Например, в Дегтярской школе учительница Сулимярская воспитывает у учащихся почитание Пилсудского как создателя польского государства».

Как отмечается в документе, основным недостатком в учебной работе школ для польских детей в 1943/1944 учебном году являлось отсутствие программ и учебников. Учителя руководствовались старыми польскими учебниками или составленными лично вспомогательными книжками: «Программный материал в польских школах и по польскому языку в русских школах пройден только приблизительно в той мере, насколько старые польские учебники совпадают с требованиями программ Комитета по делам польских детей в СССР... Такие предметы, как история СССР, география Польши и даже русский язык (в Крутойрской школе), совсем не были включены в учебные планы школ».

В конце учебного года были проведены испытания. Ученики 4-го класса Крутойрской и Дегтярской школ писали работы на русском и польском языках. Оценку «пять» не удалось получить никому, «четыре» получили семь человек по польскому языку, пять человек – по русскому языку. Оценку «три» получили шесть человек по польскому языку и пять человек по русскому языку. Остальные 11 человек не справились с работой вовсе. Облоно констатировало, что «знания учащихся по польскому языку удовлетворительные, но чувствуется отсутствие учебников. Орфографические навыки непрочные, учащиеся путают правила польской и русской орфографии»¹³.

В конце документа работники облоно подвели итоги своей собственной работы: «В Свердловской области специальное обучение польских детей в 1943/1944 учебном году было проведено неудовлетворительно. Во многих районах области польским детям не было возможности обучаться на родном языке. Польские школы, организованные в прошлом учебном году, работали плохо. Главными причинами изложенного состояния являются: 1. Отсутствие в аппарате облоно инспектора, знающего польский язык, который мог бы осуществлять постоянный контроль за работой существующих школ и заняться организацией специального обучения польских детей; 2. Формальное отношение некоторых роно (районные отделы народного образования. – А. Ч.) к вопросу организации польских школ; 3. Трудности с кадрами; 4. Отсутствие учебников и программ для польских школ».

В новом 1944/1945 учебном году свердловские чиновники планировали открыть польские начальные школы в Березовском (в поселках Первомайский и Малиновка), Пышминском (8-й квартал ЛГХ) и Режевском (в поселках Малые Озера, Малая Крутиха, Крутиха) районах, а также в городе Реж. Должны были ввести преподавание польского языка в русской школе в поселке Костоусово. На повестке дня оставалось открытие школ в Красноуральском, Таборинском, Зайковском, Алапаевском, Исовском, Ирбитском,

Красноуфимском, Сухоложском, Шалинском, Егоршинском районах¹⁴. Однако всем этим планам не суждено было сбыться: большинство польских детей были переселены на Украину в начале нового 1944/1945 учебного года.

Еще одной важной работой, которой занимался Свердловский облоно в годы войны, была организация и руководство детскими домами региона. За годы Великой Отечественной войны в Свердловской области число воспитанников в них увеличилось с четырех тысяч до 16 тысяч человек, количество детских домов возросло с 23 до 113.

Одним из них был польский областной детский дом. Он работал с августа 1944 г. по 28 мая 1946 г. в поселке Монетный Березовского района. В учреждении воспитывалось 110 человек¹⁵. Впоследствии воспитанники детского дома были репатриированы в Польшу¹⁶. Возглавлял его работу польский еврей Александр Левин¹⁷.

Весь период Второй мировой войны на Среднем Урале принимались директивы, касающиеся польских детей. Сложно привести другой пример внимания и заботы советской власти по отношению к подданным чужого государства – польским детям.

Однако этот вопрос был не самым главным в работе Свердловского облоно. И решался он далеко не в первую очередь. На плечи работников облоно легла тяжелая работа, от которой зависела судьба многих тысяч детей, как местных, так и вывезенных из европейской части страны. Областными чиновникам приходилось балансировать между многочисленными приказами из столицы и ограниченными местными возможностями.

В работе облоно можно выделить три основных периода работы по изучаемому вопросу: первый (1940–1941 гг.) – это слабые попытки создать школьную сеть в районах проживания польских спецпереселенцев. Второй (1941–1942 гг.) – активизация работы над созданием сети польских школ и других детских учреждений самими поляками. В этот период Свердловское облоно сотрудничало с польскими представителями, однако пыталось контролировать и корректировать их работу. В третий период (1943–1946 гг.) вновь активизируется деятельность облоно. Им создаются польские школы и классы в некоторых районах области.

Около девяти тысяч польских детей проживало на территории области с начала 1940 г. по конец 1944 г. В течение пяти лет чиновникам не удалось создать для них нормально функционирующую сеть детских учреждений, пусть даже в суровых условиях военного времени.

Таким образом, решение о полном охвате польских детей советским образованием не было выполнено. Основная причина неудачи крылась в отсутствии педагогических кадров и учебников. Если же сами поляки создавали детские учреждения и их выявляло облоно, они зачастую закрывались, так как считались незаконными и не соответствовали советским критериям.

-
- ¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. Л. 47.
- ² Там же. Л. 44, 97, 98.
- ³ Там же. Л. 5.
- ⁴ Чевардин А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. Екатеринбург: БКИ, 2010. С. 53.
- ⁵ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. Л. 9, 89, 104.
- ⁶ Там же. Л. 90, 104.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Т. 5. Л. 101.
- ⁸ Личный архив А. В. Чевардина: Воспоминания К. Омахеля; Воспоминания С. Пасынкевича.
- ⁹ Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940–1943. Warszawa: Neriton – IH PAN, 1999. S. 433.
- ¹⁰ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО-СО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 43951. Л. 250.
- ¹¹ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 126. Л. 5.
- ¹² Там же. Д. 130. Л. 28.
- ¹³ Там же. Л. 28, 28 (об.).
- ¹⁴ Там же. ЛЛ. 36, 36 (об.).
- ¹⁵ Там же. Д. 27. ЛЛ. 9, 12.
- ¹⁶ Чевардин А. В. Польский областной детский дом в поселке Монетный // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сб. науч. трудов. Омск: ОмГАУ, 2010. С. 441–445.
- ¹⁷ Левин А. Польский дом на Урале / Пер. с польского Ч. Т. Петрушко. Екатеринбург: Полиграфист, 2006.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО УПРОСОБТОРГА В ЧЕЛЯБИНСКЕ

**по снабжению польских граждан Свердловской, Курганской,
Кустанайской областей и Башкирской АССР в 1944–1946 гг.**

**К. В. Дружинин
Челябинск**

Польские граждане попадали на Урал после 17 сентября 1939 г. разными путями. В Свердловской области к лету 1941 г. в спецпоселках находилось 26410 осадников и беженцев, размещенных в основном на лесных участках. В других рассматриваемых регионах таких спецпоселков почти не было: в Челябинской области проживало 2172 человека, в Кустанайской – 884, в Башкирии – 275¹.

В Северный Казахстан выселялись семьи польских офицеров, полицейских, жандармов, помещиков, они размещались в колхозах и совхозах. На 12 августа 1941 г. в Кустанайской области их насчитывалось 8705 человек².

Уральские заводы проводили вербовку рабочей силы на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Например, только предприятия Наркомата черной металлургии Свердловской области и Башкирской АССР должны были принять более 1500 семей беженцев из немецкой зоны оккупации Польши³.

С началом Великой Отечественной войны в тыловые районы стали прибывать эвакуированные, в том числе с территорий бывшей Польши.

В 1941 и 1942 гг. проводились мобилизации «западников» в строительные батальоны (строительные рабочие колонны) отдельных строительно-монтажных частей; таким образом, польские граждане, эвакуировавшиеся в другие районы страны, также попадали на Урал.

После возобновления дипломатических отношений между СССР и польским правительством в эмиграции была объявлена амнистия для польских граждан, а по стране начали создаваться представительства (делегатуры) польского посольства. Делегатуры пытались выявить места расселения своих граждан и оказать им материальную помощь деньгами, продуктами и одеждой, получаемыми от общественных организаций за рубежом и с помощью кредитов СССР. Однако эта помощь доходила далеко не до всех, например, несмотря на то что одна из делегатур располагалась в Челябинске, в Челябинской области было взято на учет менее четверти всех польских граждан. Были и случаи злоупотреблений со стороны работников делегатур и доверенных лиц, распределявших помощь⁴.

В конце 1942 г. в связи с ухудшением отношений между СССР и польским эмигрантским правительством деятельность делегатур была прекращена,

а в 1943 г. дипломатические отношения были разорваны, и бывшие польские граждане вновь получили советское гражданство.

В 1943 г. был создан Союз польских патриотов (СПП) для объединения всех поляков в СССР с целью активизации борьбы с фашизмом за освобождение Польши и удовлетворения материальных и культурных потребностей поляков – все это в тесной дружбе с Советским Союзом. Первый съезд прошел в июне 1943 г. Постановлением СНК от 21 мая 1943 г. в составе НКТ было образовано Управление по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР (Упрособторг). Оно было призвано улучшить снабжение бывших польских граждан путем распределения благотворительных грузов, поступающих из-за границы, фондов, выделенных Советским Союзом, а также путем организации предприятий для обслуживания населения (мастерские, столовые, подсобные хозяйства и другие учреждения соцкультбыта).

Первоначально в 1943 г. было создано 11 баз (оптовых складов на месте бывших складов польского посольства) Упрособторга и, соответственно, 11 должностей уполномоченных по снабжению бывших польских граждан⁵. С 15 октября территория страны была разделена между этими базами: так, Свердловская область снабжалась из Кирова (уполномоченный К. Ф. Шишкина), Челябинская, Курганская и Кустанайская – из Петропавловска (уполномоченный Л. С. Лебедев, затем В. Ф. Молостов), а Башкирия – из Чкалова (уполномоченный П. А. Дрозова)⁶. Разные регионы начали получать помощь в разное время. Первыми могли снабжаться польские граждане тех городов, где располагались склады. Курганская область получала продукты и промтовары во второй половине 1943 г., Челябинская – с февраля 1944 г., Свердловская – еще позже⁷. В Челябинской и Свердловской областях как в местах наибольшей концентрации польских граждан были учреждены должности заместителей уполномоченных по снабжению, которые должны были заниматься приемом и распределением благотворительных товаров в своих областях⁸.

Для того чтобы помощь доходила до всех нуждающихся, первой задачей было установление размещения и численности бывших польских граждан. Для этого облысполкомами запрашивались в районах сведения о проживающих там «польских подданных», в местные торгующие организации спускались инструкции, обязывающие их заключать договоры на транспортировку и выдачу благотворительных грузов на местах⁹. В это же время формируются местные органы СПП, которые также помогали выявлять численность и размещение снабжаемого контингента.

Чтобы полнее охватить помощью польских граждан на Урале, с середины 1944 г. в городе Челябинске учреждается должность уполномоченного по снабжению эвакуированных поляков и межобластной склад.

Штатное расписание уполномоченного Наркомторга в Челябинске было утверждено 17 апреля 1944 г. Государственной штатной комиссией при Совнаркомом СССР, а 18 апреля – Упрособторгом¹⁰. Согласно нему, аппарат уполномоченного составлял 12 человек: уполномоченный, его заместитель, два старших инспектора-контролера, главный бухгалтер, старший бухгалтер, секретарь-машинистка, директор базы, его заместитель, товаровед и два сторожа¹¹.

25 ноября 1944 г. приказом № 564 по Наркомторгу СССР была утверждена должность уполномоченного Наркомторга СССР по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР, в городе Челябинске¹².

Уполномоченный в городе Челябинске должен был заниматься дополнительным снабжением эвакуированных поляков в Челябинской, Свердловской, Курганской и Кустанайской областях, а также в Башкирской АССР.

По данным НКВД, по итогам паспортизации в 1943 г. в Челябинской области проживало 10 257 человек, в Курганской – 1217, в Башкирии – 2252. На июль-октябрь 1944 г. приходится реэвакуация части польских граждан, проживавших в наиболее неблагоприятных условиях, из некоторых регионов страны в европейскую часть РСФСР и в освобожденные области Украины. По Кустанайской области из 6492 человек выехало 2989, по Свердловской – из 12 593 (на 1943 г.) выехало 6030¹³.

После завершения реэвакуации в Свердловской области большинство польских граждан проживало в городах, так же, как и в Челябинской области, где они работали в основном на заводах и стройках. В Курганской, Кустанайской областях и в Башкирии большая часть проживала в сельской местности¹⁴.

В национальном отношении в Свердловской и Челябинской областях и Башкирской АССР большинство составляли польские евреи, в Кустанайской области, куда выселялись семьи офицеров, больше было поляков¹⁵.

Одновременно с налаживанием работы самой конторы уполномоченного начинается организация деятельности в подчиненных ему областях. В каждом регионе предполагалась должность заместителя, который и должен был заниматься всей работой.

Отделы кадров предлагали для работы в аппарате уполномоченных Упрособторга в основном людей, работавших в торговых организациях вне зависимости от образования. Аппарат принимался уполномоченным и утверждался Упрособторгом.

Сам уполномоченный распределял благотворительные товары по вверенным ему областям, получал их и отправлял на места, а также занимался своей Челябинской областью. В то же время заместители получали прибывшие в их регион товары, заключали с торговыми организациями договоры на хране-

ние и транспортировку, налаживали связи с СПП, узнавая у них о положении и потребностях польских граждан. Также они обращались в различные организации и органы власти для организации снабжения.

Так, например, заместитель по Башкирии П. П. Толстой добился выделения картофеля для польских граждан в пострадавших от неурожая районах, он же организовывал снабжения ремесленных мастерских СПП в Давлеканово¹⁶. Кустанайский облторготдел для снабжения поляков выделял за наличный расчет рыбу в неограниченном количестве¹⁷.

Заместители утверждали все выдачи благотворительных товаров и отчитывались в каждом движении товаров уполномоченному. Определением нуждемости и непосредственным распределением каждого товара занимались комиссии общественной помощи, выбираемые из польского населения и являвшиеся связующим звеном между СПП и аппаратом уполномоченного Упрособторга.

В первую очередь снабжались польские учреждения. На рассматриваемой территории они были представлены польскими детскими домами: по одному в Свердловской, Челябинской областях и двумя в Кустанайской¹⁸. Среди населения преимущество получали члены семей военнослужащих, дети, больные. Распределялись различные продукты: фасоль, горох, жиры, сухое молоко, а также чай, кофе, чернослив и даже маца. Кроме того, выдавались и промтовары: мыло, пальто, перчатки, а также другая одежда и обувь.

С конца 1944 г. Союзом польских патриотов совместно с Упрособторгом распределялись невостребованные иностранные посылки, скопившиеся в почтовых отделениях в связи с выездом адресатов. Большое число таких посылок было в Кустанайской области, откуда довольно много семей выехало в армию Андерса¹⁹.

По просьбе СПП советское правительство оказывало специальную помощь польским гражданам, амнистированным по декрету Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1944 г. 31 октября 1944 г. вышло распоряжение Наркомторга о продаже амнистированным по одному комплекту белья, теплой одежды (фуфайки, ватные брюки) и пары обуви²⁰. Для Свердловской области было выделено 100 комплектов теплой одежды, белья и обуви, для Кустанайской – 250. Однако получение товаров местными торгами задерживалось, поэтому работниками Упрособторга принимались меры по получению этих фондов²¹.

В 1945 г. резко сократился объем благотворительной помощи. С одной стороны, исчерпались запасы складов бывшего польского посольства, с другой – сократился приток помощи из-за рубежа. В аппарате уполномоченных стало не так много работы. В это же время на местах организационно укрепились СПП. Это создало возможность отказаться от должностей заместителей уполномоченных в областях. По указанию из Москвы с 1 февраля первым

был уволен заместитель по Курганской области. С 1 мая были ликвидированы должности заместителей и в других регионах²². Вся работа по дополнительному снабжению бывших польских граждан легла на СПП и уполномоченного в Челябинске, чей аппарат в городе также сократился²³.

С конца 1945 г. начинается подготовка к репатриации. По соглашению от 6 июля 1945 г. выехать в Польшу могли только бывшие польские граждане польской и еврейской национальности и члены их семей²⁴.

На уполномоченного и СПП было возложено распределение помощи от ЮНРРА, выделенной польским правительством. Для рассматриваемых областей пришло 59 500 кг рыбных консервов, 38 160 кг концентрированного молока и сахар. Эта помощь раздавалась всем репатриантам без исключения и вне зависимости от материального положения²⁵.

В это же время из Москвы продолжали приходить ношенные заграничные вещи и посылки. С конца 1945 г. принималась, распределялась и отправлялась обувь (отправлено 122 ящика для всех обслуживаемых областей), пальто (1209 мужских и 2093 женских) и другие товары²⁶.

Уходящие эшелоны с репатриантами Упрособторг снабжал консервами, оборудованием вагонов-изоляторов (одеяла, продукты, медикаменты)²⁷.

Упрособторг был одной из советских официальных структур, помогавших польским гражданам в советском тылу. Им оказывали помощь также эвакуационные отделы райисполкомов, переселенческий отдел облисполкома, торговые организации и даже Международная организация помощи борцам революции. Польские граждане имели равные права с гражданами Советского Союза, могли получать одинаковые льготы.

Однако Упрособторг был основной организацией, отвечавшей за улучшение снабжения польских граждан. И можно сказать, что, несмотря на сокращение штатов и уменьшение поступления товаров из-за границы, ему удалось совместно с СПП наладить помощь эффективнее, чем делегатурам польского посольства.

¹ Głowacki A. Władze Kazachskiej SRR wobec problemów polskich zesłańców w 1940 roku // *My, Sybiracy*. Nr. 16. 2005. S. 6.

² Głowacki A. Władze Kazachskiej SRR wobec problemów polskich zesłańców w 1940 roku // *My, Sybiracy*. Nr. 16. 2005. S. 6.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. п-288. Оп. 3. Д. 154. Л. 113-116.

⁴ См., напр.: Жаравин В. С. Поляки в Котельниче в годы Великой Отечественной войны // «Позабыть нельзя»: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Хрестоматия). Киров, 2010 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://voyna.gaspiko.ru/blog/15.html>. Дата обращения: 29.04.2012; Boćkowski D. Op. cit. S. 374.

⁵ ОГАЧО. Ф. р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 134.

⁶ Там же. Л. 121; Д. 17. Л. 5.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 17. Л. 41-40; Оп. 2. Д. 1. Л. 48.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 17. Л. 21, 28, 33.

¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 125.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 77-77 об.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 175.

¹³ Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М.: Весь мир, 2001. С. 546-548; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М.: Наука, 1974. С. 123; Głowacki A. Ocalić i repatriować: Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943-1946), Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. S. 92.

¹⁴ ОГАЧО. Р-1038. Оп. 1. Д. 7. Л. 34; Чевардин А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939-1948 гг. Екатеринбург, 2010. С. 150-151; Шпинева Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Оренбург, 2004. С. 114.

¹⁵ Чевардин А. В. Евреи в польских общественных организациях на Среднем Урале в 1941 - 1946 гг. // Тирош – труды по иудаике. Вып. 11. М., 2011. С. 176; Woćkowski D. Op. cit. S. 226 - 228.

¹⁶ ОГАЧО Ф. р-1038. Оп. 2. Д. 9. Л. 33, 40.

¹⁷ Там же. Л. 16-17.

¹⁸ Там же. Ф. р-274. Оп. 3. Д. 1802. Л. 26; Ф. р-1038. Оп. 1. Д. 2. Л. 79; Д. 6. Л. 49. Д. 7. Л. 31; Д. 13.

¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 4 об., 8, 14; Оп. 2. Д. 9. Л. 6, 34 – 35 об.

²⁰ Głowacki A. Ocalić i repatriować... S. 97.

²¹ ОГАЧО. Ф. р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 73, 85; Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 17, 18.

²² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 78.; Д. 2. Л. 28.; Д. 9. Л. 22.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 16 – 16 об.; Оп. 2. Д. 4. Л. 50.

²⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. 8. С. 467-468.

²⁵ ОГАЧО. Ф. р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 3; Д. 8.

²⁷ Там же. Д. 55; Д. 56.

ПОЛЯКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛОТОВСКОЙ (ПЕРМСКОЙ) ОБЛАСТИ

С. А. Шевырин
Пермь

До начала Второй мировой войны поляков в Молотовской области было немного – всего около 1000 человек (955 человек, по переписи 1926 г.)¹.

В первый месяц войны Польша была разделена между Германией и СССР. «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана», – было записано в секретном дополнительном протоколе к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г.². Восточные районы Польши стали Западной Украиной и Западной Белоруссией, а количество поляков в СССР резко увеличилось. На советско-польской границе жили «осадники» – бывшие военные, получившие на границе землю – «осаду». Почти все эти люди принимали участие в советско-польской войне 1919–1921 гг., а потому расценивались сотрудниками НКВД как потенциальные враги. 29 декабря 1939 г. СНК СССР утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Согласно этому положению, тысячи семей должны были быть переселены в Россию. Переселение началось 1 февраля 1940 г., и к 2 апреля 1940 г. было выселено 139 596 человек. В Молотовскую область были переселены 1737 семей «осадников»³.

В архивно-следственных делах, хранящихся в Пермском государственном архиве новейшей истории, имеются десятки биографий «осадников». Так, в деле Бервида Бронислава Александровича описана его военная карьера и жизнь на «осаде»: «В августе 1914 г. я был взят в австрийско-венгерскую армию и служил до ноября 1918 г. Освободившись из австрийско-венгерской армии, я перешел в польскую, где служил до 1933 г., начиная от поручика и кончая майором. С 1919 по 1920 гг. я находился на фронте с СССР. Будучи ранен в левую руку, был направлен в лазарет в г. Проскуров. По выздоровлении в конце 1920 г. я продолжал служить, но был уже в тылу. Я проживал на осаде Сенкевичи в деревне Великие Заганцы Котербургского района Тарнопольской области. Вблизи д. Великие Заганцы я имел как осадник отдельный хутор, площадь которого составляла 17 га. Из построек я имел одну хату, из скотины было 2 коровы и 2 свиньи. Землю я засеивал всю полностью, 2 гектара земли я каждый год сдавал в аренду. В 1939 г. в октябре месяце по приходу Красной армии на территорию Польши я был арестован органами НКВД и находился в заключении в тюрьме в г. Кременчуг, откуда вместе с другими осадниками в 1940 г. был переотправлен на Урал, в Чердынский район»⁴.

В Прикамье семьи «осадников» были размещены в северных лесозаготовительных поселках. Коми-Пермяцкий окружной комитет ВКП(б) описывал в 1940 г. поселки спецпереселенцев-осадников: «Лесозаготовительные предприятия, спецпоселки расположены в непроходимой заболоченной местности. В силу таких естественных условий завоз хлебобудовых продуктов на эти участки в летних условиях невозможен. В результате такого положения рабочие этих предприятий и члены их семей летом 1940 г. ощутили систематические перебои в снабжении (2–3 дня находились без хлеба или делили 100–200 граммов). В результате чего продукты питания за 10–15 км носили на себе»⁵.

С 9 по 24 мая 1940 г. облздравотделом были проверены ряд спецпоселков осадников Молотовской области. В отчете было отмечено: «Спецкадры II категории (осадники) прибыли из Западной Украины и Западной Белоруссии в конце февраля и в начале марта текущего года. Размещены в поселках лесозаготовительных участков трестов «Комипермлес», «Уралзападолес» и в некоторых районах индустриального значения.

Все пункты размещения спецпереселенцев представляют собой зоны громаднейших лесных массивов с преобладанием лесов хвойной породы и на значительном расстоянии от местных селений и районных центров. Территории, окружающие спецпоселки, как правило, заболочены, в отдельных точках местность резко пересеченная, гористая.

<...> Во всех занимаемых бараках и домах-общежитиях редко наблюдаются индивидуальные кровати, и, как правило, для отдыха и сна используются общие нары, рассчитанные на семью, в редких случаях спят и на полу. <...> Оборудование бараков примитивное: общие столы, количество которых недостаточно, отсутствие скамей, плевательниц. Редко встречаются умывальники и имеет место полное отсутствие кипятильников. Бачков для хранения кипяченой воды нет нигде, и факты пользования сырой воды имеют место во всех районах. <...> Бараки и дома в надлежащий вид не приведены, не утеплены, не отремонтированы и не побелены. Железные печки, постоянно отапливаемые в течение дня, дымят, создавая копоть и чрезвычайно душную атмосферу в жилом помещении.

Новый состав спецпереселенцев вскоре после прибытия на места назначения, при отсутствии теплой одежды и обуви, дал высокие цифры заболеваний простудного характера: грипп, пневмония с единичными случаями смерти, вспышки брюшного тифа»⁶.

Летом 1940 г. была проведена еще одна операция по выселению поляков. В этот раз выселению подверглись беженцы – люди, жившие на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, пожелавшие выехать на территорию Польши, оккупированную Германией, и не принятые Германией. Операция началась 29 июня, всего было выселено 24 772 семьи (77 710 человек). В Молотовскую область были переселены 523 семьи (1542 человека). Все они

были размещены в лесных поселках и обязаны были работать на лесозаготовках⁷. На 1 марта 1941 г. в спецпоселках НКВД в Молотовской области числилось 1903 семьи польских осадников, всего 9160 человек⁸.

Начавшаяся Великая Отечественная война побудила СССР искать союзников и собственные резервы. 30 июля 1941 г. были восстановлены дипломатические отношения с польским правительством, одновременно был подписан договор об освобождении из ГУЛАГа и спецпоселений польских граждан. 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии польских граждан. Также было решено создать польскую армию на территории СССР из освобождаемых польских граждан.

Польские граждане в Молотовской области, получив документы, стремились как можно быстрее уехать. Лишившись почти бесплатной рабочей силы, леспромхозы начали писать жалобы, в ответ партийные органы требовали проводить идеологическую работу и попытаться уговорить поляков остаться на Урале: «...Поляки бросают работу и уезжают, причем предприятия треста «Комипермлес» и райкомы ВКП(б), столкнувшись с этими фактами, не организуют работы с уезжающими, пустили это дело на самотек, вместо того чтобы со всей прямотой разъяснить полякам, с какими трудностями они могут встретиться при неорганизованном выезде, доказать им необходимость и целесообразность остаться на месте или в пределах округа, в ряде мест оказались бессильны и прекратили работу.

Основным содержанием работы агитколлективов должно быть разъяснение вопросов международного положения, сводок информбюро и положения на фронтах Отечественной войны, разъяснение примеров самоотверженности рабочих, колхозников, служащих в тылу, на фабриках, заводах, полях, в лесной промышленности, мобилизация масс поляков на стахановскую работу»⁹.

Многие поляки из Молотовской области стали солдатами армии Андерса или дивизии имени Костюшко. Но не всем это удалось. Арестованный в 1944 г. в Березниках Жепко Ришард Иосифович рассказывал на допросах: «В польскую армию нас не берут, а держат на Урале как рабочую силу... Все мы писали письма в польское посольство и в польскую дивизию с просьбой посылки нас в польскую армию... В письмах мы все описывали об издевательствах над поляками, о голоде, которым нас, поляков, изводят. <...> С разрывом дипломатических отношений СССР с правительством Сикорского мы узнали, что под активной настойчивостью Ванды Василевской на территории СССР создается Польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. Вначале мы все высказывали свое нежелание служить в этой дивизии, но потом в беседах мы стали высказывать свое намерение пойти служить в польскую дивизию и вместе с Красной армией вести борьбу против фашистской Германии...»¹⁰.

Вместо фронта Ришард Иосифович был направлен в стройбатальон в Березники Молотовской области.

На смену уезжавшим из Прикамья осадникам прибыли поляки, мобилизованные в Красную армию и переведенные из боевых частей в рабочие батальоны. Жители Западной Украины и Белоруссии 1918–1919 гг. рождения, недавние поляки, еще до Великой Отечественной войны были призваны в Красную армию. Печенчик Андрей Минович, родившийся в селе Долговоля Ровенской области, записал свои воинские перемещения: «...В Красную армию меня призвали 22 апреля 1941 г. в Володимерецком райвоенкомате. После призыва меня определили в учебную роту моторизированной части № 1953 на ст. Лиски, г. Свобода Воронежской области. В упомянутой части я пробыл 2 месяца – до 1 июля 1941 г. – в качестве курсанта. С 1 июля 1941 г. я в течение примерно одного месяца обучался военному делу в Масловке, в составе 64-го стрелкового запасного полка. Из Масловки всю нашу часть направили в Воронеж. В Воронеже нас также обучали военному делу, но без оружия. Оружие у нас отобрали в Масловке. Наименования части, находившейся в Воронеже, я не знаю, в то время уже организовывался рабочий батальон. Наша часть состояла из 2 батальонов, в нее входили исключительно украинцы и белорусы – жители освобожденных Красной армией областей в 1939 г. В Воронеже мы также пробыли около месяца. Из Воронежа нашу часть направили в г. Муром, в строительный батальон № 815. В Муроме мы работали по специальности на оборонной промышленности до ноября 1941 г. Из Мурома нас направили в г. Молотов»¹¹. Мазур Бронислав Иванович из деревни Дернив-Майдан Струмиловского района Львовской области записал: «Я жил в хозяйстве отца до 1941 г., т. е. до момента призыва меня в Красную армию. В апреле 1941 г. меня призвали в Красную армию и направили в город Новохоперск Воронежской области, где я и служил в качестве рядового до июня 1941 г., т. е. до начала войны. В связи с началом войны я вместе с другими бойцами был направлен в лагерь вблизи Воронежа, но через два с половиной месяца меня из армии демобилизовали и направили в строительную рабочую команду в город Муром. Через полгода, т. е. уже в начале 1942 г., стройколонна была переведена в Закамск Кировского района Молотовской области»¹².

На территории Молотовской области к февралю 1942 г. было сосредоточено 56 строительных батальонов, позже – колонн с количеством рядового состава 50 тысяч человек¹³. Это были поляки, немцы, эстонцы, западные украинцы и белорусы, нестроевые и освобожденные из заключения уголовники. Поляки-бойцы строительных колонн работали на оборонных стройках – в Перми (тогда Молотове), Березниках строили и увеличивали мощность авиамоторного завода, химических, нефтяных заводов, производивших необходимую фронтую продукцию, а также работали в лесной промышленности.

Многие поляки остались до конца войны на территории Молотовской области. В первые – самые тяжелые – военные годы польское посольство активно помогало продуктами и одеждой своим гражданам. В 1942 г. Пильчарский Михаил Янович писал из поселка Кирьяново Юрлинского района в польское посольство в город Куйбышев: «Мы находимся на этом участке уже третий год. Здесь нас, поляков, 60 семей – 297 человек. <...> Довожу до вашего сведения, что сегодня мы получили из польского посольства 5000 рублей – это значительная помощь, за которую все мы приносим благодарность. Здешняя делегатура поделила эти деньги между наиболее нуждающимися»¹⁴. После указа об амнистии польских граждан от 12 августа 1941 г. из исправительно-трудовых лагерей было освобождено много поляков. Фаллек Шулем Леопольдович, юрист из Кракова, осужденный в 1940 г. за нелегальный переход границы и освобожденный из Усольского ИТЛ в 1941 г., писал в польское посольство: «...500 человек польских граждан, освобожденных из Усольлага, нуждаются в помощи». Через Фаллека между освободившимися поляками было распределено более 12 тысяч рублей¹⁵.

В 1944 г. было принято постановление СНК СССР «О переселении поляков, проживающих в северных и северо-восточных районах, в районы с более подходящим климатом». Всего было переселено в освобожденные районы Украины 27 тысяч человек¹⁶. В 1946 г. Молотовскую область покинуло большинство поляков, прибывших во время Второй мировой войны. В архиве сохранилось письмо, написанное руководством областного отделения Союза польских патриотов перед отправкой на родину:

*«Секретарю Молотовского обкома ВКП(б) т. Гусарову
Председателю Молотовского облисполкома т. Швецову*

Имеем честь известить вас, что польские граждане Молотовской области перед выездом на Родину сдали в сберегательные кассы области, в фонд восстановления разрушенных немецкими захватчиками районов СССР, облигации госзаймов на сумму 482 026 рублей, в том числе 25 670 рублей спецвкладов.

От имени всех поляков просим вас принять этот скромный подарок как свидетельство нашей глубокой благодарности для народов Советского Союза и Правительства СССР за оказанное нам гостеприимство в тяжелых годах войны, а также братскую помощь, оказанную нашему народу в его борьбе за свободу и независимость.

Просим принять наше горячее заверение, что после возвращения на Родину будем стоять на страже дружбы польского и советского народов, которая является гарантией победы демократии и прогресса.

Председатель областного правления Союза польских патриотов Мочерлов

Зам. председателя областного правления Союза польских патриотов Яблонек»¹⁷.

¹ Черных А. В., Голева Т. Г. и др. Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб, 2009. С. 136.

² Война Германии против Советского Союза (1941–1945). Каталог документальной экспозиции в зале «Топография террора». Берлин, 1992. С. 34.

³ Докладная записка начальника ОТП ГУЛАГ М. В. Конрадова наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии о приеме и расселении спецпереселенцев-осадников из западных областей УССР и БССР по различным краям и областям СССР. Не ранее 2 апреля 1940 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 273.

⁴ Архивно-следственное дело Бервид Б. А. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 17971.

⁵ Из докладной записки. 1941 г. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 19. Д. 120. Л. 12.

⁶ Материалы обследования населенных пунктов спецкадров II категории по Молотовской области. 9–24 мая 1940 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 116. Л. 157–171.

⁷ Из «Докладной записки начальника ОТП ГУЛАГ М. В. Конрадова наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии о приеме и расселении беженцев из ЕССН и БССР, август 1940 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 300–301.

⁸ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург – Пермь, 2003. С. 356.

⁹ Из постановления бюро Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б). 1941 г. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 19. Д. 244. Л. 132–133.

¹⁰ Из протокола допроса Жепко Р. И. от 9 октября 1943 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 23968. Л. 32.

¹¹ Архивно-следственное дело Печенчика А. М. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28549. Л. 38 об.

¹² Арх.-след. дело Мазур Б. И. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 23927. Л. 13 об.

¹³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 439. Л. 12.

¹⁴ Архивно-следственное дело Пильчарского М. Я. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 23124. Л. 18.

¹⁵ Архивно-следственное дело Фаллек Ш. Л. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11231. Л. 27–29.

¹⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 72.

¹⁷ Станковская Г. Ф. «В связи с отъездом на Родину...» // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 58–59.

Осадники – это бывшие военнослужащие польской армии, получившие землю – осаду – на советско-польской границе. Почти все они принимали участие в советско-польской войне 1920 г., а потому расценивались сотрудниками НКВД как потенциальные враги. После вхождения в 1939 г. восточных районов Польши в состав СССР эти люди с семьями были репрессированы. 29 декабря 1939 г. СНК СССР утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР» (так советское правительство называло восточные районы Польши). Согласно этому положению, тысячи поляков должны были быть переселены в Россию.

Переселение началось 1 февраля 1940 г., и ко 2 апреля 1940 г. было выселено 139 596 человек. В Молотовскую область было переселено 1737 семей. На 1 марта 1941 г. в спецпоселках НКВД в Молотовской области числились 1903 семьи польских осадников, всего 9160 человек¹.

В Кунгурском районе, как по всей Молотовской области, переселенцев-осадников распределяли по лесоучасткам: в село Михайловка, село Аспа, поселок Первомайский и другие поселения. Раиса Николаевна Мальцева (в девичестве Шутова), в 1941 г. жившая в селе Михайловка, так вспоминала первую встречу с поляками: «Как-то летом пригнали целый отряд поляков. Молодые, высокие, красивые парни, – вспоминает она. – Мы с девками сидим на крыльце барака. Подходят трое. Один спрашивает: «Вы корову маете?» Мы молчим. Он снова спрашивает: «Вы корову маете?» А Валька у нас бойчее всех была, она и говорит: «Она у нас доится, чё её маять». Теперь смешно, а он спрашивал, есть ли у нас корова».

12 августа 1941 г. советское правительство амнистировало всех польских граждан, репрессированных в период 1940–1941 гг. Таким образом, бывшие граждане Польши из «врагов» советской власти стали официально ее союзниками. Польским спецпереселенцам по всему Советскому Союзу в августе-сентябре были выданы удостоверения. Этот документ гласил, что данный человек «амнистирован как польский гражданин и имеет право временного проживания на территории СССР, за исключением пограничной полосы, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и второй категории». Официально ссылка закончилась, с этого момента спецпереселенцы были свободными людьми и могли свободно выехать за пределы спецпоселка².

Многие из бывших спецпереселенцев-поляков хотели попасть в армию. В это время активно велись переговоры о создании польской армии на тер-

ритории СССР. С советской стороны переговоры, начавшиеся в Москве 1 августа 1941 г., вел уполномоченный Генерального штаба Красной армии генерал-майор А. М. Василевский, с другой стороны – начальник польской военной миссии генерал-майор С. Шишко-Богущ.

Переговоры завершились 14 августа подписанием военного соглашения между Верховным главнокомандованием СССР и Верховным командованием Польши. Главной целью соглашения, как явствует из его текста, являлось создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии, предназначенной «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии».

Известный польский политический деятель и писательница В. Л. Василевская на встрече с И. В. Сталиным в ноябре 1940 г. поставила вопрос о формировании польских добровольческих частей. 22 июня 1941 г. группа офицеров польской армии, интернированных в сентябре 1939 г., во главе с подполковниками З. Берлингом и Л. Букоемским, обратилась к советскому правительству.

Они просили дать им оружие и предоставить возможность участвовать в борьбе СССР против фашистской Германии. Ее формированию предшествовало соглашение, подписанное 30 июля 1941 г. в Лондоне послом СССР в Великобритании И. М. Майским и главой польского эмигрантского правительства В. Сикорским. Согласно прилагавшемуся протоколу Правительство СССР предоставляло право всем польским гражданам, находившимся на территории в качестве военнопленных или в другом качестве, возможность вступить в армию³.

6 августа 1941 г. командующим польской армией в СССР был назначен генерал В. Андерс. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) были установлены пункты формирования частей и соединений польской армии в Саратовской и Оренбургской областях: штаб армии – в городе Бузулуке, пехотные дивизии и запасной полк в Татищевском и Тоцком лагерях.

Желающие вступить в польскую армию обращались в советские райвоенкоматы по месту жительства. В Кунгурском военкомате сохранились папки с заявлениями людей, содержащими просьбу призвать на защиту родины. Нет заявлений от поляков, но есть два листочка со списками двух сформированных отрядов.

Старшим одного из отрядов в 27 человек был назначен 50-летний Пешинский Виталий Лукьянович. Он уже служил в армии, воевал в Первую мировую, то есть имел боевой опыт и авторитет. Второй отряд в 28 человек возглавил 40-летний поляк, тоже ранее служивший, Вежба Станислав Иванович.

**Список добровольцев – польских подданных,
направленных в войсковую часть по вызову**

	ФИО	Год рождения	Подданство	Национальность	Служба
1	Пешинский Виталий Лукьянович (старший команды)	1890	Польское	Поляк	Служил
2	Якубовский Иосиф Михайлович	1894	Польское	Поляк	Служил
3	Волынский Зимут Андреевич	1898	Польское	Поляк	Служил
4	Драпун Василий Демьянович	1912	Польское	Поляк	Служил
5	Высоцкий Игнатий Игнатьевич	1897	Польское	Поляк	Служил
6	Качальский Сигизмунт Анб. <...>	1873	Польское	Поляк	Служил
7	Вовгерд Станислав Викентьевич	1898	Польское	Поляк	Служил
8	Глюзинский Сигизмунд Яковлевич	1920	Польское	Поляк	Служил
9	Дубовский Андрей Иванович	1900	Польское	Поляк	Служил
10	Херманович Станислав Бэртович	1907	Польское	Поляк	Служил
11	Воротинский Вячеслав Викторович	1908	Польское	Поляк	Служил
12	Карчевский Меднян Францович	1901	Польское	Поляк	Служил
13	Малиновский Юзер Адамович	1920	Польское	Поляк	Служил
14	Челех Тадеуш Исидович	1910	Польское	Поляк	Служил
15	Цветковский Франц Францович	1914	Польское	Поляк	Служил
16	Рогалевский Вацлав Витальевич	1921	Польское	Поляк	Не служил
17	Винярский Иван Ульянович	1917	Польское	Белорус	Служил
18	Гураль Антон Войдекович	1918	Польское	Поляк	Служил
19	Шарон Иосиф Иосифович	1897	Польское	Поляк	Служил
20	Харабурда Адам Кириллович	1918	Польское	Поляк	Не служил
21	Шостко Иван Дмитриевич	1921	Польское	Белорус	Не служил
22	Крись Антон Антонович	1898	Польское	Поляк	Служил
23	Савицкий Антон Антонович	1910	Польское	Поляк	Не служил
24	Лерковский Франц Францович	1907	Польское	Поляк	Служил
25	Куликовский Станислав Александрович	1911	Польское	Поляк	Служил
26	Дрозд Семен Семенович	1922	Польское	Белорус	Не служил
27	Николайчук Борислав Степанович	1899	Польское	Поляк	Служил

Список добровольцев – польских подданных, направленных в войсковую часть по вызову

	ФИО	Год рождения	Подданство	Националь- ность	Служба
1	Вежба Станислав Иванович (старший команды)	1900	Польское	Поляк	Служил
2	Кислый Иван Игнатьевич	1895	Польское	Белорус	Служил
3	Лоберек Валентин Полоцкович	1908	Польское	Поляк	Служил
4	Тейв Адек Абрамович	1905	Польское	Еврей	Служил
5	Кузьмин Кирилл Андреевич	1911	Польское	Украинец	Служил
6	Дохомутый Михаил Николаевич	1913	Польское	Поляк	Служил
7	Гризовский Стефан Юзирефович	1910	Польское	Поляк	Не служил
8	Дорняков Владислав Иванович	1901	Польское	Поляк	Служил
9	Андук Андрей Петрович	1903	Польское	Украинец	Служил
10	Юшкевич Павел Кузьмич	1920	Польское	Белорус	Служил
11	Галче (Палче?) Франц Федорович	?	Польское	Поляк	Служил
12	Шкута Алексей Сидорович	1914	Польское	Белорус	Служил
13	Кравчак Владислав Иванович	1919	Польское	Поляк	Служил
14	Лянговский Кондратий Францович	1922	Польское	Поляк	Служил
15	Лабанец Михаил Станиславович	1907	Польское	Поляк	Служил
16	Шалай Зубарц Иванович	1921	Польское	Поляк	Не служил
17	Ковалевский Владислав Станиславович	1914	Польское	Поляк	Служил
18	Левкович Роман Александрович	1922	Польское	Поляк	Не служил
19	Седеневский Казимир Витальевич	1916	Польское	Поляк	Служил
20	Цильвик Генрих Антонович	1922	Польское	Белорус	Не служил
21	Селинский Иосиф Иванович	1900	Польское	Поляк	Служил
22	Медюха Петр Ипполитович	1912	Польское	Белорус	Не служил
23	Федоров Игнатий Игнатьевич	1907	Польское	Еврей	Не служил
24	Верчень Огнер Мошкович	1922	Польское	Еврей	Не служил
25	Крупинский Валентин Викторович	1911	Польское	Поляк	Служил
26	Игнатенок Иван Леонтьевич	1917	Польское	Белорус	Не служил
27	Цибульский Казимир Казимирович	1907	Польское	Белорус	Служил

Списки подписаны кунгурским районным военкомом Шубиным и нач. 3 ч. интенд. Овчинниковым⁴.

2 октября 1941 г. из Кунгура в штаб части польской армии были направлены польские подданные согласно прилагаемым спискам, подавшие заявление о добровольном вступлении в польскую армию. Основанием формирования отрядов была телеграмма начальника штаба польской армии. Старшим команды были выданы предписание и билеты от станции Кунгур до станции Татищево около Саратова.

Как видим, два отряда поляков в Кунгуре были сформированы быстро: после августовских событий военкомат получил телеграмму, а уже 2 октября 1941 г. осадники выехали из Кунгура на новое место назначения.

К середине сентября 5-я и 6-я дивизии польской армии (шесть пехотных полков, два саперных батальона, два батальона связи и два зенитных артдивизиона) были сформированы и приступили к занятиям. В район дислокации армии прибывали все новые добровольцы. Вскоре это стало серьезной проблемой. Уполномоченный генштаба Красной армии сообщал: «В связи с освобождением из лагерей и тюрем нескольких десятков тысяч поляков в район формирования польской армии ежедневно стихийно, в неорганизованном порядке прибывают сотни поляков. В Тоцком и Татищевском лагерях помимо уже сформированных частей прибыло более трех тысяч человек»⁵.

Дальнейшая судьба кунгурских поляков-осадников неизвестна. Правительство В. Сикорского перевело часть польских военнослужащих из Татищево в Иран.

6 ноября Панфилов информировал Андерса о том, что общая численность его армии на 1941 г. определена в 30 тысяч человек, и предложил ему «имеющийся в районе излишек людского состава... направить в соответствующие, по желанию направляемых, районы для проживания».

¹ Шевырин С. А. ...И эта война тиха и жестока // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/i-eta-vojna-tiha-i-zhestoka.html>.

² Чевардин А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010.

³ Русский архив: Великая Отечественная. Том 14 (3–1). СССР и Польша. М.: ТЕРРА, 1994.

⁴ Кунгурский ГВК № 160. Д. 2. С. 58. Списки призывников, отправленных в войска в 1941г.

⁵ Армия Андерса в СССР // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://tehnika.clan.su/forum/22-283-1>.

ПОЛЬСКИЕ ИМЕНА В ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Г. А. Литовченко
Пермь

Первая на Урале железная дорога от Перми до Екатеринбурга, через Чусовую и Нижний Тагил, строилась акционерным обществом «Уральская горно-заводская железная дорога» и была сдана в эксплуатацию 1 октября 1878 г.¹. Дорога помогла уральской промышленности выйти из транспортной изоляции. Первоначально грузы вывозились только до реки Камы и дальше перевозились водным путем по Каме и Волге. С 1895 г. дорога получила выход на железнодорожную сеть страны через Екатеринбург, Челябинск, а с 1906 г., после соединения Вятки с Москвой и Петербургом через Вологду, дорога стала северным ходом Транссибирской железнодорожной магистрали. Дорога называлась по-разному: Уральская железная дорога, Пермская железная дорога, железная дорога имени Л. М. Кагановича и ныне – Свердловская железная дорога. Поляки в разные исторические периоды работали и служили на железных дорогах России. Польские имена встречаются на всех уровнях иерархии Пермской железной дороги.

Достаточно обширный материал о поляках-железнодорожниках содержится в материалах следственных дел 1930-х гг., хранящихся в Пермском государственном архиве новейшей истории. Материалы этих дел раскрывают судьбы поляков-железнодорожников в то беспокойное для истории России время.

Репрессии в 1937–1938 гг. стали обычными для железнодорожников. Так, 3 марта 1938 г. были приговорены к расстрелу 46 работников Чусовского железнодорожного узла. Через сутки их расстреляли. После 1956 г. все они были посмертно реабилитированы. Среди расстрелянных: начальник дистанции пути, начальник путевой машинной станции, остальные – составители, помощники машинистов, дежурные по станции, слесари, кочегары. Абсолютное большинство из них были ударниками и стахановцами². Как сообщается в отчетах, «в апреле месяце 1938 года было около 1500 уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в производстве дорожного транспортного отдела железной дороги имени Л. М. Кагановича. Ежедневное поступление в дорожную прокуратуру законченных следственных дел выражалось в количестве 10–15, а иногда и 20 дел. Дела оформлялись плохо. Нормы уголовно-процессуального кодекса нарушались. Около 50% дел мною возвращались на доследование с развернутыми письменными указаниями... Заместитель прокурора железной дороги»³.

Поводы для репрессий были различными, однако чаще всего они связывались с крушением поездов, которых на железной дороге на территории нынешнего Пермского края происходило в год более 70. Так, 4 ноября 1937 г. утром на перегоне Сылта – Валежная линии Пермь – Чусовская произошло крушение грузового поезда № 933. Разбито и свалено под откос 8 вагонов, два вагона сошли с рельс. Путь поврежден на расстоянии 250 м: побиты все шпалы и крепления. Причина крушения – две старые трещины на шейке рельса, гнилые шпалы (до 65%), лопнувшие накладки и болты. На перегоне Сылта – Валежная только в 1937 г. было шесть крушений на разных километрах. В дистанции ремонт пути производился старогодными костылями, изъятыми из пути, при укладке в путь дефективных рельс и накладок, гнилых шпал, несмотря на неоднократные просьбы начальника дистанции о снабжении дистанции новыми рельсами и новыми шпалами⁴.

К группе арестованных по делу о крушении поезда присоединили арестованного еще 24 октября 1937 г. рабочего пути Кита Степана Брониславовича, беспартийного, малограмотного, с рабочим стажем с 1906 г., проживающего на станции Сылта, поляка, рожденного в 1884 г. в деревне Гаря Гродненской области Белоруссии. А 6 ноября 1937 г. начальник транспортного отдела управления госбезопасности Перми сержант Г. Б. Новоселов провел успешный допрос, и протокол допроса, аккуратно, без помарок отпечатанный на пишущей машинке, был подписан обвиняемым. Он подробно рассказал о «своей принадлежности к контрреволюционно-диверсионной организации, существующей на 11-й дистанции пути железной дороги имени Кагановича, созданной контрреволюционной троцкистской организацией в блоке с польской разведкой... Считаю себя патриотом и польским националистом... открыто выступал против большевиков и не скрывал это... Я вредительски ремонтировал путь, укладывая негодные с трещинами накладки, рельсы и гнилые шпалы... Наша диверсионная организация является частью контрреволюционной организации на дороге... Поддерживается иностранными государствами: Японией, Германией и Польшей... Крушение поезда 933 на 60-м километре 4 ноября 1937 г. <...> Все крупные крушения были организованы нами». Обвинен по статье 59–7–9–11. Дело направлено на рассмотрение особого совещания НКВД. Постановление НКВД и Прокуратуры СССР от 25 ноября 1937 г. о расстреле Кита Степана Брониславовича приведено в исполнение 8 декабря 1937 г.⁵ А 2 января 1939 г. следователь НКВД вынужден был вынести постановление, что не установлено халатного отношения Кита С. Б. к делу, что недостаточно улик для предания обвиняемого суду. Постановление объявили заключенным 25 февраля 1939 г.

Дело об антисоветской троцкистской диверсионной организации на 11-й дистанции пути лопнуло. Дело было прекращено, но С. Б. Кита уже давно расстреляли⁶.

9 марта 1939 г. Екатерина Степановна Кита просила сообщить ей, где находится ее муж С. Б. Кита, жив он или нет, или осужден и на сколько. В НКВД на станции Пермь I об этом ей было объявлено 2 апреля 1940 г.⁷

16 июня 1989 г. вынесено заключение пермского областного прокурора, что дело Кита Степана Брониславовича подпадает под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»⁸.

Избицкий Людвиг Андреевич, 1889 г. рождения, уроженец деревни Гуськовка Овручского района Житомирской области, из семьи крестьянина, поляк. Окончил двухклассное городское училище. Специального образования не имел. У родителей были шесть сыновей и дочь. Отец умер в 1921 г., мать – в 1930 г. С 1911 г. служил в старой армии на КВЖД. С 1917 г. – начальник станции Юго-Западной железной дороги. С 1931 г. служил на Пермской железной дороге диспетчером-анализатором Чусовского отделения службы движения. Проживал на станции Калино⁹.

«Избицкий как анализатор работал хорошо... был службистом, если так можно выразиться. Он очень внимательно изучал ошибки диспетчеров и подмечал на выкипировках из графика» (из отзывов диспетчеров Богунова Н. В. и Шешина М. А.)¹⁰.

На станциях, за редким исключением, работали стрелочниками выходцы из деревни, у них не хватало дисциплины во время приготовления маршрутов приема и отправления поездов со сложной системой взаимоконтроля дежурного по станции, старшего стрелочника и младших стрелочников. Большая часть аварий и крушений происходила из-за этого. Избицкий анализировал случаи приема поезда на поезд или же на занятый путь подвижным составом на станции Усьва, Кутамыш, Кали, других станциях. Он пришел к выводу, что старшие стрелочники не обеспечивают безопасности поездов. 20 декабря 1936 г. он разработал и предложил систему зависимости маршрутов, при которой все стрелки приема поездов должны быть оборудованы замками системы Мелентьева, на стрелочных постах ящики зависимости должны замыкать электрическую цепь. Приводить их в открытое положение мог только непосредственно дежурный по станции. Предложение было рассмотрено отделом отделения и направлено для экспертизы в НКПС¹¹.

14 августа 1937 г. из главного управления связи и сигнализации ответили, что это уже описано в литературе по ключевой станционной блокировке, и отсылали к книге Петрова, выпуск 3-й, для продолжения работы по устройству. Но ответ пришел уже к следователю НКВД¹². 21 августа 1937 г. Избицкий был арестован. Он изобличался «в том, что к советской власти настроен враждебно, ведет антисоветскую агитацию, направленную на подрыв советских законов».

Следователь допытывался, что он делал на КВЖД и в Харбине, когда служил в старой армии, об эвакуации двоюродного брата в Америку, об эмиграции брата и сестры жены в Польшу, о двоюродных братьях, раскулаченных на Украине. Он требовал подтвердить выступление против Конституции СССР, на что Избицкий ответил, что у него «украли облигации, я возмущался, что вот воровать можно, а мер не принимают, а в отношении советских законов ничего не говорил».

– Следствию известно, что вы с другими поляками составляли шпионскую группу, следствие требует дачи правдивых показаний по поставленным вопросам.

– По данному вопросу виновным себя не признаю.

– В 1931 году вы были высланы с Юго-Западной дороги за антисоветскую агитацию против коллективизации. Подтверждаете?

– Нет, не подтверждаю.

– Вы являетесь польским агентом. Признаете себя виновным?

– Нет, не признаю.

– Вы лжете. Вам зачитывается показание о том, что вы являетесь руководителем контрреволюционной шпионско-вредительской организации.

– Нет, я не был руководителем шпионской вредительской организации.

– Следствие вновь вам предлагает не запыряться, а дать правдивые показания о вашей шпионской деятельности в пользу иностранного государства.

– Я не занимался шпионажем¹³.

И вывод следствия: обвиняемый Избицкий причастность свою к шпионской деятельности отрицает, однако уличается дачей ряда разноречивых показаний, показаниями других и другими данными следствия.

По обвинительному заключению Избицкий признан виновным в том, что, являясь польским шпионом и руководителем шпионской группы, занимался сбором шпионских сведений о Чусовском железнодорожном узле и промышленных предприятиях, а также в том, что он среди рабочих проводил антисоветскую агитацию. На следствии Избицкий виновным себя ни в чем не признал.

Постановление НКВД и Прокуратуры СССР от 25 ноября 1937 г. о расстреле приведено в исполнение 8 декабря 1937 г.¹⁴.

Жена Людвиг Андреевича Избицкий Софья Францевна, 1902 г. рождения, уроженка хутора Вышовка Киевской области, поляка, арестована 20 ноября 1937 г. Проживала в поселке Калино Чусовского района. Осуждена 2 августа 1938 г. Обвинение: СОЭ. Приговор: гласный надзор по месту жительства на два года¹⁵.

23 марта 1957 г. следствием было установлено, что в поведении Избицкого элементов проявления повышенного интереса, любопытства, которые выделяли бы его из среды других работников отделения, никто не замечал.

Это был скромный по поведению человек, аккуратный в работе, дисциплинированный¹⁶.

29 октября 1957 г. Избицкий Людвиг Андреевич реабилитирован посмертно.

Возняк Иосиф Игнатьевич, 1888 г. рождения, родился в Варшавской губернии уезда Сахачево, поляк, из крестьян, малограмотный, беспартийный. Жена Ксения Ильинична, дочери Тамара, Анна, Вера и сын Евгений. С 11 декабря 1917 г. – кочегар депо Пермь II. С 15 апреля 1920 г. – кочегар депо Пермь II по возвращению из реэвакуации от белых. С 1931 г. – помощник машиниста паровоза, машинист паровоза. 6 мая 1937 г. комиссия изучения и проверки работников Пермского паровозного депо вынесла резолюцию: оставить помощника машиниста Возняка на работе.

И все-таки Возняк И. И. арестован 7 декабря 1937 г. В справке на арест значится: в 1919 г. эвакуировался с белыми, вернулся в 1920 г., настроен антисоветски, распространял измышления о якобы начавшихся военных действиях на советском Дальнем Востоке. В 1920–1921 гг. был кандидатом ВКП(б), выбыл механически. Подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности по ст. 58-6-10 УК.

17 декабря 1937 г. на допросе:

– Будучи убежденным польским националистом, среди рабочих вы занимались антисоветской агитацией, дайте по этому вопросу правдивые показания.

– Я признаю, что по политическим взглядам я действительно убежденный польский националист, несмотря на то что я с начала революции принял советское гражданство, но антисоветской агитацией никогда не занимался. Я признаю, что действительно в 1919 году я отступал с белыми и у белых работал на паровозе помощником машиниста. В шпионско-разведывательной работе и антисоветской агитации я виновным себя не признаю, так как этого я не делал.

– Вы говорите неправду, следствие располагает достаточно изобличающими вас материалами о том, что вы являетесь агентом польской разведки, и на территории СССР вели шпионско-разведывательную работу, и занимались антисоветской агитацией в пользу Польши.

– Еще раз заявляю, что этого я не признаю.

– Вы не можете не признать, вас достаточно изобличают в своих показаниях свидетели.

– Несмотря на изобличающие меня показания свидетелей о моей агитации и клевете на Красную армию, все же я виновным себя не признаю.

– Вы на следствии продолжаете говорить неправду... Следствию также известно, что вы занимались разрушением паровозного парка и срывом нормального движения поездов... признаете вы это?

– Нет, этого я не могу признать, так как этого я не делал. Другого, кроме изложенного мною в показаниях, по затронутому вопросу показать ничего не могу¹⁷.

В обвинительном заключении от 22 декабря 1937 г. можно прочесть: «Возняк по своим политическим взглядам убежденный польский националист, в 1919 году добровольно отступал с белыми, в Белой армии работал на паровозе, в 1924 году обманным путем пробрался в ВКП(б), а затем исключен за нарушение партийной дисциплины, занимался антисоветской агитацией и высказывал националистические проявления... Выступал против стахановского движения... Проводил подрывную работу на разрушение паровозного парка.

Виновным себя признал в том, что он является убежденным польским националистом, а в остальном свою виновность отрицает, но достаточно изобличается свидетелями.

Следственное дело направить на рассмотрение особого совещания НКВД. Начальник ДТО ГУГБ НКВД Пермь сержант Г. Б. Новоселов»¹⁸.

Постановление НКВД СССР от 31 марта 1938 г. о расстреле приведено в исполнение 27 апреля 1938 г.¹⁹.

9 августа 1940 г. заместитель прокурора ПЖД Маринин, рассмотрев жалобу Возняк Ксении Михайловны о неправильном осуждении ее мужа и ознакомившись с делом по обвинению Возняка Иосифа Игнатьевича, нашел, что его обвинение основано на показании двух свидетелей. Однако в этих показаниях, кроме общих рассуждений, ничего крамольного не имелось. Из них невозможно установить, где, когда, при ком вел антисоветскую агитацию Возняк. В части же обвинения его в шпионаже в деле не имеется никаких доказательств. Показания свидетелей нельзя признать бесспорными доказательствами. Дело направили начальнику ДТО НКВД ПЖД на доследование.

Однако в ДТО НКВД ПЖД снова опросили свидетелей, они снова подтвердили свои показания. И тогда вынесли вердикт, что «решение особого совещания НКВД СССР от 31 марта 1938 г. в отношении осужденного по I категории Возняка Иосифа Игнатьевича вынесено правильно, в соответствии со следственными материалами»²⁰.

Сын, Возняк Евгений Иосифович, 1921 г. рождения, уроженец Перми, русский, образование восемь классов, с 1937 г. – рабочий фабрики «Красный Урал» в городе Молотове, с октября 1938 г. – ученик школы ФЗУ, с 1939 г. – слесарь паровозного депо станции Пермь II. В годы Великой Отечественной войны руководил молодежной бригадой по ремонту паровозов – его бригада получила почетное наименование «фронтная». С 1946 г. он помощник машиниста, затем машинист паровоза, машинист электровоза, с января 1976 г. на пенсии. В 1949 г. вступил в КПСС. В 1947 г. в автобиографии он записал: «Отец, Возняк Иосиф Игнатьевич, работал в депо Пермь II машинистом, в

1937 г. арестован, за что – не знаю, посажен и до сих пор находится в заключении. Мать, Ксения Ильинична, работает в пожарной охране мясокомбината»²¹.

Ширкина Вера Иосифовна обратилась в КГБ: «Прошу рассмотреть мое заявление в части правильности осуждения моего отца, Возняка Иосифа Игнатьевича. Одновременно сообщите, где он находится, если жив, если не жив, то когда и где умер». Оперуполномоченный управления КГБ при СМ СССР на Свердловской железной дороге лейтенант Архипов сделал заключение, что виновным себя Возняк признал только в том, что является убежденным польским националистом, а показаний свидетелей об антисоветских высказываниях недостаточно для отказа в пересмотре постановления НКВД от 31 марта 1938 г. Обвинение в шпионской деятельности вовсе ни на чем не обосновано²².

Постановление НКВД и прокурора от 31 марта 1938 г. в отношении Возняка И. И. отменено, а дело прекращено 26 сентября 1957 г. за отсутствием состава преступления²³.

Овчарек Иван Яковлевич, 1893 г. рождения, родился в Радомской губернии Кузницкого уезда деревни Воля, поляк, беспартийный, рядовой старой армии, у белых не служил. В Красной армии был в том самом отряде, что восстанавливал Камский мост в 1919 г. С 17 июня 1933 г. работал стрелочником на станции Пермь II, жил на Пролетарке. 11 сентября 1933 г. он получил поощрение за «исключительное, добросовестное отношение к делу, заботливость к маневровой работе и выполнение требуемых обязанностей, даже не входящих в его круг».

14 сентября 1934 г. треугольник станции (начальник станции, председатель местного профсоюзного комитета и парторг) отметили, что «старший стрелочник Овчарек смотрит за приготовлением стрелок для поездов и руководит младшими стрелочниками. Принимает участие в общественной политической профессиональной работе. Дисциплинированный, энергичный, настойчивый, как бригадир смены работу организует хорошо». Решение треугольника – оставить в занимаемой должности.

Протокол допроса Овчарека Ивана Яковлевича от 2 ноября 1937 г.:

- Поляков никого не знаю, в костеле был в 1931 г., когда венчался с женой.
- Следовательно, выполняя религиозные традиции, вы являетесь националистом-патриотом Польши?
- Патриотом польским не являлся в то время, но, совершая религиозный обряд венчания, безусловно, во мне были какие-то националистические чувства.
- Вы арестованы как член Польской националистической общины, существовавшей в Перми, и по ее заданию вели шпионскую работу в пользу польской разведки. Вы признаете это?

– Нет, этого я не признаю, так как никакой шпионской работы я не проводил и членом Польской националистической общины не являюсь.

– Вы говорите неправду. Следствием определено установлено, что вы являетесь членом Польской националистической общины, в которую были вовлечены польским ксендзом, и по его заданию вели шпионскую работу в пользу польской разведки. Следствие предлагает вам дать по этому вопросу правдивые показания.

– Я еще раз заявляю, что шпионской работой не занимался и вовлечен никем не был.

– Прекратите уклоняться от дачи правдивых показаний... В Перми существовала Польская националистическая община?

– Да, в Перми существовал польский костел, который объединял Польскую националистическую общину.

– Вы в польском костеле были?

– Да, был один раз во время венчания в 1931 г.

– Следовательно, вы являетесь членом Польской контрреволюционной националистической общины в Перми и по ее заданию проводили контрреволюционную работу в пользу польской разведки. Вы признаете это?

– Нет, не признаю.

– Следствием установлено, что вы, будучи враждебно настроены к советской власти и партии, среди рабочих станции Пермь II вели антисоветскую агитацию?

– Нет, этого я не признаю. Я признаю, что в 1932 году мной высказывались недовольства и на администрацию. Я заявлял, что вы занимаетесь самоснабжением, а рабочие ходят на работу босые, которым создали такие трудные условия жизни.

– Вы ознакомились со свидетельствами, что вы являетесь польским националистом, проводили агитацию, восхваляли капиталистический фашистский строй Польши, доказывая преимущества перед Советским Союзом.

– Нет, этого я не подтверждаю²⁴.

Из обвинительного заключения: «...Являясь польским националистом, вел среди рабочих пропаганду, направленную на восхваление Польши, доказывая преимущества жизни и культуры Польши перед Советским Союзом... обвиняя советскую власть в создании трудностей жизни для рабочих... виновным себя не признал... Направить на рассмотрение особого совещания НКВД»²⁵.

Постановление особого совещания при НКВД СССР от 26 ноября 1937 г.: «За контрреволюционную деятельность заключить в исправительный лагерь сроком на десять лет. Надлежит направить с первым отходящим этапом на станцию Няньдом Северной железной дороги». После 1956 г. Овчарек Иван Яковлевич реабилитирован²⁶.

21 марта 1960 г. Овчарек Елизавета Васильевна писала в запросе: «В сентябре 1937 года был арестован мой муж Овчарек Иван Яковлевич, и больше домой он не вернулся. Мне стало известно, что он был реабилитирован, но в лагере умер. С его арестом была арестована и я с конфискацией имущества и документов, но через год меня освободили, а имущество и документы не были полностью возвращены».

28 июня 1960 г. в протесте в порядке надзора по делу Овчарека И. Я. можно прочесть: «Никаких материалов, подтверждающих обвинение в шпионской и националистической деятельности, на следствии добыто не было. Имеющиеся в деле показания свидетелей доказательствами по обвинению Овчарека в антисоветской агитации служить не могут... Овчарек был привлечен к уголовной ответственности необоснованно.

Постановление особого совещания от 26 октября 1937 г. отменить и производство дела за отсутствием состава преступления прекратить. Военный прокурор УРВО А. Мозгов»²⁷.

Поляки, приехавшие жить и работать на Пермскую железную дорогу, делили с русскими и представителями других национальностей радости, достижения и все беды и невзгоды, выпавшие на долю и русских, и поляков, и всех других народов России и Советского Союза за все время существования дороги. Волей или неволей они выполняли великую дипломатическую миссию по сохранению дружеских и уважительных отношений между двумя великими славянскими народами – поляками и русскими. Именно народная дипломатия каждый раз не давала и сегодня не дает полякам и русским превратиться в непримиримых врагов.

¹ Мильман Э. М. История первой железнодорожной магистрали Урала (70–90-е гг. XIX в.). Пермь: Пермское книжное изд-во, 1975. С. 111; Пермские губернские ведомости (ПГВ). № 84. 18 окт. 1878 г.

² Из биографических сведений об участниках событий на Пермской железной дороге, собранных автором / См.: Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 2003.

³ Из коллекции документов по истории сектора архивов. Пермь, служба управления делами Свердловской железной дороги (далее Сектор архивов).

⁴ Сектор архивов.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 33025. Л. 28.

⁶ Сектор архивов.

⁷ ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 33025.

⁸ ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 33025. Л. 29.

⁹ Сектор архивов.

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15364. Л. 42–45.

- ¹¹ ПермГАНИ. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 37. Л. 6, 7, 11, 15.
- ¹² ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15364. Л. 91.
- ¹³ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15364. Л. 22.
- ¹⁴ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15364. Л. 36.
- ¹⁵ Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 2003.
- ¹⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15364. Л. 42.
- ¹⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15712. Л. 12–14.
- ¹⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15712. Л. 27.
- ¹⁹ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15712. Л. 17.
- ²⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14972. Л. 24.
- ²¹ Сектор архивов. Пермь, служба управления делами Свердловской железной дороги. Ф. 5. Оп. 9. Д. 967.
- ²² ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14972. Л. 32–33.
- ²³ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14972. Л. 22–23.
- ²⁴ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14524. Л. 7–15.
- ²⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14524. Л. 20–21.
- ²⁶ Сектор архивов. Ф. 2. Оп. 1. Д. 603; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 2003; ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14524. Л. 22–23.
- ²⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14524. Л. 36.

**ТРИЖДЫ РЕАБИЛИТИРОВАННЫЙ,
или Несколько уральских страниц из творческой биографии
композитора Генриха Терпиловского**

В. Ф. Гладышев
Пермь

Летом 2013 г. на городской Аллее славы в Перми «зажглась» звезда композитора Генриха Терпиловского (1908–1988). Память о замечательном человеке, которого называли иногда «пермским Дон-Кихотом», жива. В юбилейном и для города (290-летие), и для композитора году популярный квартет «Хорус» включил в одну из своих концертных программ два вокальных сочинения Терпиловского – песни «Синева» и «В городе Энске». Напротив здания оперного театра, на экскурсионной тропе «Красная линия», есть остановка, на которой рассказывается о судьбе музыканта, чьи произведения шли и на сцене театра, называемого «Домом Чайковского».

Может, в новом веке удастся наконец воздать должное замечательному человеку, почти 40 лет – за вычетом ссылки – жившему и творившему в Перми? Человеку, которого называли одним из отцов советского джаза (в последнее время – отечественного или русского джаза).

Стало уже доброй традицией открывать Международный джазовый фестиваль музыкой «Джаз-лихорадки», написанной Генрихом Терпиловским в 1930-е гг.

Однако надо признать, что музыкальное наследие Г. Р. Терпиловского ныне почти забыто, кроме нескольких произведений, ставших классикой еще при жизни автора. Между тем Генрих Романович создал за свою большую, трудную жизнь музыку к четырем балетам, девять крупных произведений (рапсодии, кантаты, сюиты, симфониетты) и более 170 вокальных произведений. Причем это только по списку, собственноручно им составленному, на самом деле было сотворено еще больше. Немало интересной музыки написано композитором во время работы в драматическом театре (детском и взрослом). Заслуживает внимания, конечно, и его литературное творчество, в частности, поэтическая «Лагериада».

Произведения Терпиловского нужно изучать, давать им вторую жизнь, а в ряде случаев – просто первую.

В 1934 г. молодой музыкант Генрих Терпиловский написал цикл песен на стихи негритянского поэта Ленгстона Хьюза, в которых есть такие слова: «Я ведь очень одинок, / Кроме как к себе, пойти куда? / Полку я прибью под потолок, / Положу печаль свою туда...»

Тогда время требовало жизнерадостной музыки – таков был социальный заказ. Все внешне хорошо складывалось у Генриха, только что окончившего Ленинградскую консерваторию по классу композиции (заочно, потому что он уже работал по другой специальности, полученной в сельскохозяйственном институте). Но вскоре старший экономист одного из совхозных трестов Наркомснаба был переведен дирижером молодежного оркестра Ленинградского обкома комсомола, который работал в помещении кинотеатра. Трудоустроиться по склонности душевной помогло представление Союза композиторов. Однако руководителем оркестра Терпиловский побыл недолго.

«ЧК не дремлет», – говорили тогда. На отпрыска старинного шляхетского рода наехало страшное колесо ОСО (особое совещание). Стремительно и страшно разворачивалось «дело Кирова»...

В 1935 г. Генрих был сослан в Алма-Ату сроком на пять лет, работал там руководителем оркестра в кинотеатре «Алма-Ата». Но в 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Алма-Атинской области был заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет...

В молодости Терпиловский еще пытался как-то «встроиться» в социалистическую действительность. Его настроение тех лет можно сравнить с тем, что пытался выразить Борис Пастернак в своих патетических (но искренних!) виршах во славу партии и правительства. Или друг детства Дмитрий Шостакович, у которого также есть, к примеру, заказной вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии» – про счастье жить в колхозе. Вот и Терпиловский пытался одно время разглядеть в чекистах личностей. (Вполне вероятно, что даже встречал таковых.) И в поэме Терпиловского «Где кончается Дальний Восток» мы можем прочесть поразительные строки: про стальное племя людей, не знающих слова «страх», чьи «планы смелы, мысли чисты, и имя было им – чекисты». Это написано в 1940 г.¹

Срок свой Генрих Терпиловский отбыл полностью и после освобождения вновь работал по дирижерской специальности: с 1947 г. до 1949 г. – в Грозном, с 1949 г. – в Молотове (ныне Пермь). Но здесь он был опять арестован! И... новая ссылка, в Красноярский край.

Последняя судимость, в Молотове, самая краткосрочная и самая анекдотичная, если смотреть с нынешних позиций. Терпиловский «сторел» тогда в «очаге культуры»... История эта казалась сначала настолько неправдоподобной, что невольно подумалось: присочинили что-то вспоминающие... Но нет, все так и было.

В мирное послевоенное время, после тяжких лет испытаний и мытарств чета Терпиловских перебралась из Грозного на Урал. Генрих Романович неплохо устроился, руководил оркестром клуба имени И. В. Сталина. Там вот его и взяли, прямо во время репетиции, спустя всего полгода после приезда. Жена Терпиловского Нина Георгиевна вспоминала:

– Двое молодых людей пришли к нам на квартиру вместе с Генри, начался обыск. Вышли тоже вместе с ним, делая вид, будто гуляют с другом. «Прогулка» кончилась тюрьмой, а затем ссылкой. И все из-за дурацкого доноса: якобы Терпиловский во время своей игры на рояле передавал условными знаками секретную информацию о заводе агентам, находившимся в зале. Ну, глупость, да? Но нашлись даже «свидетели», люди, поверившие в эту глупость, нашедшие подозрительным поведение музыканта. Не мог помочь нам и казавшийся всемогущим директор завода Солдатов, который всегда поддерживал оркестр...

Много позже, в 1966 г., поздравляя оркестрантов с 25-летием коллектива, пенсионер союзного значения Анатолий Григорьевич Солдатов писал: «...Я всегда был глубоко заинтересован вашей деятельностью, искренне желал вам самых больших успехов. За эти годы вы проделали на заводе огромную просветительскую работу, вы приобщили к музыке тысячи молодых людей и украсили жизнь всего коллектива завода».

Тем не менее Генриха Терпиловского тогда опять отправили в Сибирь. Солдатов был искренен, но не всемогущ – тогдашняя политическая спецслужба СССР мыслила и действовала в духе своего времени.

В своей автобиографии композитор скупое говорит о годах преследований. Довоенная ссылка в Казахстан в 1935-м, можно подумать, для него началась «как прогулка», путешествие по солнечной республике за казенный счет. А между тем срок свой лагерный в 1937-м молодой композитор получил после отказа быть «стукачом»...

«Красное колесо» наехало и на него, именно здесь надо искать секрет многолетней сдержанности, молчаливости Генриха Романовича при разговорах о прожитом. В книжечке афоризмов Бертольда Брехта на польском языке, которую Терпиловский вывез из Польши, им подчеркнуто такое высказывание драматурга: «Глядишь, доживем до того времени, когда не надо будет озираться, подобно заговорщикам, говоря, что дважды два – четыре...».

Терпиловский + Терпсихора = ...

Список творческих удач композитора начат им с упомянутого цикла песен на слова Ленгстона Хьюза. Генрих Романович создавал его дважды: сначала – молодым, в 1934 г., по заказу Ленинградского радио, а затем вернулся к Хьюзу спустя два с лишним десятка лет, после перенесенных испытаний и ударов судьбы.

Вот случай, связанный с пермским балетом: про то, как композитора обошли правительственной наградой.

В 1961 г. Терпиловский написал балет «Королева полей». Да, о кукурузе. Либретто сочинила пермский хореограф К. Есаулова. Спектакль пользовался поразительным успехом: неожиданное решение, оригинальная музыка, прихотливая хореография, милые юные солисты, резвившиеся на сцене... Позднее по «Чудеснице» – так стал называться балет – был снят и телефильм, а спустя десять лет композитор включил сюиту из балета в программу своего авторского вечера.

На волне успеха пермскую «Чудесницу» повезли в Москву, как вспоминала Нина Георгиевна, вдова Генриха Романовича. Руководство заговорило о том, что «сам Никита Сергеевич...» и прочее, авторам в шутку предлагали уже крутить на лацканах дырки для орденов. Но в это время – первый полет человека в космос! Хрущева отвлекли космические торжества, и в театр на пермский спектакль он так и не попал. Правда, работа пермяков была замечена известным столичным специалистом В. Вансловым, который написал в рецензии: «В актив театра следует отнести... привлекательный детский балет «Чудесница» Г. Терпиловского (балетмейстер К. Есаулова)». По тем временам такие дифирамбы в центральной прессе дорогого стоили.

Впрочем, сам Генрих Романович редко расстраивался из-за недостатка знаков внимания. Терпиловского всегда увлекала необычность творческой задачи, возможность по-новому выразить себя, как в первом его сочинении для Терпсихоры. Потом он написал музыку для балета «Выстрел» (по рассказу «Сорок первый» Б. Лавренева, в постановке М. Газиева) и балета «Лесная сказка, или Выстрел в лесу».

Во всей своей гармоничности и свежести

Известный дирижер, народный артист России Борис Афанасьев так написал о Г. Р. Терпиловском в предисловии к сборнику его сочинений: «...Композитор Генрих Романович Терпиловский получил музыкальное образование в Ленинградской консерватории, в классе профессора М. О. Штейнберга. К сочинению музыки приступил очень рано, и первая же его оркестровая пьеса «Джаз-лихорадка» стала общепризнанным боевиком конца 1920-х годов. Недавно эта пьеса исполнялась в Москве на юбилее советской джазовой музыки.

Многие страницы этого сборника, вероятно, известны пермским любителям музыки. В сборник вошел ряд песен, созданных в разное время: от патетической песни-баллады «Коммунары» на стихи Е. Евтушенко до озорной «Рыжей девчонки», исполнявшейся и по Центральному телевидению. Песни Терпиловского мелодичны и легко запоминаются.

В своей творческой деятельности Г. Терпиловский не ограничивается жанром песни... Композитором написаны три одноактных балета... оперетты «Девушка-гусар» и «Я вам пишу». Хочется отметить кантату «Урал», «Мексиканскую рапсодию», симфониетту «Амок», балладу «Таинственный трубач» и музыку не менее чем к 12 театральным спектаклям.

Генрих Романович ведет большую общественную работу, являясь председателем правления объединения композиторов Прикамья и музыкальным критиком.

В лучших песнях Терпиловского запечатлен мир простого советского человека. Откройте сборник, друзья, проиграйте ноты, и мир этот предстанет перед вами во всей своей гармоничности и свежести...».

Однако некоторые считают, что Терпиловский – автор одного произведения. Часто ассоциация с фамилией композитора такова: Терпиловский? О! Это «Джаз-лихорадка»! Да, именно на этом произведении молодой композитор получил «боевое крещение» в одном из первых джазовых оркестров Ленинграда, созданном Георгием Ландсбергом. На концерте перед исполнением «Джаз-лихорадки» Ландсберг сказал, обращаясь к публике (по воспоминаниям самого композитора): «Не умолкают споры на тему, здоровое ли искусство – джаз? Несомненно, болезненное. Наш молодой земляк Терпиловский принес нам свое сочинение, мы попробовали его сыграть – не смогли! Мы заболели, нас колотило...».

Тут неожиданно дирижера перебивал ударник, имитируя приступ. Ландсберг подбегал к нему и, находясь спиной к зрителям, помогал: гасил руками звучание тарелок... Затем он дирижировал группой саксофонистов, лишь изредка укоризненно поглядывая на барабанщика, когда того вновь охватывала лихорадка. И так, сквозь очередные приступы озноба отдельных музыкантов или целых групп ансамбля, Ландсберг благополучно довел пьесу до конца.

Обычно пьеса повторялась на бис, хотя, описывая свой первый успех на публике, Генрих Романович не забывал повторять, что обязан им, прежде всего, виртуозности музыкантов – ударника Козловского, великолепного трио саксофонистов: Рукавишников, Кандата, Котлярского.

Между тем споры вокруг джаза не утихали, и противников его никак не становилось меньше. В то время к джазу было принято относиться свысока, а то и с предубеждением. Это отлично почувствовал на себе Генрих Терпиловский в 1934-м. Это решило судьбу его друга Сергея Колбасьева, дипломата, писателя, капитана, который «пробил» на Ленинградском радио цикл получасовых бесед о джазе. Увлекательные радиобеседы Колбасьева оборвались в 1937 г.

Если долго жить в Перми

Остается один важный вопрос: почему Терпиловский не уехал в свой любимый город на Неве? Композитор многие годы мечтал о нем, рвался в Питер, видел его во сне. Возможно, временами он даже ощущал свою обделенность, когда, к примеру, прочитал в письме слова Л. О. Утесова: мол, как жаль, что вы живете на отшибе... И однажды на прямой вопрос приятеля, почему ты не уехал в Ленинград, Генрих Романович ответил: «Я опоздал...».

В списке его творений встречается немало произведений, связанных с Ленинградом. Еще в 1942 г. он написал песню на стихи И. Мороза «С Васильевского острова» про веселого гармониста с завода «Металлист», ушедшего защищать любимый город. Он посвятил ее «героическому городу Ленина». У Терпиловского был свой Ленинград... После многолетних невольничьих сроков, после ограничений в правах, в передвижении, в выборе места жительства Генрих Романович одно время даже боялся отправиться в город своей юности. Был такой период в его жизни. Потом он съездил туда, погулял по знакомым местам. Возобновил контакты с однокашниками и по техникуму, и по школе.

Постепенно он проникался теплыми чувствами к другому городу, к тому, в котором обрел крышу над головой, семейный очаг. Жить на разрыв между двумя городами долго нельзя. В творчестве Г. Р. Терпиловского одна за другой появлялись песни, посвященные Перми. Одна из них, на стихи Льва Кузьмина, прозвучала в кинофильме «Капризка – вождь ничевоков» (1969). Композитор, выбрав эти стихи, словно продолжает разговор на сокровенную, корневую для себя и других тему: «...Но я обошел вокруг земли, / Переплыл я океан и понял: / Самый лучший город – не за морем, / Самый-самый лучший город там, / Где с дугою-радугой в соседстве / Расположен солнечный квартал / Нашего безоблачного детства».

Проникнувшись местными настроениями, композитор писал не только серьезные вещи, классику, джаз, но сочинял и шуточные песенки, как, например, «От Перми Второй до Разгуляя». Простой сюжет о любви юной пары, которая обрела, наконец, общий адрес. Так что в Перми надо жить долго, тогда обязательно чего-то добьешься.

Пермская общественность по достоинству оценила вклад Терпиловского в развитие культуры города. Авторский вечер композитора прошел в Пермском театре оперы и балета с участием ведущих артистов, музыкантов. «В этот вечер в зале театра было много молодежи. И мало кто из них знал, что Генрих Романович приехал в наш город в середине 1930-х из Ленинграда и с Пермью связан новый этап в его творческой биографии»². И главной газете региона приходилось в ту пору идти на такие уловки, допускать умолчания... Подытоживая все сделанное композитором, обозреватель газеты «Звезда» С. Коробков выразился точно, когда сказал, что пермские слушатели

разных поколений давно считают Терпиловского своим земляком. Ведь «тема Урала, тема города на Каме, росшего и мужавшего на его глазах, давно стала магистральной в творчестве композитора»³. Называя его «Юбилейную кантату» на стихи В. Радкевича, газета напомнила, какую огромную общественную роль сыграл ее автор в становлении музыкальной культуры Прикамья: «...Любовь его к Пермскому краю нашла свое выражение не только в таких известных произведениях, как «Уральская рапсодия», кантаты «Урал» и «Сад декабристов», но и в той поистине подвижнической деятельности, которой славится композитор на ниве музыкального просветительства и пропаганды лучших произведений культуры и искусства»⁴.

В тот вечер, помимо теплых слов и благодарностей, верный рыцарь музыки был награжден почетной грамотой Пермского облисполкома с пожеланиями творческого долголетия. Творческое долголетие – оно у всех на виду. Только, к сожалению, жить юбиляру оставалось всего ничего...

А город на Неве тоже не забывал о нем. В 1986 г. Генрих Романович получил письмо из Ленинграда от своей однокашницы Наташи, Натальи Сергеевны, которая сообщала о подготовке к юбилейной встрече выпускников их родной школы. Она же поведала о том, как сложились судьбы бывших соучеников. У многих – ученые звания, труды, книги, а сколько уже ушло из жизни... Не смог приехать на встречу и Генрих Романович.

...После кончины композитора в Пермь еще шли из Питера письма. Прислал письмо с соболезнованием и руководитель «Ленинградского диксиленда» Олег Кувайцев.

На отшибе Генрих Романович никогда не жил, даже оказавшись не по своей воле в Магадане. Все дело в том, что он относился к тому типу творчески сильных, самодостаточных индивидов, которые в жизни руководствовались постулатом: столица – во мне. Он сумел наполнить свое бытие всеми ветрами, всем спектром потребностей, необходимых для существования духа.

Что касается его «искусства жить долго» – тайна сия великая была, есть и останется. Видимо, гены. Видимо, порода. Столько пережить и столько прожить... Ну как это объяснить?

Он жил нацеленным на творчество – и работа, «смешная дудочка моя» (по Ю. Левитанскому), спасала. Он просто жил полной жизнью. Изучал языки (вдова передала в Горьковскую библиотеку около 30 книг на иностранных языках, в основном, конечно, на польском, некоторые с автографами авторов). Болел за ленинградский «Зенит» (вырезал из газет сообщения об играх команды, восхищался Павлом Садыриным, бывшим пермяком, приведшим зенитовцев к званию чемпиона страны!). А если просто болел, в житейском смысле, то переносил свои хвори стоически. Иногда не мог разогнуться – так «прихватывало». Но все равно упрямо возвращался к жизни и всегда шутил, улыбаясь через силу...

В 2007 г., когда доктор искусствоведения, директор НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии наук В. В. Ванслов приезжал в Пермь (он участвовал в международных VII Дягилевских чтениях), гостю была подарена копия статьи, им написанная. Оказалось, Виктор Владимирович впервые увидел свою статью напечатанной. Он и сегодня придерживается того мнения, что творчество Генриха Терпиловского относится к самым ярким страницам музыкального наследия России.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по оригиналам сочинений композитора, переданных его вдовой Н. Г. Терпиловской автору данного исследования.

² Коробков С. Искусства и музыки рыцарь. Звезда. Март. 1984.

³ Там же.

⁴ Там же.